

ЗВЁЗДЫ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

ЗАПРЕЩЁННАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ

ОДИНОЧКА

СМЕРШ - 2

Василий Васильевич Головачев
Запрещенная реальность.
Одиночка. Смерш-2
Серия «Запрещенная реальность»
Серия «Звезды советской фантастики»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67877990
Одиночка. Смерш-2: Издательство АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146687-9*

Аннотация

Человек имеет право на выбор. Но иногда судьба решает за него, и тогда остается только действовать.

Тарас Горшин – мастер боевых искусств, только что ставший Посвященным Внутреннего Круга, хранящего тайные знания человечества.

Матвей Соболев – ганфайтер, профессиональный контрразведчик, в совершенстве владеющий приемами рукопашного боя и получивший задание узнать, кто организует хищение образцов новейшего вооружения.

Им обоим приходится вступить в борьбу с беспределом, захлестнувшим страну, и столкнуться не только с уголовниками всех мастей, коррумпированными чиновниками и «оборотнями»

в системе МВД и ФСБ, но и с самим Монархом Тьмы – аморфом Конкере, нечеловеком из иной реальности Земли.

Романы «Одиночка» и «Смерш-2» открывают популярный цикл Василия Головачёва «Запрещённая реальность».

Содержание

Одиночка	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	42
Глава 4	61
Глава 5	68
Глава 6	85
Глава 7	102
Глава 8	121
Глава 9	147
Глава 10	157
Глава 11	170
Глава 12	187
Глава 13	204
Глава 14	223
Глава 15	232
Глава 16	250
Глава 17	272
Конец ознакомительного фрагмента.	286

Василий Головачёв

Одиночка. Смерш-2

© Василий Головачёв, текст, 2002, 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Светлой памяти бабушки Ани посвящаю

*Если ты мне враг – кто тогда мне друг?
Леонид Филатов*

Одиночка

Глава 1 Погружение

Больше всего это походило на стремительное падение в темную пропасть, хотя никуда он не падал: так начинался спуск сознания по цепи наследственной памяти в прошлое. Учитель называл такой процесс «получением доступа к файлам генетического древа человека», самому же Тарасу нравилось другое определение: «погружение трансперсональной сферы в глубины родовой линии». По сути, он открывал тайники глубинной психики, кладовые памяти, хранившие все сведения о предках, которые жили до его появления на свет. Но ощущение быстрого погружения во тьму превалировало над другими чувствами, и Тарас отдался потоку сил, уносящему его «вниз», в бездну памяти, и лишь считал секунды, стараясь не пропустить момент выхода в нужное время и в нужном месте.

Научился он «хронопогружениям с фиксированным выходом» не сразу. Несколько раз его вышвыривало обратно в родное время с оглушающей отдачей, дважды заносило в начало времен, когда его предками были какие-то громадные

существа, не оставившие в истории Земли никаких следов. И лишь благодаря подсказкам учителя Тарас наконец добился необходимой сосредоточенности и дисциплины мысли и смог контролировать свои сны-состояния, чтобы видеть и переживать то, что видели и переживали его предки сотни тысяч и миллионы лет назад. На самом деле, конечно, это не он «нырял» в глубины родовой памяти, а информация о прошлых звеньях филогенеза всплывала из подсознания и проявлялась в сознании картинami жизни предков.

Но вот падение замедлилось, ощущение невесомости прошло, тьма «внизу» под ногами расцвела сполохами северного сияния, и Тарас прозрел.

Перед глазами лежала каменистая, поросшая куртинами жесткой желтоватой травы долина, окруженная цепью белоснежных гор. Темно-синее небо с висящим над горами слепящим оком солнца перечеркивали серебристые полосы облаков, похожие на инверсионные следы высотных самолетов. В центре долины высилось монолитное угрюмое сооружение необычной формы из коричневого бликующего материала, похожего на расплавленный базальт. Более всего оно напоминало форт с пятью округлыми башнями и центральным куполом – это если сравнивать его с человеческими постройками, или гигантскую раковину моллюска – если вспомнить формы, созданные неразумной земной природой. Однако Тарас в своих походах по родовой памяти уже встречался с подобными постройками и знал, что перед ним «за-

мок» изоптеров, разумных термитов.

Разрушить подобные сооружения можно было, наверное, только с помощью ядерного взрыва, и тем не менее в куполе «замка» зиял огромный звездообразный пролом, по которому можно было судить о невероятной силе противника колонии изоптеров, который пробил стену «замка» и уничтожил его хозяев.

Над мертвым «фортом» висело в воздухе еще одно удивительное сооружение, соединенное с ним толстым колючим тросом. Его сложную форму описать было трудно, однако отдаленно оно напоминало гигантский самолет, без винтов и кабины летчиков, из желтовато-зеленого пористого материала. Фюзеляж этого «самолета» образовывали вертикальные овальные короба, или, точнее, складки из того же толстого материала, а «крылья» с бахромчатыми вздутиями на конце походили на соты, некоторые ячейки которых светились изнутри. Кроме того, из «фюзеляжа» вырастали ветвистые рога, черные кончики которых дымились, как сгоревшие в костре ветки.

И это сооружение было хорошо знакомо Тарасу. Оно представляло собой «гнездо», или летающую «крепость», разумных ос – веспидов.

Эпоха, в которую он попал после «всплытия» в нише родовой памяти, хранившей знания и переживания предка, давно сменила эпоху Инсектов на Земле, однако их сооружения жили долго и попадались на глаза часто, хотя на место

разумных насекомых пришли уже новые повелители природы, потомки трансформированных блаattoптеров – люди.

Впрочем, еще не совсем люди.

Тело предка Тараса, в котором он временно «поселился», имело шесть конечностей – две ноги, сжимавшие в настоящий момент бока странного зверя, скорее всего, прирученного динозавра, и четыре руки. Одна пара рук держала поводья «коня», вторая – устрашающего вида самострел.

Конечно, самого себя (то есть предка) Тарас видеть не мог, но уже встречался с «соотечественниками» во время погружений и знал, что на людей они похожи мало, несмотря на почти человеческую голову и вполне человеческие кисти рук.

Во время хроногенетических путешествий ему встречались и еще более экзотические существа: одноглазые великаны, позднее воспетые в мифах как циклопы, трехглазые и четырехрукие гиганты восемнадцатиметрового роста и вообще жуткие монстры, похожие на помесь динозавров, крокодилов и людей. Все они были детьми трансформационной войны, вспыхнувшей между Инсектами, кроме собственно людей, которые представляли собой потомков измененных Аморфами блаattoптеров – тараканов разумных. Остальные Инсекты после вмешательства Предтеч, Первых Разумных на Земле, были сброшены ими в «энтропийную яму», то есть резко измельчали – в сто раз! – и потеряли весь свой интеллектуальный потенциал. Хотя некоторые насекомые, из-

бежавшие общей участи в ходе трансформационной диффузии, встречались на Земле еще тысячи лет после Изменения.

Предок Тараса пришпорил «коня» и поскакал по склону в долину, к «форту» изоптеров. Он не был странником или открывателем земель, как другие предки, но целеустремленно обшаривал древние сооружения в поисках сохранившихся информационных банков данных. Этими «банками» могли быть и каменные плиты, и свитки, и кристаллические стержни, и многое другое, что использовали в своей деятельности Инсекты. Однако самому Тарасу нужны были только лингвотопологические носители, изменявшие форму в соответствии с изменением законов реальности. В двадцать первом веке, в котором жил Тарас Горшин, эти носители представляли собой плиты с гипертекстом, расшифровать который специалисты еще не смогли. Во времена Перволюдей, один из которых – предок Тараса – стал Хранителем опасных знаний, плиты могли быть чем угодно, от материальных предметов до голографических долгоживущих кластеров. Но главное, что тексты этих плит не надо было переводить на человеческий язык. Предки знали *метаязык*, основанный на звуках, которые не могло произносить человеческое горло, а также на Ключах понимания, и если бы плиты нашлись, через сознание предка Тарас воспринял бы и смысл послания. Искал же он по заказу учителя не что иное, как описание базовой системы самозащиты, которую разработали Перволюди и отголоски которой дошли до современников Тараса в

виде иносказаний и легенд.

Впрочем, возможно, никакой базовой системы боя и не существовало, а учитель принимал желаемое за действительное и искал то, чего никогда не было.

«Форт» изоптеров приблизился, закрыл полнеба, внушая уважение и страх. Высотой он был не менее двенадцатиэтажного дома, а в диаметре достигал размеров футбольного стадиона.

Внезапно «носитель» Тараса остановился, вглядываясь в дальний конец долины, где наметилось какое-то движение. Зрение у Перволюдей было объемным, как и у всех насекомых, в то время как у людей – биноккулярным, поэтому приспособиться к такому способу обработки видеoinформации удавалось не сразу.

Сначала Тарасу показалось, что зашевелилась одна из скал на краю долины. Потом он понял, что это идет один из гигантов, вымирающие ветви которых сохранились вплоть до голоцена.

Гигант приблизился к «форту» изоптеров, ступая тяжело, с грацией слона, однако быстро и целеустремленно. Рост его достигал примерно пятнадцати метров, он был узкоплеч, не имел талии, ноги у него были толстые и по первому впечатлению гнулись где придется. Руки длинные – гораздо ниже пояса; одна болталась свободно, вторая придерживала лежащую на плече дубину, или скорее булаву с колючками. На бугристой голове, уходящей в плечи, сидело нечто вроде дырчатой

шапки или шлема. Лицо у гиганта было также бугристым, с очень широким носом и узким и длинным, как у лягушки, ртом. Глаз посреди лба был один, и тоже узкий и длинный, сверкающий ледяной синью.

Он остановился у «форта», не обращая внимания на Тараса, поднял руку ко лбу козырьком, разглядывая висящую в воздухе крепость веспидов, потом начал взбираться на стену «форта», не выпуская своей огромной шипастой булавы. И, как оказалось, не зря, хотя булава ему явно мешала. В тот момент, когда гигант-циклоп взобрался на купол крепости изоптеров, из «фюзеляжа самолета» веспидов на крыло выбрался его хозяин. Но не веспид, как ожидал Тарас. Это был такой же великан, как и тот, что заинтересовался летающей крепостью, разве что трехглазый и четырехрукий.

В отличие от первого, закованного в подобие чешуйчатых лат, хозяин замка веспидов был одет в нечто косматое, вроде шкуры медведя цвета дорожной пыли, а вооружение его состояло из зазубренного меча длиной не менее десятка метров и висящих на поясе шипастых шишек, напоминающих ручные гранаты.

Некоторое время гиганты разглядывали друг друга, не торопясь начинать диалог. Затем циклоп поднял руку и гулким рыком, от которого заколебалась земля под ногами «коня» Тараса, выкрикнул какое-то непонятное слово.

«Самолет» веспидов дернулся, затанцевал в воздухе, словно от порыва ураганного ветра. Его нынешний хозяин

взмахнул всеми четырьмя руками, но не для сохранения равновесия, как показалось Тарасу, а для того, чтобы метнуть в пришельца две шишки, которые и в самом деле оказались гранатами.

Одна из них упала на камни у стены «форта» изоптеров, вторая угодила в дыру в куполе. Раздались два мощнейших взрыва. Вспышка от первой гранаты была такой яркой, что затмила солнце. Хотя опытный предок Тараса успел закрыть глаза ладонью, Тарас все же смог оценить и яркость вспышки, и силу взрыва, образовавшего десятиметрового диаметра воронку.

Вторая граната взорвалась внутри крепости изоптеров и разворотила ее как консервную банку!

Купол взлетел на воздух, распадаясь на куски, стены же, более толстые и прочные, просто легли во все стороны лепестками тюльпана.

Циклоп, однако, успел соскочить с крыши «форта» и зычно прокричал еще одно дикое и страшное слово, от которого «самолет» веспидов подбросило вверх на добрые полсотни метров, и он начал разламываться на части.

Но и трехглазый великан уцелел. Схватившись за трос, он соскользнул по нему на землю и выпрямился во весь рост перед циклопом, не спешащим с нападением, вытянул вперед свое сверкнувшее металлом грозное оружие.

Тарас затаил дыхание. Его предок тоже. Они еще не были свидетелями схватки между представителями Предтеч, хотя

битвы их с различными видами Инсектов видели не раз.

Трехглазый взмахнул мечом.

Длинное зазубренное лезвие с шипением вспорол воздух, обрушилось сверху на голову циклопа и наткнулось на подставленную булаву. Раздался хруст и звон, будто столкнулись два сосуда – стеклянный и костяной. Во все стороны полетели фонтаны искр. Меч срезал часть навершия булавы, но при этом резко уменьшился в размерах – вдвое!

Трехглазый отступил, озадаченно поднес к глазам изменившийся меч, перевел взгляд на противника, который, в свою очередь, угрюмо разглядывал его.

Еще один выпад мечом, едва не доставший циклопа. Но острие меча вонзилось в подставленную булаву, и меч снова уменьшился, превратился в кинжал, задымился, раскалившись до бело-золотистого свечения. Трехглазый выронил его, но тут же подхватил с земли, попятился, решая, продолжать бой или нет.

Тарас понял, что циклоп вооружен более серьезно, чем его противник. Булава, очевидно, была силовым трансформатором или своеобразным компактификатором, изменяющим размеры и свойства объектов. К тому же циклоп знал Слово Власти, то есть владел метаязыком, также влиявшим на материальные предметы и вообще на пространственные связи. Трехглазый великан был обречен, несмотря на свои гранаты, взрывающиеся, как мощные авиабомбы.

По-видимому, это понял и он сам. Отступив еще даль-

ше, трехглазый гигант метнул в своего противника кинжал – бывший меч, затем еще две гранаты и бросился бежать, сгибая ноги странным образом, как кузнечик.

Его атака не достигла цели. Кинжал, не долетев до циклопа, превратился в струю дыма, одна граната взорвалась еще в воздухе, выбросив длинный язык лилового пламени, а вторая не взорвалась вообще. Но и циклоп не стал преследовать противника, послав ему вдогонку короткое и энергичное *слово*, прозвучавшее как проклятие.

Трехглазый споткнулся на бегу, пробежал еще несколько десятков метров, постепенно останавливаясь, упал ничком и больше не поднялся. Смерть настигла его, странная и непонятная, прятавшаяся всего в одном сложном звуке. И даже на предка Тараса, находившегося в километре от места схватки гигантов, «проклятие» циклопа, не предназначавшееся ему, подействовало как физический удар.

У Тараса потемнело в глазах, воздух застрял в легких, остановилось сердце, и он ощутил волну страха, охватившую душу предка.

Однако все обошлось.

Сердце заработало вновь, дыхание восстановилось, глаза прозрели. Тарас напряг зрение, разглядывая разрушенный «форт» изоптеров, но никого не увидел. Пока он приходил в себя, циклоп пересек долину и скрылся за скалами. Его недавний противник остался лежать недалеко от «форта» и упавших с неба остатков крепости веспидов. Над ним уже

кружили огромные черные птицы, напоминавшие летучих мышей.

Два крыла крепости все еще плавали в воздухе, а вот «фюзеляж» торчком воткнулся в камни, смятый ударом.

Предок Тараса пришпорил маловосприимчивого к шуму «коня» и подскакал к телу поверженного трехглазого великана. Вспомнилось изречение знаменитого американского гангстера Аль Капоне: «С помощью доброго слова и револьвера можно добиться гораздо большего, нежели одним только добрым словом». Но этот представитель исчезнувшего в веках племени великанов умер не от пистолета, а именно от слова. Хотя вряд ли доброго.

Предок спешил, постучал ногой в сапоге по руке великана, по плечу, по голове. Успокоенный, осторожно снял с пояса три оставшиеся гранаты, спрятал в седельную сумку и вскочил в седло. Он был не только запасливым человеком, но и исследователем, хранителем криптехнологий и артефактов, созданных предшественниками Перволюдей. Гранат в его коллекции еще не было.

Вскоре он подъехал к упавшему «самолету» веспидов, снова спешил и подошел к смятому «фюзеляжу», состоящему из шести складок-коробов. Материал, из которого он был сделан, больше всего напоминал крупнопористый бетон или губку, но главное, что поры вблизи складывались в удивительную вязь неких письмён, создающую впечатлительное осмысленного, хотя и непонятного текста. Предок Та-

раса замер, сам же Тарас встрепенулся, вглядываясь в письма, покрывающие весь гигантский остов летающего дома веспидов. Это было то, что искал учитель Тараса, – древнейшая система рун и знаков, основа метаязыка, которым когда-то владели Инсекты. Прочитать письма, не имея Ключей смысла, было невозможно. К тому же они покрывали весь корпус обиталища разумных ос, и для их изучения и перевода потребовался бы не один месяц кропотливого труда.

Предок тем временем достал из сумки какой-то прибор из планок, трубок и объективов, приладил к голове, и Тарас практически ослеп, перестал видеть пейзаж. Все расплылось перед глазами, смазалось в цветные пятна и радуги. Прибор, очевидно, представлял собой нечто вроде оптического преобразователя, приспособленного под зрение Перволюдей, и, не зная принципов его работы – диффракция ли, интерференция, эмиссионное расщепление, спектральное расширение, – нечего было и думать о непосредственном участии в процессе изучения письмён и вообще о наблюдениях за действиями предка.

Сознание Тараса «завибрировало», сместилось в серую зону десинхронизации. Пора было возвращаться, организм требовал отключения энергоинформационного потока.

Усилием воли он «выдернул» рецепторы мысленного восприятия из сферы сознания предка и начал «всплывать» в будущее, как глубоководный батискаф сквозь толщу воды.

Сознание померкло... и снова развернулось в полном объ-

еме.

Тарас ощутил себя сидящим в кожаном кресле в кабинете учителя. Голова кружилась, сердце работало в режиме пожарного насоса, он был потный и слабый, хотелось пить и спать.

Перед глазами сгустилась тень, превратилась в руку с большой фарфоровой чашкой. В чашке дымился густой коричневый напиток.

– Пей, – послышался низкий, басовитый голос.

Тарас послушно взял чашку и выпил горячий, вкусный, пахнувший травами напиток до дна. Глубоко вздохнул, успокаивая сердце.

Учитель стоял рядом и смотрел на него внимательно и строго. Во всем его облике сквозила необычайная уверенность, опиравшаяся на великое терпение, знание и мудрую силу.

Учителя звали Елисеем Юрьевичем, и шел ему шестьдесят седьмой год, хотя выглядел он на сорок пять: в светлых волосах ни единой сединки, лицо твердое, волевое, с добродушными ямочками на щеках, нос с горбинкой, а глаза темно-синие, умные и полные невероятного спокойствия.

Работал Елисей Юрьевич Смирнов экспертом-аналитиком Департамента стратегического планирования Федеральной службы безопасности, а учителем Тараса он стал по законам Внутреннего Круга, адептом которого был уже много лет. Впрочем, когда Тарас впервые встретился с ним по-

сле победы на очередных Боях без правил мирового уровня, проходивших в Новгороде, он тогда не знал ничего о Внутреннем Круге, о древних системах воинского искусства и об Инсектах, предках людей. Исполнилось тогда Тарасу всего двадцать четыре года, а прошло с тех пор ни много ни мало – двенадцать лет.

– Удачно сходил? – спросил Елисей Юрьевич, отбирая чашку.

Тарас слабо улыбнулся.

– Я нашел Тексты... но оценить их не успел. К тому же предок нацепил на себя какой-то оптический прибор, и я вообще перестал что-либо видеть.

– Транслятор, – кивнул Елисей Юрьевич. – Для идентификации смыслового ряда и применения Ключей нужен транслятор. Нам повезло, что твой предок по отцовской линии оказался не просто воином, а Хранителем знаний. Рассказывай.

Тарас потер лоб.

– Мне бы принять душ...

– Тогда иди купайся, а я пока приготовлю ужин. – Елисей Юрьевич вышел на кухню. Тарас сбросил с себя влажную от пота рубашку, направился в ванную, разделся догола, разглядывая себя в зеркале.

Занятия боевыми искусствами и изучение эзотерической литературы изменили его больше, чем это сделал бы любой гример или косметолог. Он и раньше отличался от сверст-

ников уравновешенным и сильным характером, упорством и трудолюбием, стойкостью перед лицом неприятностей, теперь же, после двенадцати лет занятий под руководством учителя, и вовсе превратился в олицетворение уверенности и спокойствия. А иронично-решительный взгляд светло-желтых, не кошачьих, скорее тигриных глаз только подчеркивал это впечатление.

Тарас был не слишком высок – сто восемьдесят шесть сантиметров, но гибок, развит, мускулист, силен, хотя физическая сила не была основным его достоинством. Главное, он был внутренне силен и независим, что чувствовалось на расстоянии. В этом они с учителем сходились полностью. А еще они почти одинаково оценивали красоту и тяготели к мистике, хорошо зная при этом, что так называемая мистика – *реальна*.

Не мужской, скорее женский, миндалевидный разрез глаз, прямой нос, но круглый на кончике, луковкой, лица не портили. Прямые губы, чуть выдающиеся скулы, твердый подбородок. Вот и все приметы. Не ахти какой красавец, но и не урод. Если бы не чересчур упрямая и решительная складка губ, его можно было бы назвать обаятельным. Хотя, как говорил рано умерший отец Тараса: не волнуйся, сынок, если находятся женщины, любящие козлов, то найдутся и те, кто любит баранов. А ты не баран, а всего лишь упрямец.

Правда, такой женщины, которая полюбила бы упрянца, Тарас пока не встретил.

Приняв холодный душ, он насухо вытерся махровым полотенцем и вернулся в гостиную.

Глава 2

Ужин с учителем

Учитель все еще возился на кухне.

Тарас было сунулся к нему предложить свою помощь, но получил отказ и устроился на своем любимом диване в гостиной, рядом со столиком, на котором всегда лежали свежие журналы. Когда их читал хозяин, не имевший ни минуты свободного времени, было неизвестно, однако он всегда был в курсе всех политических, научных и светских событий и мог поддержать разговор на любую тему. Впрочем, удивляться его эрудиции не приходилось. Елисей Юрьевич в свое время закончил два института – радиотехнический и экономический, затем Академию внешней торговли, два года проработал пресс-секретарем президента и пять лет послом в Ватикане и представителем России в Мальтийском ордене. И все это время был сотрудником КГБ, позднее – ФСБ. А когда ему исполнилось шестьдесят лет, стал экспертом юротдела службы, а затем аналитиком Департамента стратегического планирования.

Однако и это было не все. Вряд ли кто-нибудь из его приятелей и сослуживцев догадывался, что их добродушный и неизменно вежливый коллега является Посвященным во Внутренний Круг человечества, о существовании которого складывались легенды.

Сам Тарас узнал о Круге всего лишь два года назад, когда прошел первую стадию инициации к Посвящению в Круг и стал кшатрием. В то время первый ученик Елисея Юрьевича внезапно изменил свое отношение к учителю, и пути их разошлись. Ученика звали Дмитрием Щербанем, Тарас знал его, но так и не понял, что произошло. На его прямой вопрос Елисей Юрьевич ответил уклончиво, мол, каждый оценивает свои силы сам, и лишь много позже Тарасу удалось выяснить, что Дмитрий потребовал от учителя прямого выхода на иерархов Внутреннего Круга, чтобы получить Посвящение экстерном, минуя ступени реализации. Елисей Юрьевич ответил отказом, и взбешенный Дмитрий ушел, пообещав дойти до главного иерарха и заменить его.

Тарас не знал, чем закончился демарш Дмитрия, он с ним больше не встречался, а учитель избегал говорить об этом. Но Дмитрий был упрям, настойчив, силен, виртуозно владел боевой гиперборейской системой «наваждение» и всегда добивался своего. Дружить с ним было невозможно, враждовать опасно. Учитель однажды обмолвился, назвав его Конкере, но что означала эта кличка, Тарас не понял. «Наваждением» он занимался всего второй год и еще не овладел им в надлежащей мере, хотя считал это несущественным. С малых лет он предпочитал азиатские воинские стили – кэмпо, айкидо, карате, тайский бокс, – и лишь в армии, в десантных войсках, освоил барс – боевую армейскую систему и увлекся синтетическим унибосом, унаследовавшим первые русские

стили самбо и смерш. И только став учеником Елисея Юрьевича, Тарас узнал о существовании древнеславянских практик и стал заниматься хорой, потопом и спасом, оказавшись ступенями единой системы «жива».

Елисей Юрьевич был не первым мастером, занимавшимся синтезом боевых искусств в современном исполнении с применением психофизических и энергоинформационных дистантных методов воздействия на противника, а также поиском древних документов и свидетельств о существовании универсальной системы праметабоя. Но он оказался первым, кто изучил наиболее действенные практики, создал специальную программу для их анализа и с помощью компьютера разработал единый универсальный алгоритм оптимального боевого состояния и движения. Мало того, он пошел дальше, к прикладному использованию в боевых системах методов воздействия с помощью *звука и слова*. Так, как это делали предки людей во время войн за выживание сотни миллионов лет назад.

Основой для подобных исканий послужили психолингвистические учения древних философов и современных ученых, утверждавших, что «слово и лечит, и калечит». Гипотеза о том, что у человеческого бессознательного есть некий «внутренний язык», адекватно отражающий реальность, подтвердилась. Ученым удалось доказать, что движения и положения тела напрямую связаны с архетипическими символами и структурами человеческого подсознания. Ели-

сей Юрьевич взял эти исследования в качестве краеугольного камня своей системы и разработал двигательные формы, через которые можно было навязывать желания и решения своему или чужому подсознанию, и таким образом управлять как собой, так и другими людьми. Это был путь к «мягкому» управлению человеческой психикой и движением, и Елисей Юрьевич добился того, чего не добивался ни один адепт боевых искусств, – восстановления целостной структуры личности бойца и через это – возможности самолечения любых болезней и травм. Но и это было еще не все.

Ему удалось восстановить секреты древней системы «жива», которая позволяла работать не только с физическими движениями противника, но и с его бессознательным. В отличие от «наваждения» (ожидания Нави, смерти), одной из самых жестоких боевых школ гипербореев, которая не давала противнику никаких шансов выжить, «жива» могла использоваться и как система оздоровления, лечения и даже *оживления*, так как воздействовала на подсознание человека и снижала в ходе боя уровень его агрессивности.

Кроме того, Елисей Юрьевич начал изучать древние языки, пока не добрался до праязыковых структур древнерусского языка, языка *творения*, который наиболее точно, без искажений, переводил образы бессознательного в современную речь. По сути, это были уже основы метаязыка, существующего еще во времена Инсектов, который воздействовал на мир на тонком уровне, изменяя его «грубую» физи-

ческую структуру. Если бы удалось соединить бессознательное и сознание через движение и метаязык, можно было бы научиться влиять на людей без контакта, посредством виртуальных форм движения или фразами магического звукоряда. Но Елисею Юрьевичу не хватало базовых элементов метаязыка, изменяющих мотивы и побуждения противника напрямую, и он с помощью Тараса пытался найти их в прошлом, в бездонных кладовых родовой памяти, научив его «нырять» в омут генетической линии.

Впрочем, Елисей Юрьевич и так стал мастером ВИК – «виртуального искусства контроля», как окрестил его способности сам Тарас, и по праву входил в иерархию Внутреннего Круга. Стоило услышать, как он произносит-поет один из ключей смысла метаязыка – слово «здрaво», чтобы ощутить его внутреннюю силу.

Вообще же Ключей смысла, или «Ключей для нелогического восприятия нового», существовало восемнадцать. Елисей Юрьевич знал четырнадцать, Тарас – семь, и втайне от учителя он искал эти Ключи самостоятельно и надеялся, что когда-нибудь познает их все. Система Ключей позволяла снять внутренние запреты с упрятанных в глубинах подсознания изначальных *знаний*, и ее практическое применение превращало человека в мага, в оператора реальности. Хотя этим знанием следовало пользоваться с большой осторожностью, так как Природа реагировала на магическое воздействие адекватно и не терпела «несанкционированного» вме-

шательства в свои Законы.

Впрочем, Тарас не собирался становиться оператором реальности и с помощью метаязыка изменять мир по своему усмотрению. Ему было достаточно научиться владеть самим собой и достичь понимания законов Вселенной, чего добивался и учитель, совершенствуя сиддхи, – цели самодисциплины. Тарас вспомнил, как во время первой встречи с учителем у него дома Елисей Юрьевич продемонстрировал ему одну из сиддх – лагхиму, то есть способность по желанию делать тело легким, уменьшать вес и даже воспарять над землей.

Когда речь зашла о возможностях человеческого ума и тела, Тарас поинтересовался, не может ли учитель показать «что-либо необычное». Елисей Юрьевич улыбнулся, закрыл глаза и вдруг начал медленно подниматься в воздух. Повисев на высоте двух десятков сантиметров над полом гостиной, он так же медленно опустил обратно.

Это могло оказаться и иллюзией, наведенным пси-состоянием, но Тарас сразу поверил, что учитель владеет сиддхами реально. Однако больше всего Тараса поразила способность учителя без вреда для здоровья пропускать сквозь свое тело пули и лезвие ножа. Он и сам научился этому за годы упорного тренинга ценой многих ушибов и ран и теперь мог не обращать особого внимания на вооружение противника. А ведь учитель занимал в иерархии Круга далеко не самую высшую ступень, ступень мастера. Что же тогда знали и уме-

ли Посвященные в высшие тайны Круга, светлые иерархи – от пентарха до декарха, не говоря уже об адептах и ангелах, достигших энергетической стадии бытия?

– Тайна сия велика есть... – вслух пробормотал Тарас.

– Ты что-то сказал? – донесся из кухни голос Елисея Юрьевича.

– Разговариваю сам с собой, – отозвался Тарас, вспоминая первую беседу о Внутреннем Круге.

Речь о каналах информации скрытой реальности заходила и раньше, к тому же Тарас уже почитывал кое-какую серьезную литературу и знал о существовании тайных знаний, хранимых некими носителями древних традиций. Но то, что он услышал от Елисея Юрьевича, подействовало на него как удар.

Во-первых, оказалось, что человечество неизмеримо старше, чем считает мировая академическая наука. Его возраст исчислялся не десятками и даже не сотнями тысяч, а сотнями миллионов лет! Перволюди появились на Земле еще во времена динозавров, и сменилось по крайней мере пять человеческих рас, прежде чем люди приобрели современный облик. Хотя ни о каком родстве с обезьянами речь, конечно, не шла.

Некоторые цивилизации достигали куда более высокого уровня, чем современная, хотя от них не осталось почти никаких следов, если не считать таковыми «файлы памяти», сбереженные Хранителями Внутреннего Круга.

Сам Круг был создан еще Перволюдьми, потомками Инсектов, точнее – потомками трансформированного рода блаттоптера сапиенс, тараканов разумных, и Тарасу действительно повезло, что один из его предков-Перволюдей оказался Хранителем, может быть, самым первым, или же представителем первой волны Хранителей, осознавших свою ответственность перед будущими поколениями за сохранение знаний.

Вторым откровением оказалось для молодого Тараса существование темных иерархов наряду со светлыми. И Елисей Юрьевич пояснил:

– К сожалению, согласно Герметическому Принципу полярности земного бытия, даже Внутренний Круг не свободен от столкновения мнений и борьбы за власть. Таким образом, также сохраняются древние знания, более всего опасные, и темные Хранители, «тарантулы» и «монархи тьмы», используют эти знания в угоду своим желаниям и ради личного возвышения. К счастью, скрытое знание доступно далеко не всем Посвященным, иначе земное человечество давно погубило бы Природу и себя в жестоких войнах за право повелевать другими.

– Но ведь войны идут по сей день... – пробормотал ошеломленный открытием Тарас.

– Это войны людей, которым не доступны великие тайны прошлого. Войны Посвященных, или, как принято говорить нынче, войны магов, намного страшнее. Последняя та-

кая война между магами Атлантиды и Гипербореи закончилась сорокатысячелетней «ядерной зимой», хотя в ход было пущено не атомное оружие, а психофизическое, глубоко изменившее законы реальности. Естественно, и Атлантида, и Гиперборея, и их союзники-люди были уничтожены, а целело человечество лишь благодаря терпению светлых иерархов.

– Что это было за оружие?

– В нашем обычном понимании оружием назвать его трудно, однако если оно уничтожает живых и разрушает природные основы, значит, это оружие. Но тебе еще рано знать такие вещи.

– Почему? Я же никому не скажу...

Елисей Юрьевич снова улыбнулся:

– Разумеется, не скажешь. Ты действительно хочешь знать, чем воевали предки?

– Хочу. Вы только намекните...

– Я думаю, ты уже догадался. Во-первых, это *заклинания*, то есть фразы метаязыка, способные мгновенно изменять материальные объекты. Во-вторых, это особые энергии, или *силы*, с помощью которых наш Создатель творил Вселенную. Но вот об этом мы поговорим позже, когда ты созреешь.

Тарас недоверчиво заглянул в непроницаемые глаза Елисея Юрьевича.

– Если верить Библии, Создатель творил нашу Вселенную словом...

– Да будет свет! – усмехнулся Елисей Юрьевич. – В принципе, Библия права, хотя писали ее люди для того, чтобы сокрыть истину. Истина же хранится в Знаниях Бездн, которые мы с тобой ищем. Так вот *слово* Бога и есть *сила*, причем физическая, затрагивающая основы материи. В дальнейшем ты узнаешь все подробности, сейчас же запомни только, что всего уровней воздействия на мир – *сил* Создателя – девять, от первой – Эхейх, что означает «Я Есть», до девятой – Шаддай Эль Хай, что означает «Я Всемогущий».

– Значит, мы тоже можем овладеть этими силами?

Елисей Юрьевич покачал головой:

– Не все так просто, мальчик. Для овладения *силами* необходимо пройти много испытаний и многому научиться. Для начала надо заставить работать свой собственный механизм внутреннего регулирования поведения – совесть, изменить свое отношение к природе и к людям, пройти все десять Сфер Света, почувствовать их порядок и гармонию, а уж потом решать...

– Что решать? – не понял Тарас.

– Нужна ли тебе такая ответственность. Ибо могущество – это прежде всего ответственность за судьбу всего сущего. Владение *силами* требует жестокой самодисциплины и твердости духа, безусловного подчинения своих желаний Предназначению.

– А если я не знаю своего... предназначения?

– Будешь идти правильным путем – понимание придет.

Станешь на путь удовлетворения страстей, как это сделал Дмитрий, превратишься в слугу Монарха Тьмы...

Разговор этот происходил давно, однако запомнился Тарасу на всю жизнь. С тех пор он много узнал и многому научился, хотя не был уверен, что подошел к овладению *силами* Бога достаточно близко. Метаязык, которым пользовались Инсекты и Перволюди и который являлся отражением Дэванагари, праязыка, базировался на звукорядах, не связанных с артикуляцией и резонансами голосовых связок человека. Человеческое горло просто было не в состоянии проносить божественные императивы – *слова* и формулы воздействия. Инсекты обошли этот барьер тем, что создали особые семантико-грамматические синтезаторы, воспроизводящие *заклинания*. Перволюди пытались усовершенствовать собственные звукогенераторы – горло и гортань, но, добившись успеха, уничтожили цивилизацию. Их потомкам надо было начинать с нуля, с поисков древних Текстов, описывающих *силы* и их воздействие на живое.

Знание об этом не было утеряно, сохраняемое адептами Внутреннего Круга, которые с трудом удерживали глобальное равновесие Тьмы и Света, Добра и Зла. Но иногда происходили утечки опасной информации, и мир снова оказывался на пороге очередного кризиса, высвобождая запасы зла и агрессии в этнических конфликтах и войнах.

Мало того, поиском методов воздействия на людей и вообще на физические законы занимались уже не одиноч-

ки-энтузиасты, доморощенные маги, а целые научные коллективы, и добивались успехов, не догадываясь, что их технологии, по сути, являются фрагментами единой «божественной технологии», опирающейся на законы магического оперирования пространством, временем и материей.

– Заходи, – появился в дверях кухни Елисей Юрьевич и поманил Тараса рукой. – Поужинаем здесь.

Тарас очнулся, послушно двинулся на кухню, где хозяин уже расставил на столе приготовленные блюда: кулебяку с грибами, жареную картошку и салат из свежих овощей. Жена Елисея Юрьевича Вера Павловна уехала к матери в Чечню, и он уже вторую неделю хозяйствовал сам. Правда, поваром он был отменным и, в отличие от Тараса, мог приготовить самое замысловатое блюдо.

Поужинали молча, думая об одном и том же. Затем взяли по кружке горячего клюквенного морса и устроились в гостиной, напоминавшей библиотеку, картинную галерею и геологический музей одновременно. Здесь же в уголке стоял и компьютер; отдельного кабинета Елисей Юрьевич не имел.

Наступило время беседы, и Тарас рассказал учителю о «виртуальном» походе в прошлое своего рода, о бое гигантов-Перволюдей и о находке Гипертекстов, зашифрованных «рунными сотами» летающей крепости веспидов.

– Я вернусь туда, – поспешил добавить Тарас, закончив повествование и видя задумчивость собеседника. – Это будет нетрудно, я запомнил момент выхода. Поскольку предок

начал изучение артефакта, от своих намерений он не отступится, и мы наверняка сможем прочитать, что записано в Текстах.

– Не факт, – качнул головой Елисей Юрьевич; в стареньком спортивном костюме он напоминал тренера дворовой команды. – Информация Текстов может оказаться недоступной восприятию предка, и тогда он просто запрячет Тексты в хранилище. Но вообще твой род очень могуч и интересен, гораздо информативнее моего. У тебя великое будущее, если ты, конечно, сможешь перекачать информацию из кладовых подсознания в сознание и правильно выберешь цель.

– Постараюсь, – скупо улыбнулся Тарас. – По долгу службы мне иногда приходится заниматься математическими и инженерными расчетами, и я задался вопросом: существует ли группа матпреобразований, которая приводит Мироздание к Богу?

– Ну и как? – приподнял бровь Елисей Юрьевич. – Ответ положителен?

– Я понял, что одному мне эту проблему не одолеть. Хотелось бы знать, не занимался ли ею кто-либо из Посвященных?

– Конечно, занимался, и ответ уже имеется, но каждому идущему лучше находить решение самому.

– Вы тоже нашли его сами?

– Нет, меня интересовали другие проблемы. Я искал и ищу истоки Мироздания, иными словами – материнскую,

или матричную, реальность, ибо реальностей много, а Начало Начал – одно.

– Значит, наша реальность – не материнская?

– Наша реальность запрещенная.

– Кем?

– Теми, кто имеет право запрещать.

Тарас подождал продолжения, но Елисей Юрьевич молчал.

– Странно... я никогда не слышал о том, что наша реальность запрещена.

– К сожалению, мы живем в той реальности, которой заслуживаем.

– А как сильно наша реальность отличается от... э-э, материнской?

– Не знаю. Поиск не закончен, я все еще в начале пути, а прямого ответа в анналах Хранителей нет. Или этот ответ мне просто недоступен. Еще морсу?

Тарас поставил на стол пустую кружку, чувствуя прилив сил:

– Нет, спасибо, учитель. Больше одной чашки ваш морс пить нельзя, начинает тянуть на подвиги. Что вы в него добавляете?

– Это старинный рецепт, – ухмыльнулся Елисей Юрьевич. – Кое-какие травы, кое-какие корни, ягоды и вода, вот и все.

Он ушел на кухню.

Тарас покачал головой. Напитки, которые готовил учитель, снимали головную боль, бодрили, тонизировали и «подключали к космосу», по его собственному выражению, хотя ни о каких наркотических добавках речь не шла. «Зелье» действительно готовилось на травах, цветах и ягодах, и весь секрет крылся лишь в пропорциях добавляемых в настой ингредиентов и насыщении смеси положительной энергией. Однако Елисей Юрьевич знал толк не только в отечественных травах, ягодах и фруктах. Он умел приготовить и плоды экзотических растений, такие, как рамбутан, папайя или дуриан, употреблявшиеся в пищу особым образом.

Однажды учитель угостил ученика рамбутаном, так и не признавшись, где он добыл этот необычный фрукт. Тарас, никогда прежде не бывавший на Мальдивах, где растет рамбутан, и не встречавший его в московских ресторанах, с интересом повертел в руках плод рамбутана, похожий на морское животное величиной с детский кулачок. Шкурка у него была красная и волосатая, и казалось, что он вот-вот высунет ножки и побежит. Шкурку же следовало разрезать вместе с внутренним плодом и семечком, отделить от беловато-желтой мякоти и лишь потом съесть эту плоть, оставлявшую во рту ощущение свежести и изысканной терпкой сладости.

Пробовал Тарас у Елисея Юрьевича и мангостин, фиолетовый шарик размером с яблоко. С ним надо было поступать так: аккуратно разрезать кожуру по кругу, снять верхнюю часть и ложкой извлекать белоснежные, кисло-сладкие доль-

ки сердцевины. Но больше всего Тарасу понравилась пассифлора, или «цветок страсти». Эта ягода величиной с лимон содержит не только много витамина С, пектин и полезные для организма кислоты, но и алкалоиды, действительно повышающие сексуальное желание. Контролирующим свои чувства людям пассифлора не вредна, а вот привыкших потакать своим желаниям она способна довести до эмоционального взрыва.

Елисей Юрьевич вернулся в гостиную, неся в руке желтовато-коричневый плод пассифлоры. Он словно прочитал мысли гостя, собравшегося идти на встречу с женщиной. С Оксаной Тарас был знаком уже три года, хотя о женитьбе разговора не было. Оксана была замужем, мужа не любила, но и бросать его не собиралась, и такое положение устраивало всех.

– Возьми, – протянул «лимон» Тарасу Елисей Юрьевич. – Тебе сегодня пригодится.

Тарас смутился, хотел спросить: откуда вы знаете? Но передумал. Вместо этого задал другой вопрос, принимая подарок:

– Где вы их берете?

– Друзья привозят, – небрежно отмахнулся Елисей Юрьевич.

Тарас кивнул, подумав, что этими друзьями могут быть только сотрудники ФСБ, с которыми учитель работал вместе много лет.

– Спасибо, я пойду, пожалуй. Когда мы начнем очередное погружение?

– Отдохни пару дней, опиши, что видел. Надо подготовиться как следует, чтобы не проскочить момент истины. Глубокая генетическая память – не библиотека, штука капризная, иногда выкидывает такие сюрпризы, что приходится выгонять из себя зверя.

Тарас посмотрел на Елисея Юрьевича непонимающе, и тот добавил:

– При неосторожном вскрытии наследственных «файлов» могут возбуждаться «секретки» – скрытые гены, в результате чего сознание погружается в психику дочеловеческих предков – тех животных, которые предшествовали появлению людей.

– Инсектов?

– Инсекты тоже имели своих предков. Вот почему спуск к корням генетического древа требует подстраховки. Одному это делать не рекомендуется.

– Но я пробовал спускаться один, и ничего... – признался Тарас виновато.

– Будь осторожен, воин. Если ты нащупал оптимальный режим погружения, это хорошо, если надеешься на авось – рискуешь когда-нибудь застрять в собственном прошлом.

– Как это? – озадачился Тарас.

– Попросту говоря, ты не сможешь выйти из сферы памяти предка и будешь вынужден «прожить» его жизнь.

– То есть я... умру вместе с ним?

– Не умрешь, но сойдешь с ума.

Тарас внутренне поежился.

– Хорошо, я буду осторожен.

Они попрощались, пожав друг другу руки, и Елисей Юрьевич закрыл дверь за учеником, не запирая ее. Он никогда не закрывал дверь на замок, даже уходя из дома, и еще не было случая, чтобы его квартиру ограбили. Это работало заклинание «ограничения доступа», или по-русски – «от ворот поворот». Когда-то Тараса поразило это обстоятельство, красноречиво показывающее возможности учителя, но впоследствии он и сам научился наговорам и простым заклинаниям, не требующим особых навыков.

Во дворе старенького двенадцатиэтажного дома – Елисей Юрьевич жил в Митине – уже зажглись фонари, хотя время было не позднее – девять часов с минутами. Однако небо было затянуто тучами, накрапывал дождик, и казалось, что наступила ночь.

Начало апреля в этом году выдалось холодным и дождливым. С одной стороны, дожди оказались благом, так как принесли долгожданную весну, быстро согнав снег, с другой – они не позволяли этой самой весне развернуться во всю силу, и температура даже в погожие апрельские дни не поднималась выше десяти градусов.

Подняв воротник плаща, Тарас перебежал двор и нырнул в кабину своей темно-синей «вольво» восемьсот пятидеся-

той модели. На такой машине ездила семья вернувшегося в Россию графа Шереметева, о чем писали газеты, и коллеги по работе прозвали Тараса Графом, не зная, что точно так же его дразнили в детстве. Впрочем, он не обижался на кличку, считая, что лучше пусть его называют Графом, чем Рэкетиром или Мафиози. Хотя машину он купил, во-первых, за свои собственные деньги, а во-вторых, подержанную, четырехлетней давности.

Внезапно запиликал мобильный телефон.

Тарас достал трубку. Звонил Марат Барамидзе, великолепный теннисист, входящий в мировую элиту, и он же – дальний родственник Тараса по материнской линии. Года четыре назад он помог Тарасу переехать из подмосковной Кубинки в столицу, и с тех пор они встречались довольно часто, когда Марату удавалось вырваться из турнирного колеса для посещения отца и мамы.

– Привет, Граф, – раздался в трубке веселый голос Барамидзе. – Я в столице. Не занят?

– В общем-то нет, – почти искренне ответил обрадованный Тарас.

– Тогда бери тачку и жми в «Континенталь» на Садовой-Триумфальной, я заказал там столик. Сколько тебе ехать?

Тарас бросил взгляд на циферблат часов:

– Минут сорок.

– Жду.

В трубке заиграла мелодия отбоя.

Тарас улыбнулся, мысленно развел руками, прося прощения у Оксаны – извини, в другой раз, – и поехал в центр города.

Глава 3

Красиво жить не запретишь

Марат ждал его у входа в ресторан, нетерпеливо прохаживаясь перед коричнево-золотыми зеркальными – от тротуара до второго этажа здания – окнами. На нем был бежевый плащ в стиле «тренчкот» с обилием деталей и белоснежный шарф, в туфлях от Vgioni отражался свет фонарей, отчего двадцатисемилетний теннисист походил на молодого банкира, а не на спортсмена.

Они обнялись, и Марат повел Тараса в ресторан, не обращая внимания на склонявшихся перед ним швейцара и метрдотеля, хорошо знавших своих постоянных клиентов.

Под плащом на Марате оказался приталенный пиджак из серебристого вельвета, однобортный, на три пуговицы, прямые брюки из золотой кожи и белая рубашка без галстука. Марат не стал снимать шарф, подчеркивающий его «продвинутый» вкус.

Тарас был ненамного старше племянника, однако предпочитал классический стиль и носил либо темно-серые костюмы в голубоватую или фиолетовую полоску, либо все белое. Нынче на нем был темно-серый костюм, белая рубашка и галстук в диагональную полоску, так что он ничем не отличался от посетителей «Континенталья», если не считать спокойствия и уверенности, которым дышал весь его облик.

Ресторан «Континенталь» был камерным тихим рестораном, полным антикварных вещей, словно гостиная в старом аристократическом доме. Гостей здесь встречали приветливо и радушно, как хороших знакомых, и кормили блюдами европейской кухни.

Столик, к которому их подвел метрдотель, был накрыт на троих, и Тарас обратил на это внимание.

– Должны были прийти две мои девушки, – отмахнулся Марат, провожая глазами красотку с ногами от шеи и голой спиной. Кивнул на нее со смешком: – Видал топ-модель? Хочешь, познакомимся?

– Не хочу, – улыбнулся Тарас, невольно завидуя напору и жизнерадостности Марата. – Ну и где же твои знакомые?

– Они подруги, сегодня у них съемка, так что они не придут. Вот я и позвонил тебе. Ничего, я с ними завтра пересекусь.

– И ты встречаешься сразу с двумя?

– А что тут такого? – удивился теннисист, изучая меню. – Им нравится, а мне и подавно.

– Ты же собирался жениться на какой-то спортсменке.

Марат поморщился.

– Это было случайное увлечение, да и рано мне еще жениться. Женщин хороших много, а жениться надо только по любви, на одной-единственной. Ты вон тоже еще холостой, и ничего, жив-здоров.

Тарас кивнул, с интересом разглядывая красиво вылеп-

ленное смуглое лицо собеседника. Он и сам думал так же, но не предполагал услышать подобные речи от парня, у которого в каждой стране было по сотне поклонниц.

– Я где-то читал, что один сорокалетний австралиец, который был женат дважды, и оба раза неудачно, решил связать себя брачными узами с телевизором.

– Бред! – рассмеялся Марат.

– Может быть, эту историю выдумали журналисты, но свадебная церемония прошла по всем правилам – со священником и обручальными кольцами.

– Шизофрения! – убежденно заявил Марат. – Запад вообще болен, ты представить не можешь. Я часто езжу по Европе и по Америкам и везде встречаюсь с подобного рода крестинизмом. Иногда тошно становится: неужели человечество действительно деградирует, как утверждают ученые?

– Не все человечество, – усмехнулся Тарас. – Россия пока держится, и есть шанс, что сумеет сохранить духовный потенциал.

– Дай то бог! Мне много раз предлагали другое гражданство, а я между тем люблю родину и никогда отсюда не уеду, хотя и бываю здесь нечасто. Ну, что будем заказывать?

Тарас пожал плечами:

– Вообще-то я поужинал.

– Где, если не секрет?

– У учителя.

– Ты все еще тренируешься у него? По-моему, ты давно

можешь тренировать сам.

– Совершенствовать умения можно всю жизнь, тем более что этому процессу нет предела.

– Это философия, а на практике очень быстро достигаешь потолка, и тогда становится скучно. Тебе не приходилось переживать это ощущение?

– Нет, – покачал головой Тарас. – Как может быть скучным любимое занятие?

– Иногда приедается, – признался Марат со вздохом. – Особенно если достиг всего, чего хотел. Но без тенниса, конечно, я прожить долго не смогу. Ну, а ты до чего досовершенствовался? Какой сидхой овладел?

– Сиддхой, – поправил Тарас; когда-то он дал племяннику почитать кое-какую санскритскую эзотерическую литературу, в том числе об индийской школе самореализации, и Марат заинтересовался ею, хотя и ненадолго.

– Ну, сиддхой. Я пытался попрактиковаться, используя твои методики, но добился только уменьшения веса. Хотя в игре это довольно сильный козырь, я долго не устаю. Так какой сиддхой ты занимаешься сейчас? Небось уже научился летать или становиться невидимым?

Тарас неопределенно пожал плечами. Однажды он показал Марату, что такое *темп*, то есть сверхскорость, исчезая в одном месте и появляясь в другом, и этим сильно озадачил теннисиста, считавшего свою реакцию идеальной. В настоящее время Тарас под руководством учителя готовился

овладеть вянти – тонкой силой восприятия мыслей, чувств и энергии других людей, и кое-что у него уже получалось.

– Ладно, давай полакомимся местной кухней, – сказал Марат, видя, что его более старший родственник не расположен к откровениям. – Я закажу гуся с яблоками, пару салатов, грибной жульен и сладкое. Что будем пить?

– Минералку, – сказал Тарас.

– Тогда еще мускатное шампанское. До следующего турнира ровно неделя, так что я могу позволить себе расслабиться. А ты по-прежнему не потребляешь ничего алкогольного?

– Глоток шампанского и мне не повредит.

– Тогда поехали.

Марат взглядом подозвал официанта, сделал заказ. Тарас попросил холодной минеральной воды и, в свою очередь, заказал тушеные баклажаны, чтобы не сидеть сложа руки, пока племянник будет есть.

– Мясо не любишь? – посмотрел на его блюдо Марат. – Или твоя религия есть его не велит?

– Моя религия – самореализация, – сказал Тарас, не обижаясь на шутку. – А мясо можно заменить десятком других продуктов, богатых белками и аминокислотами. Раньше я любил хорошо приготовленное мясо. Просто я не голоден, поужинал у учителя. Кстати, он мяса вообще не ест.

– Боится трансжиров?

– Едва ли, в природных продуктах трансжиры практиче-

ски не содержатся. Но вот шутить по этому поводу не стоит. Трансжиры действительно вредны, так что ты поосторожнее с жирной пищей, да и маргарина ешь поменьше за границей.

– Я его и так не потребляю, фигуру блюду. Я слышал, что трансжиры способствуют развитию атеросклероза и приводят к инфарктам.

– В том числе. Страшнее то, что они нарушают работу ключевых ферментов, обезвреживающих химические шлаки организма и канцерогены. Вон посмотри. – Тарас скосил глаза на столик у стены, где сидели двое толстяков, уписывающих за обе щеки поросенка под хреном. – Не хочешь присоединиться?

– Чтобы быть похожим на них? Не хочу. Хотя поросенок – это вкусно. А вот видел бы ты трапезу одного йога в Индии – сна бы лишился. Я был в Калькутте и заходил в один из ресторанов, так этот йог живьем глотал ящериц и змей, запивая их бензином.

– Не может быть, – не поверил Тарас. – Бензин не усваивается организмом даже в малых количествах.

– А он пил! Я сам наблюдал. Вообще-то сколько наций – столько и видов пищи, которую они употребляют. Я поездил по миру, знаю. В Корее, к примеру, выводят породы «мясных» собак. В лондонском Сохо едят консервы из сверчков, пчел, гусениц, тараканов, муравьев и даже из мучных червей. А китайцы вообще едят все, что движется: от улиток и слизней до летучих мышей и ежей.

Тарас кивнул:

– Я читал об этом.

– А я видел собственными глазами.

– Что ты хочешь от китайцев? Их так много, что начнешь есть все живое и неживое, лишь бы выжить. Интересно, что бы сказали любители насекомых, узнав, что едят по сути своих трансформированных предков?

Марат поднял бокал с шампанским.

– Ты мне это уже не первый раз говоришь, намекая на родственные связи людей и насекомых, а потом таинственно умолкаешь. Ты так шутишь или знаешь истину? С чего ты взял, что мы родственники тараканов?

– Истину знает один Господь, мы, к сожалению, можем только приближаться к ней. Когда-нибудь я тебе расскажу о наших прямых предках – блаттоптера сапиенс. Сегодня у меня не то настроение.

– Ты всерьез считаешь тараканов нашими предками? – удивился Марат.

– Я это *знаю*, – кивнул Тарас.

– Ну, знаешь ли... – покрутил головой теннисист. – Боюсь, ты там на своей работе перегрелся. Кстати, что нового у экологов?

– Все старое. Хотя на самом деле экология у нас является набором страшных мифов, страшилкой журналистов, а более всего – инструментом политического давления.

– Даже так?

– Как специалист утверждаю. – Тарас имел в виду, что работает экспертом Национального комитета экологической безопасности. – Но давай лучше о чем-либо более веселом.

– За встречу!

Они сдвинули бокалы, отпили шампанского: Тарас – глоток, Марат – почти весь бокал.

– Хорошее шампанское... Что ты имеешь в виду, называя экологию «набором страшных мифов»?

– Что виноваты в загрязнении природы не газ, нефть, химия и атомные электростанции, как об этом трубят «зеленые», а конкретные люди. Я был в командировке в одном из районов Башкирии, где и в помине нет никакой промышленности, а тяжелых заболеваний регистрируется в два раза больше нормы. Молва утверждала, что это след комбината «Маяк», хотя находится он далеко от этого места и на ближайшие районы не влияет. А оказалось, что в этой зоне находилось дно древнего океана с отложениями солей тяжелых металлов.

– Ну, это единичный случай.

– Не единичный, хотя примеров сбрасывания отходов куда попало хоть отбавляй. И тем не менее самый сильный удар по среде обитания наносят не новые технологии и промышленность как таковые, а сам человек, живущий одним днем. Между прочим, первым фактором загрязнения воздуха является транспорт и электроэнергетика, а не химические заводы. А воду загрязняет более всего жилищно-коммуналь-

ное хозяйство и пищепром, а уж потом нефтехимия. Я уж не говорю о радиационной опасности, которая для России в пятнадцать тысяч раз меньше алкогольной.

– Это выдумки журналистов, – хмыкнул Марат.

– Это статистика.

– А Чернобыль? Вдруг где-нибудь еще такой же реактор бабахнет?

– Не бабахнет, таких реакторов больше не делают, а Чернобыль вообще проблема из проблем, не решенная теоретически до сих пор. Во всяком случае, на стечение обстоятельств это не похоже.

– А на что похоже?

– На вмешательство неких сил, «тарантулов тьмы». Уж очень им хотелось... – Тарас замолчал, занявшись едой.

Марат выпил еще один бокал шампанского, покраснелся. Поковырялся вилкой в грибном салате.

– Это твои фантазии или тебе кто-то рассказал, как было дело?

– Утверждать не берусь, но то, что мне удалось узнать, похоже на правду.

– Что похоже на правду? Что хотелось этим самым... «тарантулам»? Не бойся, я никому не сообщу, просто любопытно.

– Я не боюсь, – улыбнулся Тарас, – хотя праздное любопытство обычно к добру не приводит. «Тарантулы тьмы» – это психофизические структуры, эгрегоры, пытаю-

щиеся подчинить системы светлых сил на Земле и вообще все человечество, превратить его в «расходный материал» для своих опытов. Один из таких «тарантулов» решил проверить свою силу, спровоцировал разнос чернобыльского реактора, но справиться с остановкой процесса не смог. А реактор не взорвался потому, что вмешались светлые иерархи.

Марат перестал есть, с недоверием разглядывая серьезное, спокойное лицо собеседника.

– Неужели это правда?

Тарас промолчал. Марат Барамидзе был далек от всякой эзотерики и мистики, в тайные союзы и оккультные силы не верил и жил так, как хотел, не привязываясь к каким-либо теориям.

– Обещай, что посвятишь меня во все это, – потребовал теннисист, оценив молчание родственника. – Скоро моя спортивная карьера закончится, и я займусь изучением всего того, что изучаешь ты. Или будет уже поздно?

– Учиться никогда не поздно, смотря какую цель поставить. Но давай сменим тему, мне тоже хочется услышать о твоих подвигах. Откуда прибыл в Москву на этот раз?

– Из Германии, дошел до полуфинала «Кубка Берлина».

Марат оживился и принялся описывать свои переживания до игры, во время игры и после. Тарас слушал его с удовольствием, получая подпитку бодрости и оптимистического отношения к жизни. Марат был счастливым человеком, поднявшимся на Олимп профессионального тенниса не только

с помощью упорного труда, но и благодаря особенностям характера, жизнерадостного и легкого.

Незаметно пролетели два часа, пришла пора расставаться, и Тарас почувствовал, что в компании с парнем-везунчиком вполне отдохнул. Можно было возвращаться к своим рабочим проблемам и готовиться к следующему погружению в бездну родовой памяти.

Марат заплатил за ужин, не дав это сделать Горшину, и они направились к выходу из ресторана, провожаемые взглядами молодых, хорошо одетых красавиц, сидевших парами и поодиночке в ожидании кавалеров. Обычно они подсаживались для знакомства за столик к тем, кто заявлялся в ресторан без дам, однако к беседующим родственникам не подошли. Тарас заранее поставил вокруг столика «завесу интим», отпугивающую всех, кроме обслуживающего персонала.

На улице царствовала холодная и сырая апрельская ночь. Дождь перестал, но уюта и тепла от этого не прибавилось. Гулять по улицам по такой погоде не хотелось.

– Все еще на своей старушке ездешь? – похлопал по капоту «вольво» Марат. – Пора менять. Хочешь, я тебе свой «мерс» отдам?

– Спасибо, не надо, – хмыкнул Тарас. – На твоей торпедо только в соревнованиях участвовать, а я не спортсмен, как ты.

Марат хохотнул.

– Да, машина – зверь, не ездит, а низко летает. Люблю прокатиться с ветерком. Пошли, покажу свой телик.

Они подошли к серебристому трехдверному «мерседесу» полуспортивного типа, стоящему прямо напротив въезда на паркинг ресторана, среди мощных джипов и других «мерседесов». Марат открыл салон и показал встроенный в панель управления дисплей телевизора:

– «Элджи», ловит все программы.

– Когда же ты успеваешь его смотреть? – покачал головой Тарас. – Не во время движения, я надеюсь?

Марат засмеялся:

– Можно и во время, компьютер сам притормозит или остановит машину, если что.

В это время на площадку въехал огромный «лексус» редкого сиреневого цвета, остановился напротив. Из него выглянул здоровенный бритоголовый бугай в черных очках (ночью!), в белом костюме с черным галстуком.

– Эй, мужик, выкатывайся побыстрее, я аппарат поставлю.

Тарас и Марат переглянулись.

– А повежливей попросить нельзя? – сказал Марат. Бритоголовый вытаращил глаза:

– Что ты брякнул?!

Марат демонстративно хлопнул дверцей машины.

– Подождешь, я раздумал выезжать.

– Ты на кого трусами машешь, козел?! – изумленно покру-

тил головой здоровяк. – Здесь же каждая собака меня знает!

– Собаки, может, и знают, а люди нет. Ставь свой аппарат, где хочешь, мест хватает.

– Ну смотри, я тебя предупредил!

Джип сдал назад, развернулся и, проезжая мимо, вильнул вправо, так что его мощный никелированный бампер снес номер на бампере «мерседеса» и разбил блок-фару. Как ни в чем не бывало «лексус» еще раз повернул и занял место в соседнем ряду машин, в десятке метров от остолбеневшего Марата. Из него со смехом выбрались трое парней в белых костюмах, похожие друг на друга, как патроны из одной обоймы, и вальяжный господин в смокинге.

– Вот сволочь! – опомнился Марат. – Он же мне фару разбил! Я же его за это...

Теннисист сунул руку в бардачок машины и достал пистолет. Тарас понял, что пора брать ситуацию под контроль.

– Не суетись, – спокойно сказал он, накрывая пистолет ладонью и заставляя руку с пистолетом опуститься. – Не хватало нам только стрельбы.

– Это газовый...

– Зато у них наверняка настоящие. Попробуем договориться.

– Ну что, козел, доквакался? – сказал, подходя, бритоголовый бугай в очках. – Я тебя предупреждал. В следующий раз не будешь зазря рот разевать.

В следующее мгновение Тарас сделал выпад пальцем в

брюхо парня, и тот, икнув, схватился за живот и осел на тротуар. Удара никто не заметил, кроме Марата, имевшего хорошую реакцию.

– Прошу прощения, господа гангстеры, – вежливо сказал Тарас, не выпуская из поля зрения остальных мордоротов. – Мы вынуждены вызвать патруль ДПС, так как ваш аппарат нанес повреждения нашему. Правда, можно договориться и без этого, если вы благородно согласитесь оплатить расходы на ремонт.

Господин в смокинге с блинообразным лицом покосился на своего скорчившегося водителя, прошагал мимо, бросил через плечо:

– Разберитесь с ними.

Скрылся за зеркальными дверями ресторана, которые распахнул перед ним предупредительный швейцар.

– Ну, сволочь чернозадая, ты нам сейчас... – угрожающе начал бугай с челочкой над узким лбом, сунув руку под мышку.

Тарас шагнул к нему и звонко щелкнул по лбу, перехватил руку парня и направил ствол армейского пистолета «волк» (калибр девять миллиметров, магазин на шестнадцать патронов, прицельная дальность стрельбы сто метров) на замершего напарника бугая с челочкой.

– Спокойно, малыш, лучше тебе не хвататься за свою пушку, можно случайно пораниться. Чьи вы шестерки?

– А? – вспотел бугай, глядя на значок пистолета.

– Кто ваш босс?

Парень с челочкой облизнул губы.

– Он тебя из-под земли достанет!..

– Я не клад, чтобы меня доставали из-под земли, – терпеливо проговорил Тарас. – Под землю нас еще запихнуть надо, чтобы достать. Я спрашиваю, кто твой пахан?

– Да я тебя, паскуда!.. – очнулся бугай с чубчиком, и Тарас снова щелкнул его по лбу особым образом, успокаивая.

– Ну?!

– Шейникис... Эдуард Артурович... бизнесмен...

– И каким же бизнесом он занимается?

– Нефть... бензин... у него двенадцать бензоколонок на Юго-Западе...

– Тогда понятно, почему он такой важный. В таком случае, у него есть деньги. – Тарас посмотрел на Марата, ошеломленного разворачивающимися событиями. – Сколько нам будет стоить ремонт?

Марат бросил взгляд на свою поврежденную машину.

– Да один бампер стоит полторы тысячи «зеленых»! Плюс блок-фара около тысячи... да плюс работа... всего три с лишним получится.

– Слышал? – повернул голову к охраннику Шейникиса Тарас. – Пошарь-ка по карманам, у тебя наверняка найдется требуемая сумма. Шеф потом возместит расходы.

– У меня только штука... – промямлил бугай.

– Тогда поищи у дружков.

Здоровяк наклонился над проходящим в себя водителем в черных очках, вытащил его бумажник.

– Тут две с мелочью... вот еще одна... всего три будет...

– Достаточно. – Тарас ловко выхватил деньги из руки охранника, протянул Марату: – Держи добровольный взнос, пока дают.

Парни раскаялись.

Тарас выщелкнул обоймы из пистолетов охраны и водителя, бросил оружие на асфальт:

– Забирайте свои грозные пушки, я сегодня добрый. А начнете шебуршиться, сдам всех мусорам, отсидите пару лет за ношение стволов. Кумекаете?

Охранник кивнул.

– Босс... тебя... по стене размажет... – сквозь зубы выговорил бугай в очках, сидевший на корточках.

– Передай ему, чтобы не мучился дурью, наживет крупные неприятности.

Тарас повернулся к охранникам Шейникиса спиной, взял под руку Марата:

– Поехали, спектакль закончен.

В кабине «мерседеса» Марат окончательно пришел в себя, покачал головой, бросая восхищенные взгляды на невозмутимое лицо спутника.

– Я не предполагал, что ты знаешь такие приемчики. Где научился? В десанте?

– Я учусь этим приемчикам с детства. А когда долго зани-

маешься одним и тем же делом, в конце концов становишься профессионалом. Ты же стал теннисистом экстра-класса?

– Но то – теннис, а это – боевое искусство.

– Не имеет значения. Главное – для чего тебе то или иное знание. Я занимаюсь боем не для того, чтобы бить бандитам морды и крушить стены.

– А для чего?

– Мотивация у всех мастеров разная, но все сходятся в одном: жизнь – это иллюзия, реализующая борьбу страстей, и вся гамма техник должна всего лишь научить человека обходить эту борьбу, а не участвовать в ней. В идеале мастер должен не только эффективно противостоять атаке, но и предупредить ее.

– Как это сделал ты?

– Я еще только учусь этому. Мой учитель вообще не допустил бы схватки. Его девиз: совершенствование боевого искусства – оптимальный способ познания самого себя. Поехали, не жди продолжения. Эти мальчишки сейчас опомнятся и вполне способны наехать еще раз.

Марат тронул машину с места, вывел на дорогу.

– Пожалуй, я позанимался бы единоборствами под твоим руководством. Возьмешь в ученики? Я когда-то в детстве боксом занимался.

Тарас улыбнулся.

– Ты уже не раз делал подобные заявления, а потом ука-
тывал за границу.

Марат виновато шмыгнул носом.

– Турнирная сетка... я участвую в двух-трех десятках соревнований в год. Но вот увидишь, составлю график и буду приезжать заниматься борьбой.

– Поживем – увидим. Однако больше не конфликтуй ни с кем по пустякам, особенно с такими жлобами, как эти. Есть железное автодорожное правило, оно работает и в обычной жизни.

– Какое?

– Правило «трех Д»: дай дорогу дураку. Останови, я выйду, предпочитаю свою машину нигде не оставлять.

Марат засмеялся, притормозил.

– Я совсем забыл, что ты на своей тачке. Спасибо за урок, дядя Тарас. – Он снова прыснул.

– Будь здоров, племянш, – в тон ему ответил Тарас, вылезая.

Марат помахал рукой, вдавил педаль газа, и «мерседес» исчез в переулках Садового кольца. Тарас проводил его взглядом, вернулся к «вольво», мечтая уехать тихо и мирно. Продолжать выяснение отношений с бензиновыми мафиози не хотелось.

Ему повезло.

У «Континенталья» шестерок бензинового короля Юго-Западного административного округа Москвы господина Шейникиса уже не было. Тарас вздохнул с облегчением, завел двигатель, расслабился, и ему вдруг показалось, что на

него сверху насмешливо посмотрел кто-то огромный, как планета, и черный, как бездна.

Глава 4

Может быть, подождем?

Звонок телефона раздался в тот момент, когда Елисей Юрьевич открыл глаза: сработала интуитивная система оповещения об изменении обстановки. Секунду он вслушивался в тишину квартиры, автоматически определяя время – пять часов утра, – бесшумно встал, хотя жена уехала в Грозный и он уже вторую неделю жил один, можно было не бояться разбудить ее, накинул халат и прошел в гостиную.

Гость ждал его, сидя в кресле, не зажигая света, хотя расцвет еще только начинался и гостиная пряталась в полутьме. Телефонный звонок был лишь вежливым средством предупредить хозяина о своем появлении.

Гостем на этот раз был один из носителей тайного знания – Адептов Внутреннего Круга, занимавший в его иерархии место гептарха. Звали его Герардом, и отвечал он за Анналы Преемственности, или, иными словами, за отбор и инициацию учеников. Возраст его Елисею Юрьевичу был неизвестен, но он подозревал, что гептарх живет на Земле не одну сотню лет, хотя выглядит как сорокалетний мужчина. Уровень же его биоэнергетики был на порядок выше, чем у Елисея Юрьевича.

Одет гость был в серую хламиду, напоминающую рясу и плащ одновременно, которая скрывала фигуру.

– Прошу прощения за столь ранний визит, мастер, – сказал он, пожимая руку хозяину. – Плохие новости. Благодаря вмешательству эмиссара Монарха Госдума приняла закон об «Упорядочении систем образования» в стране. Фактически это означает дальнейшее выхолащивание русского языка, что накладывается на глобальную природоотрицающую деятельность человека и ведет к деградации общества по примеру Америки.

Елисей Юрьевич остался невозмутим.

– На Земле давно действует система замещения этических и эстетических норм на абсолютно уродливые формы отношений и взглядов, внедряемые «тарантулом» Конкере. Мода, реклама, ток-шоу, эстрада, искусство, СМИ – везде засилье уродства! Что мы можем противопоставить этому?

– Пока в основном энтузиазм одиночек, вот почему так важен отбор учеников. Собственно, я пришел к вам поговорить о Посвящении вашего ученика Тараса Горшина. Однако есть и еще о чем побеседовать, близком к вашему уровню компетенции. Мы знаем, что Конкере готовит себе замену в среде Федеральной службы безопасности. Сможете его вычислить?

Елисей Юрьевич огладил пальцами подбородок.

– Попытаюсь.

– Только будьте осторожны, мастер, ошибок эта братия не прощает. Если Конкере вас засечет, возможна не просто прямая атака, но запуск целенаправленной программы уни-

чтожения системы воспитания, которую вы поддерживаете. А когда объем Зла на Земле увеличивается, достигнуть равновесия очень трудно, так как уровень Добра остается прежним и не зависит от роста населения. Потребуется время, чтобы восполнить утерянное, а проигрывать мы не имеем права.

– Зло многолико.

– Увы, мастер, это правда. Во все эпохи мы считаем Зло-временным победителем, и это уже становится постоянным. Я все больше убеждаюсь, что человечество идет тем же путем, что и его предки – Инсекты. И осталось совсем немного до последней черты. Нам дали шанс исправить ошибки предков, но мы им не воспользовались, свернув на дорогу технического прогресса по подсказкам того же Конкере. А вам должно быть известно, что скрытая цель так называемого технического прогресса – уничтожение цивилизации.

Елисей Юрьевич промолчал, не желая спорить, хотя не считал положение настолько катастрофическим. Гептарх понимающе усмехнулся:

– Я вас напряг, мастер, прошу извинить. С утра плохое настроение, что отражается и на мыслях, и на поступках. Теперь поговорим о вашем ученике Горшине. Вы настаиваете на Посвящении?

– Да, – твердо сказал Елисей Юрьевич.

– Вы уверены, что не ошибаетесь?

– Он готов.

– Он готов физически, но не психологически.

– Его нынешний уровень – Метатрон¹, хотя сам он не догадывается об этом, и он близок к овладению первым планом сил – Эхейх.

– Тем не менее он еще не изжил обычные человеческие слабости и такие негативы, как агрессивность и неадекватно жесткий отпор. Свежий пример: вчера вечером он избил охрану предпринимателя Шейникиса.

Елисей Юрьевич испытал неприятное чувство досады, но не выразил своих чувств.

– Значит, была причина.

– Шестерки Шейникиса разбили бампер машины его друга.

– Тогда речь об агрессивности не идет, это просто жесткий ответ, причем я уверен – адекватный. Но я приму вашу озабоченность к сведению и поработаю с Тарасом. Ручаюсь, он преодолет соблазн использования своих сил без нужды и научится точно соразмерять их и соблюдать степень необходимой обороны.

– Уровней необходимой обороны всего два: внешний – сохранение тела, и внутренний – сохранение духа. Второй намного важнее.

– Я знаю.

– Я знаю, что вы знаете. – По губам гептарха скользнула тонкая печальная усмешка. – Но это не снимает с вас от-

¹ Ангел Присутствия, уровень сил тонкого плана Космоса.

ветственности за *деяния* вашего ученика. Один раз вы уже ошиблись.

Елисей Юрьевич снова пережил неприятное чувство досады и вины. Его первый ученик Дмитрий Щербань не выдержал испытания *силой* и ушел от него, считая, что достоин большего в иерархии Круга, нежели предложенная ему ступень воинской интернатуры. Он желал большей свободы и не хотел подчиняться иерархическим законам Круга. А тот, кто уходит от одной команды, непременно окажется в другой. Доходили слухи, что Дмитрий перешел на сторону Конкере, который умел *обещать*.

Гептарх все еще смотрел с неопределенным сожалением, и Елисей Юрьевич сказал через силу:

– Он очень мощный парень и умный, но все же не настолько, чтобы овладеть метабоем. Не говоря о метаязыке. Информацию об этом он получал дозированно.

– Тем не менее, по моим сведениям, он знает уже три ступени «наваждения» и девять Ключей смысла метаязыка, а это уже почти ваш уровень, мастер. Дмитрий очень опасен, и с этим надо считаться. Ваш парень сможет ему противостоять?

Елисей Юрьевич ответил, помолчав:

– Не сразу, но сможет.

– Готовьте его по максимуму. Как Горшин относится к «походам внутрь самого себя»?

– Тарас до сих пор в шоке от того, что наши предки – блат-

топтера сапиенс, тараканы разумные.

Гептарх улыбнулся.

– В свое время я тоже был ошеломлен этим открытием. Но почему Аморфы трансформировали именно тараканов, а не Инсектов посимпатичней – пчел или бабочек, к примеру, остается за пределами нашего понимания. Как ваш ученик отнесся к проблеме поиска Гипертекстов?

– Вполне нормально. Ему интересно, но этот интерес скорее познавательный, чем прикладной.

– Не получится ли так, что он самостоятельно расшифрует Тексты и уйдет от вас, как Дмитрий? Соблазну влиять на реальность *словом* поддавались и многие из нас.

Елисей Юрьевич покачал головой:

– Я знаю его достаточно хорошо. Он чистый человек.

Гептарх снова опечалился:

– Я вижу тридцатипроцентный вероятностный размыв траектории его движения в будущем. Это слишком много. Он непредсказуем.

– Я ручаюсь за него! – тяжело сказал Елисей Юрьевич.

– Может быть, все-таки подождем с Посвящением? Посмотрим, как он поведет себя дальше?

– Я понимаю ваши сомнения, но, с другой стороны, не понимаю, почему вы не доверяете мне. Случай с Дмитрием – не показатель. Я чувствую потенциал Тараса, он близок к магическому уровню понимания мироустройства и пойдет далеко.

– Если научиться подчинять свои чувства долгу и Предназначению. Что ж, я вас понял, мастер. Готовьте своего ученика к испытанию. Какое деяние ему по силам?

– Вплоть до уровня вьянти².

– Конкретная ситуация?

– Он получит задание от руководства проинспектировать ЗАО «Наслаждение» в Кадоме Рязанской губернии. Это совместное американо-российское предприятие по производству табака и сигарет. Есть сведения, что ЗАО допускает неконтролируемые сбросы отравляющих веществ в реку Мокшу.

– Хорошее дело. Я имею в виду инспекцию. Если ему удастся доказать злой умысел владельцев фабрики и если наш Комитет по экологической безопасности примет резолюцию о закрытии ЗАО, мы получим маленькую, но победу в борьбе против системы Конкере. Желаю вам удачи, мастер. Помните о предупреждении.

И гептарх исчез. Современные транспортные средства ему были не нужны, как и всем иерархам. Он знал способы внепространственного перемещения, которыми владели еще Инсекты и Перволюди.

² Одна из сиддх: сила восприятия от других людей мыслей, чувств, энергии и проецирование собственных мыслей в сознание других людей.

Глава 5

Кадом

В Кадом Тарас приехал к обеду, получив директиву от Юлиана Львовича Самсонова, начальника Комитета, проверить выступление газеты «Известия» о неблагоприятной экологической обстановке на северо-востоке Рязанской губернии. Газета ссылалась на источник – «Кадомские ведомости», в которых местные «зеленые» заявляли о сбросе в реку Мокшу ядовитых отходов кадомской сигаретной фабрикой, купленной некоей американской компанией и превращенной в ЗАО «Наслаждение».

Поехал Тарас на своей машине, чтобы сэкономить время, но не один, а с бухгалтером Комитета Ниной Павлиашвили, красивой грузинкой тридцати лет, имевшей большой опыт работы в Счетной палате. Она должна была проверить бухгалтерские расходы ЗАО на экологическую безопасность производства, имея карт-бланш на подобные проверки. Точно такой же документ о неограниченных полномочиях имел и Горшин, числившийся главным экспертом Комитета, только стоящие перед ним задачи были посерьезнее.

День пятого апреля начался дождем, но в Кадоме сотрудников Комитета (экоголиков, как остроумно называл своих подчиненных Юлиан Львович) встретило солнышко, и настроение гостей слегка поднялось, несмотря на предстоящую

нервотрепку. Правда, настроение, в принципе, тут же и упало, так как выяснилось, что половина Кадома затоплена паводковыми водами.

Кадом, которому исполнилось уже более семисот лет, был своеобразным городом, архитектура которого уходила корнями в теремное зодчество. Из-за разлива Мокши его затапливало не раз, но городские власти, как всегда, реагировали на следствия, а не на причины, и старинные деревянные дома левобережья, простоявшие по две-три, а то и по четыре сотни лет, постепенно исчезали, сменяемые безликими новостройками, участь которых была определена все тем же принципом «дешевого народного жилья» обеспечить существование людей хотя бы на два десятка лет. На большее рассчитывать не приходилось при том качестве строительства, которое демонстрировали отечественные строительные организации.

Более или менее качественные дома строили в центре города, где жили «отцы» города и «доны Корлеоне» местного криминального разлива.

Сигаретная фабрика «Наслаждение», выпускающая сигареты двух десятков наименований, в том числе «Кэмел-Р», что означало – «Рязанский верблюд», располагалась как раз на более высоком берегу Мокши, и затопление ей не грозило. Однако гостиница, куда сначала подались эксперты Комитета, находилась на границе затопленного участка города, и вид на торчащие из воды дома и деревья подействовал на

спутницу Тараса угнетающе. Она вообще не отличалась разговорчивостью и общительностью, а тут и вовсе замолчала, изредка вскидывая на Тараса миндалевидные черные глаза. В конце концов выяснилось, что у нее на родине, в Цхартели, несколько лет назад сель снес дом, погибли мама, брат и бабушка, и Нина до сих пор не могла забыть весь этот ужас. Наводнение в Кадоме напомнило ей семейную трагедию.

Заняв два одноместных номера в гостинице «Ока», эксперты поехали сначала в центр города, в редакцию газеты «Кадомские ведомости», предварительно созвонившись с ее редактором и договорившись о встрече.

Редактор – крупная женщина с решительным и жестким лицом, с тяжелым узлом льняных волос на затылке – пожала гостям руки и завела в свой кабинетик, где умещались два стола, шесть стульев, шкаф и компьютер. Звали хозяйку Нелли Трофимовна Зеленчук, и в качестве главного редактора «Ведомостей» она работала уже два года.

– Трижды нас пытались закрыть, подавали на нас в суд «за клевету», угрожали, – заявила она, выяснив, с чем прибыли высокие московские гости, – но мы работали, причем честно и профессионально, смею вас уверить, и будем работать. Материал, о котором вы говорите, был добыт журналистами в ходе расследования, после чего, кстати, на сотрудника газеты было совершено нападение, и все данные вы можете проверить сами.

– Проверим, – пообещал Тарас. – Можем ли мы погово-

ритель с этим вашим корреспондентом?

– Коля сейчас дома, долечивается, ему поломали пальцы, чтобы не писал больше «вредных статей».

Тарас и Нина переглянулись.

Нелли Трофимовна грустно улыбнулась, развела руками:

– Как видите, наша жизнь – не сахар, приходится работать и в таких условиях.

– Вообще-то к журналистам я отношусь, мягко говоря, настороженно, – призналась Нина, – особенно за их готовность писать по заказу, за деньги, но уважаю конкретных людей, которые не боятся пойти против чиновничьего или бандитского произвола. Кстати, вы в суд не подавали на тех, кто избил вашего корреспондента?

– На кого подавать в суд? – поморщилась Нелли Трофимовна. – Наша доблестная милиция не нашла бандитов. А угрозы в наш адрес продолжают.

– От кого, вы знаете? – поинтересовался Тарас. – Кто заказчик?

– Заказчик известен – гендиректор ЗАО «Наслаждение» господин Киселев Давид Евгеньевич. Но доказать вам это не удастся, и не пытайтесь.

– Посмотрим, – шевельнул уголком губ Тарас, обозначая улыбку.

Улыбнулась и Нелли Трофимовна.

– Я чувствую, вы смелые люди, такие редко встречаются в наше время, и тем не менее будьте осторожны. Админи-

страция города, да и всей губернии, пожалуй, кровно заинтересована в бесперебойной работе «Наслаждения», так как местные чины получают оттуда «зеленую» подпитку. Поэтому будьте готовы ко всему.

– Мы готовы, – заверил женщину Тарас. – Дайте, пожалуйста, адрес вашего работника, мы поговорим с ним.

Редактор продиктовала адрес: жил Николай Белозеров как раз в затопленном секторе Кадома. Они поговорили еще немного о делах и заботах редакции, о положении города, о насущных проблемах его жителей, и московские гости откланялись.

В шестом часу Тарас и Нина оставили машину у отделения милиции на улице Шевченко и отправились искать плавсредство, чтобы добраться до двухэтажного деревянного дома на улице генерала Скобинова, где на втором этаже жила семья Николая Белозерова: мать, бабушка, он сам, жена и четырехлетняя дочь Саша.

Плавсредство нашлось через несколько минут – плоскодонная лодчонка, похожая на корыто. Ее хозяин помогал эвакуироваться тем, до кого дошла вода, и сразу согласился доставить приезжих по адресу, не требуя никакой платы. Договорившись с мужичком, чтобы он подплыл к дому Белозеровых через час, эксперты высадились на ступеньки деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, и постучали в крепкую на вид дверь, обитую толстым брусом.

– Кто там? – глухо спросили из-за двери.

– Гости из Москвы, – ответил Тарас.

– Не жду я никаких гостей, уходите!

– Мы действительно из Москвы, – заговорила Нина, приблизив губы к дверному косяку. – Из экологического комитета. Пришли поговорить с Николаем по поводу его журналистского расследования.

За дверью помолчали, потом загремел засов, дверь отворилась, и на пороге появился худой и бледный молодой человек с топором в левой руке. Правая у него была забинтована по локоть. Глянув исподлобья на гостей, он вздохнул со смущенным облегчением и проговорил:

– Извините, что я вас так встречаю, думал, это снова та братва пожаловала.

Тарас усмехнулся.

Парень смутился еще больше, опустил топор.

– Приходится вот держать под рукой колун. Вы и вправду из столицы?

– Не сомневайтесь. – Нина показала хозяину свою красную книжечку с тисненным золотом двуглавым орлом и буквами «НКЭБ Совета безопасности Российской Федерации».

– Тогда проходите. Только не обращайтесь внимания на раскардаш, у нас тоже сыро, отопление не работает, только электронагревателем спасаемся, и мы все спим в одной комнате.

Гости прошли за хозяином в квартиру, – он занимал половину второго этажа старого бревенчатого дома, а всего в доме до затопления проживали четыре семьи, – и увидели, как

живет бесстрашный журналист Николай Белозеров, рискнувший заняться расследованием деятельности ЗАО «Наслаждение».

Описать обстановку квартиры можно было одним словом: бедность. И у Тараса сжалось сердце, когда он встретил взгляд широко раскрытых любопытных глазенок девочки, обеими ручонками вцепившейся в юбку пожилой женщины, по-видимому, матери Белозерова.

Однако время торопило, и задерживаться гости в квартире не стали, отказавшись от предложенных чая и кофе, несмотря на заблаговременно приготовленную коробку конфет; эту коробку Тарас вручил дочке хозяина, и девчушка, застеснявшись, спряталась за бабушку.

Разговор занял всего двадцать пять минут. Николай показал материалы расследования, которыми располагал: результаты анализа воды в Мокше ниже и выше фабрики, воздуха вокруг ЗАО, сделанные энтузиастами местной санэпидстанции, а также видеокассету, где были зафиксированы пятна пены на воде, мертвая рыба, черный налет на листьях засыхающих деревьев, увядшая трава на берегу реки; съемку делали еще прошлым летом.

– Возьмите кассету, – предложил оживившийся Белозеров. – У меня еще есть. А вот вторую у меня изъяли. Мы сняли с вертолета всю зону вокруг фабрики, особенно болота, там было видно, где есть выходы отравляющих веществ на поверхность – сизые пятна, словно инеем земля покрыта.

Там ничего не растет. Но вот где проходит труба, по которой фабрика сбрасывает отходы, мы не нашли. – Он виновато развел руками. – Группу не пустили, стреляли даже и собак спускали.

Нина и Тарас переглянулись.

– Мы этим делом займемся, – сказал Горшин. – Спасибо за информацию.

– Берегите себя, – добавила Нина. – Не лезьте на рожон.

– Но ведь кто-то же должен остановить этих бандитов, – с бледной улыбкой сказал Николай, баюкая руку. – Нельзя же всю жизнь бояться, прятать голову в песок, как страус.

– Это заблуждение, – качнул головой Тарас.

– Что? – не понял журналист.

– Что страусы прячут голову в песок. Это легенда, придуманная кем-то из первых австралийских путешественников и исследователей. Страусы просто пригибают головы к песку, пониже, чтобы их не было заметно издалека.

– Я не знал. А откуда вы... – Николай не договорил.

Снаружи послышался стук в дверь и чей-то громкий голос:

– Эй, писака, открывай!

Гости посмотрели на побледневшего хозяина. Тот ответил беспомощным взглядом, посмотрел на возникшую из спальни жену.

– Не открывай, Коля, – сказала молодая и тихая женщина в халате, под которым уже обозначился животик – жена Бе-

лозерова ждала ребенка. – Это снова они...

– Я открою, – встал Тарас. – Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Он рывком распахнул дверь и увидел двух крупногабаритных парней в серых костюмах и сержанта-милиционера. Первый парень, с толстым мясистым носом и глазами-буравчиками, так и остался стоять с поднятым кулаком, оторопев.

– Слушаю вас, – вежливо и негромко сказал Тарас, *ощущая* ауру милиционера.

Сержант, лет сорока от роду, очень толстый в поясе, но ощутимо опасный и сильный, смотрел на Тараса, словно прицеливался, и зеленовато-серый оттенок его ауры говорил об отсутствии у этого человека каких-либо сомнений. Тем не менее в спектре ауры просматривались и темные струйки готовности подчиниться приказу, и коричневатые вихрики равнодушия и лакейской угодливости. И еще Тарас ощутил, что в настоящий момент сержант находится не на службе, несмотря на официальный вид, и подчиняется не своему непосредственному начальству.

Кроме трех визитеров, обнаружился еще четвертый – в моторной резиновой лодке, приставшей к лестнице внизу, у окон первого этажа дома.

– Гражданин Белозеров? – зычным, прокуренным басом проговорил милиционер.

– Нет, – ответил Тарас. – А в чем дело?

– Мне приказано доставить его в отделение. Где он? Пусть

выходит.

– Во-первых, покажите ордер на арест. Во-вторых, представьтесь.

– Ты чего, оборзел? – выкатил глаза толстоносый громила. – Дай пройти!

Тарас остался стоять в дверях с выражением безмятежного спокойствия на лице, но глаза его посветлели, будто налились изнутри золотистым свечением.

Сержант замялся:

– Гражданин, вы мешаете работе органов правопорядка. Освободите проход или вызовите гражданина Белозерова.

– Ордер, – лаконично сказал Тарас, протягивая руку.

– Ах ты, падла! – Толстоносый здоровяк попытался схватить Тараса за грудки и вдруг отшатнулся и с криком сорвался с лестницы в воду, звучно шлепнулся в лодку, едва не потопив ее вместе с четвертым парнем.

Возникла пауза.

Сержант тупо посмотрел на барахтавшегося в воде спутника, перевел взгляд на Тараса, не сделавшего ни одного движения, и, видимо, что-то сообразил. Рука его потянулась к кобуре пистолета, замерла в нерешительности. Второй парень, такой же плотный и здоровый, с родинкой на щеке, шагнул было на ступеньку выше, собираясь силой проложить себе путь.

В этот момент в дверях появилась Нина, и гости остановились, разглядывая женщину.

– Что здесь происходит? – строго спросила Нина.

– Вы кто? – опомнился сержант.

– Инспектор из Москвы. – Тарас показал свои блеснувшие золотом «корочки» и спрятал в кармашек на груди. – Так как там насчет ордера, уважаемый слуга закона?

Сержант помолчал, туго принимая решение, повернулся спиной к Тарасу и Нине, бросил глухо:

– Поехали.

Парень с родинкой посмотрел на Тараса, наткнулся на его предупреждающе-холодный взгляд, вздрогнул и полез в лодку вслед за своим командиром, где уже сидел и матерился сквозь зубы мокрый здоровяк. Затарахтел мотор. Лодка с представителями местных властей направилась вдоль улицы к более высокой части города.

Из двери выглянул взволнованный Белозеров:

– Уехали? Как вам удалось их уговорить?

– Вам надо официально заявить в милицию об угрозах, – посоветовал Тарас. – Тогда такие визиты прекратятся.

– Но ведь это была милиция...

– Это были не милиционеры. Сделайте заявление в УВД и попросите, чтобы ваши коллеги, из тех, кому вы доверяете, подежурили у вас дома какое-то время, дня три. Когда мы разберемся с ситуацией на фабрике, вы вздохнете спокойно.

– Спасибо вам! – тихо поблагодарила гостей жена Николая. – Я говорила ему, чтобы не вмешивался, но он разве слушает. Теперь вот живем, как в тюрьме...

– Ничего, авось все образуется, – утешил ее Белозеров. – Нельзя, чтобы нас травили, а мы молчали. Это же наша земля, мы здесь родились, и здесь жить нашим детям. То ядерные отходы сюда везут, то химию... Как-то надо с этим бороться? Да и не один я. Видишь, люди даже из Москвы приехали. Надо держаться всем вместе, тогда выживем.

– Правильное решение, – кивнул Тарас. – Это у американцев философия – выживает сильнейший. Наша русская философия – всем миром победим! Удачи вам.

Попрощавшись с хозяевами, эксперты спустились вниз, подождали давешнего мужичка-перевозчика и покинули затопленную талыми водами территорию. Добрались до машины, думая о простых людях, не имеющих никакой защиты, кроме веры в справедливость. В кабине «вольво» Тарас заметил:

– Этот парень разворошил осиное гнездо. Они не успокоятся, пока не заставят его замолчать. Ты не боишься, что и на нас наедут лакеи Киселева? – Тарас имел в виду гендиректора ЗАО «Наслаждение».

– Не боюсь, – повела плечиком Нина. – Мы не делаем ничего противозаконного. Это они пусть боятся, не соблюдая законы.

– Будь осторожна. заметишь вокруг себя подозрительное шевеление, дай знать.

«Вольво» отъехала от здания Отдела внутренних дел, провожаемая взглядом охранника-милиционера, пересекла го-

род и вскоре остановилась у проходной сигаретной фабрики. Территория фабрики была окружена высоким бетонным забором, из-за которого виднелись крыши двух зданий – административного и производственного корпусов – и высокая труба. Ворота в заборе рядом с проходной были металлические, тяжелые, раздвижные и не позволяли разглядеть территорию. Тарас, чувствуя на себе взгляды охраны – площадка перед проходной просматривалась телекамерой, – толкнул дверь проходной, пропустил Нину и вошел сам.

За турникетом справа стоял охранник в черном комбинезоне, с эмблемой сигарет «Кэмел-Р» на груди. На ремне у него висела кобура с пистолетом. Еще один охранник в черном сидел за окном слева у монитора и читал книгу или делал вид, что читает. Они подняли головы и посмотрели на вошедших с одинаковым профессиональным равнодушием, которое было сродни предупреждению.

Тарас раскрыл удостоверение сотрудника НКЭБ, протянул охраннику у турникета:

– Вас должны были предупредить о нашем приезде.

Охранник мельком взглянул на удостоверение, посмотрел на своего напарника за окошечком. Тот снял трубку телефона, что-то проговорил, подождал ответа и кивнул, глянув на гостей:

– Пропусти. Вас ждут на втором этаже администрации, в приемной. Подниметесь по центральной лестнице – и налево.

Тарас и Нина вышли из проходной, направились к четырехэтажному зданию административного корпуса, за которым располагались два низких барака со стеклянными крышами, но без окон, и двухэтажный производственный корпус. Ветерок принес едва ощущаемые горьковато-приторные запахи табака и каких-то химреактивов. Нина на них не отреагировала, но Тарас уловил, подумав, что запах табачных листьев намного приятнее запаха сигаретного дыма и намного опаснее. Сам он никогда не курил, даже в юности, хотя и не считал этот процесс настолько вредным, насколько его считали вредным медики.

В холле административного корпуса, отделанном мрамором и ракушечником, их встретил суровый рослый молодец в черном, проверил документы и сопроводил гостей из столицы до приемной, где дежурил еще один охранник, вооруженный пистолетом. Было заметно, что руководство ЗАО «Наслаждение» не чувствует себя спокойно в местных условиях.

Секретарша, дама в возрасте, в строгом деловом костюме, с короткой стрижкой, нажала пальчиком клавишу селектора и проговорила низким голосом:

- Давид Евгеньевич, к вам товарищи из Москвы.
- Пусть войдут, – ответил селектор фальцетом.

Секретарша открыла дверь, эксперты вошли в кабинет директора.

Кабинет был просторен и сверкал фарфоровой белизной

и хромированными деталями интерьера. Все здесь было суперсовременным – от мебели до прибабасов делопроизводства.

Рабочий стол директора больше напоминал ажурный трехлопастной пропеллер из металла и стекла. На одной стеклянной лопасти стоял компьютер с клавиатурой, на второй лежали папки из рифленой кожи и Z-блокноты, третья служила столешницей, на которой стояли изящные приборчики таинственного назначения и элегантные подставки для ручек и карандашей.

Второй стол – для приема гостей – имел вид кленового листа и был окружен деревянными стульями оригинальной формы.

Кроме столов, в кабинете присутствовали прозрачные шкафы с моделями космических кораблей и продукцией фабрики и стойки с благородной матовой хромировкой. Две картины на стенах размером метр на полтора – с туманно-зыбкими пейзажами, созданными напылением разных металлов на медной подложке, – довершали интерьер.

Хозяин кабинета, Давид Евгеньевич Киселев, оказался тучным молодым человеком с пышной шевелюрой, с усиками, по-модному небритый. У него был большой нос и глаза неопределенного цвета. Одевался он в коричневый костюм, на зеленой рубашке сверкал золотой галстук, а на пальцах обеих рук директора Тарас насчитал семь разнокалиберных перстней.

Досье на директора Тарас изучил еще в Москве, поэтому знал о нем все, что было необходимо для работы.

Давид Евгеньевич начал свою деловую карьеру доцентом кафедры управления Дагестанской сельхозакадемии в тысяча девятьсот девяносто пятом году. Затем он возглавил Международный институт бизнеса «ОЛМА», два года жил в США, вернулся и стал одним из учредителей Союза защиты потребителей. Однако вскоре он попал под «колпак» правоохранительных органов и снова уехал за границу, где занялся торговлей сигаретами. Вернулся он в Россию уже в качестве генерального директора ЗАО «Наслаждение», вложив в фабрику немалые средства.

Первое время Давид Евгеньевич исправно платил налоги и даже занимался благотворительностью: переводил деньги на счета школ и детских домов, построил две синагоги и костел. Потом у него появились высокие покровители из Государственной думы и губернской администрации, после чего Киселев почувствовал себя господином положения. Он построил вторую линию по производству сигарет «Голубой дымок» и «Кэмел-Р» и перестал обращать внимание на законы, зная, что губернатор, имевший треть акций фабрики, всегда прикроет его своей широкой спиной.

Однако в открытую ссориться с властями он не хотел и визитеров НКЭБ принял с подчеркнутым радушием.

Предложил кофе, напитки, в том числе коньяк.

Выслушав, с какой целью прибыли в Кадом эксперты Ко-

митета, он посетовал на журналистов, гораздых на досужий вымысел, и заверил, что представит всю необходимую для инспекции документацию и покажет производство. Договорились, что работать гости начнут с утра следующего дня.

– А пока я приглашаю вас сегодня вечером отужинать со мной, – заявил Давид Евгеньевич в конце беседы, не сомневаясь, что гости примут приглашение.

– Нет, спасибо, я не пойду, – отказалась Нина. – Неважно себя чувствую с дороги.

– Пожалуй, я тоже откажусь, – покачал головой Тарас. – Поброжу по городу и пораньше лягу спать.

– Понимаю, – осклабился директор. – Сам на вашем месте отказался бы, во избежание, так сказать. А городок наш весьма примечателен, есть что посмотреть. Затопленную часть вы уже видели, теперь погуляйте по центру.

Тарас заглянул в масляные глаза Киселева и понял, что тот знает об их визите к Николаю Белозерову. Однако уточнять этот момент не стоило.

Гости попрощались с владельцем ЗАО «Наслаждение» и вышли, провожаемые его недобрим взглядом.

В кабине «вольво» Тарас задумчиво проговорил:

– Завтра у нас будет тяжелый день.

Нина промолчала. Она думала о том же.

Глава 6

Превентивные меры

Кадом действительно оказался своеобразным городом, где сохранились не только древние каменные церкви и монастырь, но и трехсотлетние деревянные дома. Однако бродил по городу Тарас недолго. Во-первых, потому что пошел дождь. Во-вторых, за ним следили. Заметить слежку было нетрудно, наблюдатели оказались неопытными, и оторваться от них не составило бы труда, но Тарас решил не предпринимать никаких активных действий и ждать, что будет дальше.

В книжном магазине в центре города он заинтересовался брошюрой «Происхождение жизни» американского ученого Мишлера и, придя в гостиницу и попив в буфете чаю, улегся на кровати поверх одеяла с книгой в руках.

Профессор биологии Калифорнийского университета Brent Мишлер утверждал, что на Земле существует пять основных ветвей генеалогического древа живых существ, пять царств сложных организмов, а не два, как считалось раньше, – царство растений и царство животных. Только одна ветвь – зеленые растения – содержала более пятисот тысяч видов, включая все известные наземные растения, в том числе травы, мхи, лишайники и цветы, а существовали еще коричневые растения, красные растения, грибы и животные.

Мало того, ученый сделал вывод, что вся многообразная

земная жизнь имеет одного «прародителя», а раньше считалось, что мхи и папоротники произошли от разных предков. А выход на сушу происходил не однажды, раз десять – пятнадцать, но только один-единственный выход увенчался успехом. При этом многие «захватчики» суши через некоторое время возвращались назад в воду. Мишлер имел в виду дельфинов и осьминогов.

Тарас отложил брошюру в сторону, вспоминая все, что он узнал о происхождении жизни от учителя и во время походов в прошлое, и решил еще раз спуститься «вниз», на самое «дно» родовой линии, чтобы проверить высказанные американцем гипотезы. Если верить эзотерической информации, процесс распространения жизни по суше происходил иначе, и первыми живыми существами на Земле были Аморфы, отличавшиеся и от растений, и от животных и представлявшие собой «квазиживые кристаллические организмы» величиной с горные цепи. Куда они ушли с Земли, достигнув высот понимания мира, оставалось загадкой, никаких следов своей жизнедеятельности они не оставили, если не считать таковыми человечество. После их ухода на Земле наступила эпоха Инсектов, разумных насекомых, едва не погубивших Землю, и последним деянием Аморфов стал акт трансформации Инсектов. Все гигантское царство Инсектов было просто уменьшено физически в пятьдесят – сто раз, а род блаттоптера сапиенс был изменен и дал начало роду Перволюдей, предков современного человечества.

Тарас разделся, снова улегся в кровать, сосредоточиваясь на внутренних ощущениях, пока не перестал слышать все внешние звуки. Однако закончить процесс формирования поля необходимости получения генетической информации ему не дали. Кто-то приблизился к двери его гостиничного номера, и сработавшая сторожевая система отключила канал «спуска» сознания в глубины родовой генетической памяти.

В дверь постучали.

Тарас накинул на голое тело рубашку, прислушиваясь к тишине в коридоре гостиницы. За дверью было тихо, но обострившееся чутье подсказывало, что за ней сейчас при-таились четыре человека.

Стук раздался снова.

– Кто там? – сонным голосом спросил Тарас.

– Девочку заказывали? – послышался игривый женский голос.

– Нет, – коротко ответил Тарас. Молчание. Тихое шевеление за дверью. Сдержанный смех.

– Мы для вас сделаем скидку.

– Спасибо, не надо.

Тарас отступил, и вовремя. От сильного удара дверь распахнулась, и в номер ворвались трое могучего телосложения парней, из-за спин которых выглянула молодая женщина с короткой прической. Один из парней, в коричневом костюме и зеленой рубашке (вспомнился наряд директора ЗАО «Наслаждение» господина Киселева), махнул рукой, оглядыва-

ясь, и женщина закрыла за ним дверь со сломанным замком, оставаясь в коридоре.

Все трое визитеров посмотрели на оставшегося спокойным Тараса. Затем второй громила, в куртке и кожаных брюках, достал пистолет, и Тарас узнал его: это был тот самый толстоносый здоровяк, что пытался пройти в квартиру Николая Белозерова в компании сержанта милиции.

– Ну вот мы и встретились, – ухмыльнулся он. – Руки за голову!

Тарас усмехнулся:

– Битому нейметя?

Толстоносый нахмурился, демонстративно передернул затвор пистолета (тип 64, китайского производства, под патрон калибра семь и шестьдесят пять сотых миллиметра, пистолет средних качеств и к тому же легко идентифицируемый, странно, что им пользуются местные бандиты) и направил в лоб Тарасу.

– Ну, ты, эколог вонючий, руки за голову, я сказал, а то башку отстрелю!

– Не попадешь, – покачал головой Тарас. – Несерьезная у тебя пушка. – Он посмотрел на парня в коричневом, который тут явно был главным. – Вы не ошиблись номером, господа хорошие? Может быть, предъявить документы?

– Мы знаем, кто ты такой, – глухим голосом проворчал вожак группы. – И знаем, куда и зачем приехал. Так вот давай договоримся. Завтра ты пишешь заключение о проверке

фабрики, причем то, какое нужно, получаешь за это тысячу баксов и уезжаешь в столицу вместе со своей дамой. Годится такое предложение?

– Нет.

Парень в коричневом костюме выкатил глаза:

– Что ты сказал?!

– Видимо, вы не поняли, какую структуру я представляю.

– Ты что, идиот?! Кого бы ты ни представлял, здесь у нас *один* хозяин! А твоя контора далеко, смекаешь? Или ты принимаешь предложение, или...

– Что?

– Мы тебя обломаем.

– Большой, а без гармошки, – осуждающе качнул головой Тарас. – Как же ты меня обламывать будешь, ежели у тебя головка бо-бо, денежки тю-тю и во рту бяка?

Вожак в коричневом изумленно вытаращился. Его напарники в замешательстве переглянулись. Тарас наконец поймал нужный момент и, вытянув губы особым образом, *выстрелил* звуковой пакет, содержащий один из ключей метаязыка, способный становиться *силой* на физическом уровне.

Звук – нечто среднее между «о» и «у» – упругим шариком толкнул руку толстоногого, выбивая пистолет, отразился от стены комнаты и влип в ухо третьего парня, заставив его охнуть и схватиться за голову.

Тарас подхватил пистолет, навел на жоака в коричневом костюме, не успевшего вытащить свое оружие.

– Стой смирно! Пистолет заряжен. Я зол. Вы – налетчики. Получите сполна. Доходит?

– Ты, гад, отдай пушку! – опомнился толстоногий, бросаюсь на Тараса.

Тот сделал шаг в сторону и с виду лениво нанес точный уракен – удар с полувращения кисти по носу кулаком. Здоровяк отлетел к стене и присел на корточки, держась за нос. Тарас наставил на него палец.

– Сиди тихо! Говори мало. – Он посмотрел на третьего гостя, в куртке и спортивных штанах. – Руки за голову! К стене!

Парень молча повиновался.

Тарас повернулся к вожаку группы:

– Говори кратко. Кто послал?

Парень сунул было руку за пазуху, и Тарасу пришлось в *темне* бить его под невероятным для нападения углом. Удар назывался рикен – «выхватить меч из ножен вбок», и от него вожака унесло по спирали к окну. Он запутался в ковре на полу, грохнулся на кровать, едва не сломав ее, сел с ошеломленным видом, тараша глаза.

– Повторяю вопрос, – терпеливо сказал Тарас, закрывая дверь перед девицей, заглянувшей в номер на шум. – Кто послал?

Вожак помотал головой, глухо промычал:

– Он тебя отсюда не выпустит...

– Ну, это мы с ним будем решать. Кто?!

– Губер...

– Громче!

– Губергриц.

– Это что еще за птица?

– Начальник охраны...

– ЗАО «Наслаждение»?

Здоровяк поднял голову, криво усмехнулся – на его щеке лиловел отпечаток кулака Тараса.

– Думаешь, сильно крутой? Мы таких крутых в Мокше топили.

– Не сомневаюсь. Кстати, все, что здесь происходит, записывается, так что советую держать язык за зубами. А теперь уходите отсюда. Быстро!

Вожак с недоверием посмотрел на Горшина:

– Ты нас... отпускаешь?

– Мне надо отдохнуть перед завтрашним днем. А Губергрицу передай, что он меня очень сильно раздосадовал. Теперь я буду работать *по полной* программе.

– Ну, смотри... – с плохо скрытой угрозой проговорил вождь.

– Спасибо за совет. Конечно, я буду *смотреть*.

Боевики команды неведомого Губергрица зашевелились, двинулись к выходу из номера, поглядывая на хозяина. Тарас привычно выщелкнул из пистолета обойму, вернул его владельцу.

– Никогда не вынимай эту штуковину всеу. К тому же я

не уверен, что у тебя есть лицензия на ношение оружия. Ты меня понял?

– Понял, – хмуро буркнул толстоносый, держась за свой еще больше увеличившийся, вспухший и покрасневший нос.

– Болит? – сочувственно спросил Тарас. Парень злобно скривился, и Тарас добавил: – Скажи спасибо, что я бил в треть силы, иначе бы сломал.

Дверь номера закрылась и тут же распахнулась вновь.

– Ну ты и козел! – заглянула в нее девица, сопровождавшая налетчиков; в глазах ее плавало восхищение. – Согласился бы на девочку, и всем было бы хорошо. А теперь будешь ходить, как по минному полю. Не передумаешь?

Глубоким гортанным голосом Тарас произнес короткое и энергичное слово «Вон!», и девицу словно сдуло ветром. Дверь захлопнулась.

Подождав немного, он выглянул в коридор, затем натянул брюки и вышел, остановился у двери в номер Нины в конце коридора, постучал.

– Кто там? – раздался сонный голос бухгалтерши Комитета.

– У тебя все в порядке? Гости не беспокоили?

Нина, в халатике, открыла дверь, прищурилась от света в коридоре.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, но вполне может случиться. Никому не открывай, а если постучат – сразу звони мне.

– Снова эти... визитеры? – догадалась женщина.

– Ничего, все образуется. Хотя такое давление на меня оказывается впервые. Спокойной ночи.

Он кивнул Нине и отправился к себе в номер, хотя мог бы, наверное, и остаться. Нина жила без мужа, с дочерью, и мужчины ей противопоказаны не были. Однако Тарас был воспитан в традициях почитания женщин и легкого секса не искал.

Кое-как починив замок, он лег и уснул без особых переживаний, просто приказал себе спать.

Утро шестого апреля выдалось хмурым, но без дождя. И уже к одиннадцати часам облака стали расходиться, выглянуло солнышко, и природа ожила, омытая ночным ливнем, а на лицах прохожих впервые появились улыбки. Правда, экспертов из Москвы встретили на территории фабрики без них.

Встречающих было трое: высокий поджарый мужчина лет тридцати пяти с худым острым лицом и цепкими прозрачно-серыми глазами, одетый в кожаную куртку зеленоватого цвета и такие же штаны, и двое охранников в черном. Мужчина в коже и оказался тем самым Губергрицем, начальником охраны фабрики, который, по словам ночных визитеров, приказал им прошупать инспектора из Москвы. Звали его Юстасом Карловичем.

– Мне велено сопровождать вас по территории, – сказал он с заметным прибалтийским акцентом.

– Без претензий, – пожал плечами Тарас. – Проводите даму в бухгалтерию, и начнем.

Они сопроводили Нину до административного корпуса. Один из охранников скрылся с ней в здании, Тарас остался наедине с Губергрицем и вторым охранником, массивным, как сейф, и таким же эмоциональным.

– С вами все в порядке? – индифферентно поинтересовался Губергриц, прищурясь.

Он знал о провале своих подчиненных и пытался прощупать Тараса на предмет его отношения к ночному визиту.

– Со мной – вполне, – коротко ответил Горшин. – Давайте начнем.

– Вы ничего не хотите мне сказать?

Тарас остался невозмутим:

– Когда сочту необходимым.

Начальник охраны фабрики сжал губы в бледную полоску, но сдержался:

– Как хотите. С чего начнем?

– Покажите мне схему очистки предприятия. Затем мы посмотрим очистные сооружения и стоки...

– Что на них смотреть? – угрюмо пробубнил сейфовидный охранник. – Их кто только не смотрел, есть акты экспертизы санэпидстанции...

– Посмотрим очистные сооружения и стоки, – ровным голосом повторил Тарас. – После этого я проверю все водоотборы фабрики и пройду по цехам.

Губергриц и его телохранитель переглянулись.

– Может, лучше посидим в уютном кабинете, глотнем коньячку, пока наши специалисты приготовят акт? Зачем вам бродить по территории зря, пачкаться, дышать разной гадостью?

– Мое терпение имеет пределы, – тем же тоном сказал Тарас. – Или вы помогаете мне, или я составлю отчет о грубом давлении на эксперта НКЭБ.

– Не кипятись, эксперт, – поморщился Губергриц. – Все мы тебе покажем, просто неохота терять время. Витя, неси документацию.

Сейфовидный Витя бросил на Тараса неприязненный взгляд и вразвалочку направился к административному корпусу.

– Плохо начинаешь карьеру, парень, – сказал Губергриц, не глядя на Горшина. – Тебе дело предлагали. Ну, не угадали с суммой, так не поздно переиграть. Назови свою. Зачем лезть на рожон?

Тарас не ответил.

– Чего молчишь? Прикидываешь цифру? Пять тысяч «зеленых» хватит?

Тарас покачал головой.

– Слов нет, одни буквы, да и те складываются по три. Знаешь, чем пахнут такие предложения?

– Так ведь никто нас не слышит, эксперт. А начнешь права качать, я в суд подам за поклеп. Хочешь совет? Не суй нос

куда не надо. У нас губернаторская «крыша», а губернатор очень не любит столичных проверяльщиков.

– Тогда и ты выслушай совет: увольняйся с фабрики, сегодня же. Завтра будет поздно. Я все равно найду канал сброса отходов в Мокшу, и тогда ты сядешь вместе с директором на одну скамеечку.

Губергриц хмыкнул, поиграл желваками, изучая лицо Тараса злыми умными глазами, наткнулся на ответный ледяной взгляд, и улыбочка сползла с его губ.

– Это надо понимать как объявление войны?

– Это надо понимать как выполнение долга.

– Ну-ну, смотри, долговыполнитель. Человек ты, я вижу, смелый, но недалекий. Такие долго не живут.

Появился Витя с папкой в руке, покосился на Тараса.

– Не договорились?

– Пусть поработает, – осклабился Губергриц. – У нас все нормально. Может, клад найдет, тогда поделим по-честному.

Охранник хмуро улыбнулся.

– А если он...

– Заткнись! И не болтай много, этот парень не промах, вдруг действительно записывает наши речи?

Витя сплюнул, проворчал:

– Во жизнь пошла, на хрен некого послать!

Тарас молча взял у него папку, расстелил на лавочке схему очистных сооружений, поизучал ее несколько минут и свернул.

– Начнем с цеха подготовки. Показывайте.

Губергриц ответил Вите предупреждающим взглядом, кивнул.

– Веди, куда скажет, я займусь кое-какими делами. Будь на связи. – Он повернул голову к Тарасу: – Удачи тебе не желаю, эксперт. Будь готов к неожиданностям. – Он ушел.

– Пошли, – бросил Витя, направляясь в обход административного здания к производственным корпусам, откуда всю территорию фабрики накрывала волна горьковато-сладких запахов, от которых кружилась голова.

К обеду Тарас обошел все очистные комплексы фабрики, половина которых не работала, осмотрел производство, упаковочный и сушильный цеха, и понял, что его не зря пытались купить. Оборудование на фабрике стояло итальянское, устаревшее, купленное по дешевке, выпускало оно около миллиона сигарет в месяц, и мощностей очистных сооружений, как воздушных, так и жидкостных, явно не хватало на весь цикл. Однако по документам выходило, что претензий к фабрике со стороны санэпиднадзора и местной экологической комиссии не было, все необходимые бумаги, акты проверок и заключения экспертов с печатями и подписями находились на месте, и, в общем, придраться как будто было не к чему. И тем не менее после осмотра водосбросов у Тараса сложилось впечатление, что на фабрике существует некая хитрая система слива отходов, не фиксируемая стандартной аппаратурой. Приборы, которые он взял с собой – газоанали-

затор, масс-спектрометр, химический идентификатор и полевой сканер, – молчали на всей территории фабрики и лишь на берегу Мокши показали увеличение вредных окислов и сернистых соединений, хотя и в пределах нормы. Фабрика все же периодически сбрасывала отходы в реку, в этом Тарас был абсолютно уверен.

– Все? – спросил его сопровождающий, по мере приближения инспекции к концу приобретающий все большую уверенность.

– Теперь мне нужна схема канализации, – сказал в ответ Тарас. – Пока ты будешь ее искать, я проверю склад ГСМ и бензозаправку.

Охранник Витя едва сдержался, чтобы не выругаться, достал мобильный телефон и сообщил начальству о новой инициативе инспектора. Выслушав ответ, буркнул:

– Жди здесь, я сейчас.

Тарас остался один, однако ждать сопровождающего не стал, а направился к отгороженному проволокой участку территории со вкопанными в землю резервуарами. Это была бензозаправка фабрики, оборудованная по последнему слову техники.

Пока Витя искал чертежи канализации фабрики, Тарас изучил бензозаправку, проверил цистерны и подземные хранилища топлива, затем оценил их расположение и с сожалением констатировал, что эта зона фабрики представляет собой именно то, что есть на самом деле. Использовать емко-

сти бензозаправки в качестве резервных хранилищ отходов владельцы ЗАО не решились. Оставалась надежда на подземные коммуникации, в которых можно было спрятать все, что угодно, в том числе и канал вывода отходов за территорию предприятия.

Витя появился вместе с Губергрицем.

– Схемы канализации на фабрике нет, – сказал начальник охраны. – Зато звонил твой начальник из Москвы, он хочет сообщить что-то очень важное. – Губергриц раздвинул губы в насмешливо-издевательской усмешке. – Кажется, тебе с дамой придется срочно отбыть в столицу.

Тарас понял, что у гендиректора ЗАО «Наслаждение» нашлись высокие покровители, заинтересованные в сохранении существующего положения, и они сумели каким-то образом надавить на Самсонова, заставить его отменить инспекционный вояж.

Тарас достал мобильник, набрал номер начальника НК-ЭБ.

– Горшин? – раздался в трубке голос Юлиана Львовича. – Что там у тебя?

– Вы меня искали?

– В общем, тут появились обстоятельства...

– Я уже заканчиваю проверку.

– И что? Предположения наших корреспондентов подтвердились?

Тарас покосился на подошедшего ближе Витю.

– Я буду готов ответить вечером.

– Сворачивай дело и выезжай домой, здесь тебя ожидает более важная работа.

Тарас помолчал и коротко проговорил:

– Хорошо.

Выключил связь, убрал трубку.

– Ну, что он тебе сказал? – полюбопытствовал Губергриц. – Я был прав?

– Показывайте центральный коллектор, – сказал Тарас. – Пора заканчивать этот затянувшийся спектакль.

Начальник охраны и его подчиненный переглянулись.

– Ну, ты и ко... – не выдержал Витя.

Губергриц остановил его сверкнувшим взглядом:

– Покажи ему коллектор, пусть полюбуется и понюхает ароматы. Я к шефу.

Он исчез в административном корпусе.

Охранник повел эксперта к небольшому кирпичному строению рядом с котельной, открыл железную дверь с грозной надписью: «Стоять! Посторонним в... запрещен!»

– Можешь заходить. – Витя скривил губы. – Я здесь покараулю. Не люблю нюхать всякое дерьмо. Там лестница, на площадке выключатель. Найдешь?

Тарас снова достал мобильный телефон, вызвал Нину:

– Как дела?

– Заканчиваю, – ответила женщина. – Бумаги в порядке, хотя есть кое-какие странности с отчетами о вывозе мусора.

– Запротоколируй, добавим к акту. Когда закончишь, позвони Бородину, пусть готовится.

– Я поняла, – с заминкой ответила Нина. – Когда тебя ждать?

– Если хочешь, езжай в гостиницу одна, но лучше дождись. Я буду примерно через час.

Тарас шагнул в проем двери и оказался в небольшом помещении с голыми бетонированными стенами, с дырой люка в полу и двумя электрическими шкафами у стен. Затем дверь за ним закрылась, в замке заскрежетал ключ, стало темно. Снаружи донесся довольный голос Вити:

– Захочешь выйти – постучи, эксперт гребаный. Только выход здесь платный. – Он хихикнул: – Не провались в коллектор, он у нас бездонный.

Тарас усмехнулся. Сам того не осознавая, охранник выболтал главную тайну фабрики: неконтролируемые отходы работники предприятия сливали в канализационный коллектор, сбрасывая их по мере накопления в какой-то секретный канал. Оставалось найти этот канал и сообщить об открытии руководству. Сёма Бородин командовал особой группой Комитета, ответственной за безопасность сотрудников, и его появление на территории инспектируемого объекта обычно служило началом судебного процесса.

Тарас закрыл глаза, сосредоточился на «третьем глазе», и темнота отступила.

Глава 7

Деяние

Коллектор оказался внушительным: бетонная шахта диаметром чуть ли не в полсотни метров и глубиной около тридцати, если верить ощущению глубины, подсказанному «третьим глазом». Шахта была накрыта куполом с четырьмя выходами труб полутораметрового диаметра, по которым сочилась в коллектор едкая, вонючая дрянь. Еще одна труба, вонючая больше других, выходила прямо в край шахты. Очевидно, по ней в коллектор и сливались отходы из цехов фабрики, миновавшие системы очистки.

Тарас мог бы заблокировать обоняние, чтобы не ощущать зловония, шапкой висевшего над коллектором, но не стал ограничивать сферу восприятия. Вместо этого он просто перешел на кожное дыхание, позволявшее легким работать с частотой не более одного вдоха-выдоха в минуту. То, что его заперли, не имело значения и не волновало, он в любой момент мог воспользоваться канализационными трубами и выбраться на поверхность земли через люки канализации. Едва ли Губергриц и его команда контролировали каждый люк на территории фабрики.

Обойдя коллектор, Тарас попытался определить, где начинается труба слива отходов, явно скрытая на дне коллектора, но не смог. Надо было иметь гидрокостюм, чтобы опу-

ститься на дно шахты. Однако и гидрокостюм не спасал, так как требовалось не только найти выход трубы, но и определить, куда она ведет и где выходит на поверхность. Оставался один путь – астральный поиск.

Тарас поднялся по лестнице наверх, на узенькую балюстраду, опоясывающую зал коллектора, прислушался к тишине за дверью входного бункера и уселся на пол в позе лотоса. Закрыв глаза. Сосредоточил мысленный взор на пупке и волевым усилием вышел из тела.

Появилось чувство необыкновенной легкости и свободы.

Тело исчезло, перестало ощущаться физически.

Вокруг сгустилась мерцающая фиолетово-багровая субстанция, создающая странное впечатление двойственности восприятия. С одной стороны вокруг стоит густая тьма, с другой – видно все как днем. Да и сама фиолетовая тьма не мертвая и пустая, но живая и вздрагивающая от присутствия человека, хотя едва ли можно было описать человеческим языком столь необычное состояние. В двух словах это можно было обозначить как «тьму, пронизанную светом». Она не была абсолютной, но и не казалась прозрачной. Она не проявляла враждебности, но и не излучала дружелюбия и тепла. Она смотрела на *проявившегося* в ней человека и ждала.

Тела своего Тарас действительно не чувствовал, но мог каким-то образом двигаться в пространстве «светлой тьмы». Тогда он превратил себя в поток *силы* и устремился вниз, в бездну неведомых состояний и озарений.

Тьма внезапно расступилась. В ней образовался зыбкий коридор с пульсирующими стенами, уходящий в бесконечность. С каждым мгновением свечение стен становилось все ярче, они начали уплывать назад все быстрее и быстрее. Теперь Тарас мчался с огромной скоростью навстречу раскрывающейся бездне, не ощущая страха, так как не один раз уже переживал подобные состояния.

Коридор вывернулся наизнанку, швыряя Тараса (его сознание, разумеется) в иное пространство, отличное от привычного ему космоса со звездами, галактиками и чернотой. Вокруг него заиграли переливы, потоки, реки и моря призрачного света, размывая границы реальности и волевые опоры. Душа еще помнила себя и пыталась сконцентрировать вокруг ядра «самости», но и она поддалась необычайно мощному воздействию потоков света и начала растворяться в них, ощущая призывы колоссального океана растворенных живых душ – поля Вселенской информации.

Тарас заставил себя не слушать голоса давно ушедших в небытие душ живых существ и остатками воли замедлил падение в бездну.

Тотчас же под ним проявилась панорама светлых узоров и огней, напоминающая картину ночного города, видимую с большой высоты. Потоки света побледнели, перестали виться перед глазами, расступились, как бы приглашая человека сделать еще один шаг. Это была ловушка, и Тарас уже знал, в чем хитрость такого «предложения», поэтому «пры-

гать вниз» не захотел. Сосредоточившись на контроле высоты, он позвал:

«Отвечающий всем свободным, отзовись!»

Спустя мгновение в сознании возник ровный, глубокий, бархатный голос:

«Контролирующие Род слушают тебя, идущий. Зачем ты вышел за пределы Яви?»

«Нужна определенная и конкретная информация».

«Ты же знаешь, мы не даем прямых ответов, мы высвечиваем лишь *состояние Яви* или *структуры взаимодействий*».

«Этого достаточно. Я разберусь».

«Ты рискуешь остаться с нами, не справившись с синхронизацией своей оболочки с динамической волновой структурой узла информации. Твой силовой каркас уже деформирован».

«Я справлюсь!»

«Хорошо. Что тебе нужно?»

«Зона *прямого* пространственно-волнового видения. Координаты зоны: Россия, Рязанская губерния, город Кадом, сигаретная фабрика «Наслаждение». Диаметр зоны – десять километров».

Собеседник Тараса не выразил удивления.

«Смотри».

И в то же мгновение «панорама ночного города» под ним изменилась. Появился пейзаж с рекой (Мокша) и кварталами небольшого городка (Кадом), чуть сдвинулся в сторону,

так, чтобы в центре панорамы оказалась территория сигаретной фабрики, а затем с глухим гулом весь этот участок превратился в кусок светящегося изнутри прозрачного желе, пронизанного «кротовыми норами» коммуникаций.

Длился сеанс энергоинформационного просвечивания всего несколько секунд. Затем Тарас почувствовал, что проваливается в трясину небытия, и последним волевым усилием выдернул себя из нижнего слоя «болота» астрала. Дальнейшее пребывание в этом «болоте» было чревато психическим расстройством и даже потерей разума.

Пришел он в себя от птичьей трели мобильного телефона. Открыл глаза, достал трубку:

– Слушаю...

В трубке зазвучал голос Нины:

– Тарас, меня не выпускают, заперли в комнате на втором этаже... Что делать?

– Хорошо, что не отобрали мобильник. Бородину позвонила?

– Не успела. Но они не знают, что у меня есть телефон.

– Звони немедленно и ничего не предпринимай, я скоро приду.

– Что-нибудь нашел?

– Пока нет.

Тарас выключил телефон, посидел, унимая головокружение, дождался, пока перед глазами перестанут плясать цветные пятна и звезды, и встал. Теперь он *знал*, где строите-

ли спрятали трубу, выводящую отходы за пределы фабрики. Труба тянулась на семь с лишним километров и выходила к болотистой низине на левом берегу Мокши. Когда низина переполнялась, в реку попадали десятки и сотни кубометров неочищенной дряни, от которой гибла рыба и чернела трава. Именно об этом и поведал на страницах газеты журналист Николай Белозеров.

– Ну что ж, ребята, – вслух проговорил Тарас, направляясь к выходу, – вы не зря подняли панику. Хотели разборок? Их есть у меня.

Дверь из верхнего строения коллектора наружу все еще была заперта. И, судя по отсутствию биополей в окрестностях строения, ее никто не охранял. Очевидно, амбал Витя свято верил в непреодолимость препятствия, иначе ждал бы настырного московского эколога здесь.

Тарас мельком взглянул на засветившийся циферблат часов. Он находился взаперти уже около часа, пора было являться пред светлые очи гендиректора ЗАО «Наслаждение».

– Как ты там? – связался Тарас с Ниной на всякий случай.

– Сижу, – обрадованно сообщила бухгалтерша. – Только что дозвонилась до Бородина. Где ты?

– Скоро приду, жди.

Тарас остановился перед деревянной, обитой снаружи железным листом дверью, сосредоточился на замке. Конечно, можно было спуститься к шахте коллектора и выбраться на территорию фабрики через канализационную трубу, однако

не хотелось пачкаться в нечистотах, да и времени этот вариант требовал больше.

Замок оказался одноязычковым, английским, не рассчитанным на экстремальные ситуации. Тарас усмехнулся в душе, прикинул импульс и ударил ногой в дверь с такой силой, что замок не выдержал и лопнул. Второго удара не потребовалось.

Снаружи, как и ожидалось, никто пленника не встретил, что указывало на отсутствие у охранников Губергрица элементарной предосторожности. Провожаемый взглядами встретившихся на пути работников фабрики, Тарас поднялся на крыльцо главного входа в административный корпус и столкнулся со спешащим куда-то сейфообразным Витей.

– Тю! – изумился охранник. – К-как тебе удалось?!

– Хаппо кэри, – сказал Тарас.

– Что?! – не понял Витя.

– Хаппо кэри, – терпеливо повторил Тарас. – Удар ногой вперед. Этому тебя не учили?

Он отодвинул разинувшего рот охранника и прошел через турникет, не обращая внимания на второго стража ворот. Однако просто так пройти не удалось.

– Ах ты, курва! – взревел Витя, бросаясь за экспертом.

Не останавливаясь, Тарас нанес точный суки кэн – удар локтем назад – в подбородок охранника, раздался сдавленный вскрик «эк!», и Витя сел на мраморный пол вестибюля с выражением тупого удивления на лице. Тарас обернулся,

наставил палец на второго охранника в черном, шагнувшего было к нему, тихо, с нажимом, сказал:

– Не балуй!

При этом Тарас проделал сложное движение второй рукой, и по его телу пробежала волна сокращений мышц, мало заметная из-за одежды, но индуцирующая определенное психополе.

Охранник побелел и отшатнулся, меняясь в лице.

Тарас усмехнулся, взбежал по лестнице на второй этаж здания. Учитель мог быть доволен. Его ученик только что применил психофизический паттерн – особое малоамплитудное движение из арсенала «наваждения», которое вызывало безотчетный страх. До этого во время конфликтных ситуаций Тарас редко применял бесконтактное силовое воздействие, и успех его обрадовал и позабавил.

В приемной, кроме секретарши и телохранителя Киселева, никого не было. Заледеневшим взглядом Тарас остановил встрепенувшегося парня и, ни слова не говоря, толкнул дверь в кабинет гендиректора.

Давид Евгеньевич был не один. Кроме него в кабинете присутствовали еще двое мужчин: начальник охраны фабрики Губергриц и знакомый Тарасу по инциденту у дома журналиста сержант милиции. Все трое оглянулись на вошедшего и некоторое время молча его разглядывали. Потом директор ЗАО посмотрел на Губергрица и проговорил сквозь зубы:

– Что это значит, Юстас?

– Не понимаю, – нахмурился начальник охраны. – Он должен...

Дверь распахнулась от сильного толчка, в кабинет влетел запыхавшийся мордovorот Витя. За ним вошел смущенный телохранитель Киселева.

– Он, гад, сам... – сипло выговорил Витя, помассировал горло. – Я не успел...

– Вижу, – поморщился Губергриц, повернулся к директору: – Разрешите, я его...

– Вы зашли слишком далеко, господин Киселев, – бесстрастно сказал Тарас, взвешивая решение; начинать бузу не хотелось, но и ждать, пока его захватят растерявшиеся «шестерки» директора, не хотелось тоже. – Советую вести себя достойно. Мы вызвали спецназ, через несколько минут он будет здесь. Если хотите ослабить наказание, укажите координаты слива отходов, если же вы этого не сделаете, я найду место сам.

В кабинете повисла тишина.

– Он блефует! – процедил сквозь зубы Губергриц.

Давид Евгеньевич опомнился, сдавленным голосом произнес:

– Уберите его!

Сержант милиции с готовностью щелкнул кнопкой кобуры, чтобы достать пистолет, и в то же мгновение Тарас очутился рядом с ним, выхватил пистолет, в доли секунды раз-

рядил его и вернул владельцу. Похлопал его по плечу, посмотрел на приготовившегося к действию – ноги слегка согнуты в коленях, руки приподняты, пальцы сведены особым образом (а ведь мужичок кое-что понимает в рукопашке) – Губергрица.

– Не усугубляй положение, десантник, – покачал пальцем Тарас. – Я не шучу.

– Ах ты!.. – кинулся на него, нагнув голову, глыбистый Витя.

Эксперт отступил в сторону, незаметным движением добавил Вите импульс силы, тот врезался в стол директора, едва не развалив его на части, и осел на пол, очумело ворочая чугунной башкой.

Губергриц оценивающе посмотрел на него, потом на оставшегося равнодушно-спокойным Тараса, раздвинул губы в бледной улыбке.

– Кажется, мы учились у одного и того же инструктора. Рязанка, группа «Зет»?

– Не понимаю, о чем вы, – пожал плечами Тарас.

– Ну-ну... а можно было бы помахать руками-ногами. Жаль, что ты не оставляешь нам выбора.

Губергриц, не торопясь, достал из-под мышки пистолет с насадкой бесшумного боя.

В этот момент за окнами кабинета раздался усиливающийся гул, задрожали стекла. Все замерли, повернув головы к окнам.

– Финита, – сказал с внутренним облегчением Тарас. – Просьба оставаться на местах.

– Что это? – прошептал Давид Евгеньевич, уже сообразив, в чем дело.

– Это прилетел полковник Бородин, – любезно пояснил Тарас. – На вертолете. И с ним бригада спецназа. Сопротивляться не советую, парни могут подумать, что вы всерьез бунтуете, а это чревато. Советую объявить всем работникам фабрики о предоставлении им внеочередного отпуска. До особого распоряжения.

Тарас насмешливо поклонился и вышел из кабинета, сопровождаемый красноречивыми взглядами присутствующих.

В недрах здания зародился характерный шум, покатился волной по коридорам. Это бежали десантники Бородина. Тарас выяснил у растерянной секретарши Киселева, где находится Нина, взял у нее ключи, вывел бухгалтера из комнатки уборщицы, где ее заперли.

– Наши прилетели? – догадалась она, кивнув на окно.

– Наши, – подтвердил Тарас.

Возвращение в Москву было не то чтобы триумфальным, но все же более радужным, чем ожидалось. Нину забрал с собой в вертолет Бородин, уже на следующий день после десантирования спецкоманды и выяснения всех обстоятельств ее вызова, а Тарас возвращался из Кадома один. Он был доволен, хотя в глубине души осознавал, что того же результа-

та можно было добиться и более мирным путем, без демонстрации приемов русбоя и «наваждения».

Вечером седьмого апреля он встретился с учителем у него на квартире и рассказал о своем хождении по астралу, принятому для решения рабочей проблемы на сигаретной фабрике.

Елисей Юрьевич выслушал ученика внешне спокойно, не стал ни хвалить его, ни порицать. Лишь позволил себе не смотреть ему в глаза, что в общем-то не было чем-то необычным, хотя и не свидетельствовало о положительной оценке деятельности Тараса. Помолчав немного, Елисей Юрьевич предложил ему позаниматься рукопашкой, и слегка расстроившийся – интуиция подсказывала, что учитель не вполне им доволен – Тарас принялся переодеваться.

Учитель появился в стареньком спортивном костюме, облегавшем его сухое, жилистое, туго перевитое мышцами, хотя и не чрезмерно развитыми, тело. Кимоно он никогда не надевал, хотя оно у него имелось. Елисей Юрьевич оглядел фигуру Тараса (они были весьма похожи, особенно осанкой), надевшего свой обычный костюм для тренинга: шорты, футболку с короткими рукавами и мягкие полукеды. Во взгляде учителя мелькнуло некое предостережение, и Тарасу показалось, что за ним наблюдает кто-то еще, хотя он точно знал, что в квартире, кроме него и хозяина, никого нет.

– Покажи, что умеешь, – сказал Елисей Юрьевич ворчливым тоном. – Уровень – «безупречность».

Спину Тараса охватил легкий озноб.

Термин «безупречность» включал в себя два символических значения.

Во-первых, это был высший уровень этапа реализации болевых возможностей человека как выразителя целостной системы движения. Этот уровень предполагал пренебрежение результатом и значением самой схватки как способа выражения инстинктивной сущности человека.

Во-вторых, это был самый важный уровень познания мира через контроль сознанием процессов подсознания. Воин, владеющий «безупречностью», действительно безупречен в своих мыслях, эмоциях, желаниях и поступках и способен быть равным любому оппоненту. На этом уровне воин, осознавший свою *силу*, обязан либо постоянно следить за своими мыслями, контролировать пси-сферу, либо почти полностью останавливать внутренний монолог. Учитель же рекомендовал Тарасу пойти другим путем: научиться «десинхронизировать» векторы целеполагания, чтобы поддерживать у противника неуверенность в ответе, и больше использовать малоамплитудное «качание маятника» для бесконтактного воздействия.

– Готов? – прищурился Елисей Юрьевич, обманчиво расслабленный и добродушный.

Тарас кивнул и тут же мягко перепрыгнул через стул, так как учитель неожиданно оказался рядом, в зоне поражения, и любое его движение грозило пресечь схватку в самом на-

чале.

Конечно, небольшая гостиная обычной московской двухкомнатной квартиры не являлась идеальным залом для занятий рукопашным боем, но истинный мастер должен уметь *работать* в любых помещениях, даже в самых тесных и неудобных, и Тарас давно привык к тренировкам в такой обстановке, непременным условием которых было не нарушить существующий порядок вещей. За все время занятий с учителем в его квартире он лишь однажды разбил люстру и долго потом тренировался «складываться втрое» во время прыжков.

Боевая система, которой Елисей Юрьевич обучал Тараса, называлась «потоп» и служила третьей ступенью «живых». Четвертая ступень по сути являлась магическим оперированием, использующим свойства воздействия на противника соответствующими телодвижениями и звуковыми волнами, и чтобы достичь такого уровня мастерства, надо было знать базовые «заклинания» – энтропийные наговоры (на смерть), шокирующие пси-удары, внушение страха и боли. Елисей Юрьевич – знал, Тарас же еще только подходил к этому рубежу, осваивая вибрационную технику «характерников» и приемы «наваждения», древней борейской системы метабоа, включающей в себя приемы «быстрой» и «отсроченной» смерти, а также удары, наносящиеся в глубь тела человека, по энергетическому каркасу, по его полевой структуре. Пропустить один такой удар, заранее настроенный на

преодоление телесного сопротивления, означало потерпеть поражение во всех формах бытия, в том числе – на физическом уровне, так как смерть при этом наступает непременно, даже намного позже схватки. Если не знать приемов «живы», восстанавливающих *силу* и жизнедеятельность пораженного органа.

Елисей Юрьевич снова оказался рядом, действуя на сверхскорости. Беззвучной молнией мелькнула у лица Тараса его рука, но Тарас был готов к атаке и ушел с дистанции поражения, точно дозируя силу мышечных сокращений для создания «телесных лат». В китайских техниках самозащиты эти «латы» назывались «рубашками» – от железной до алмазной.

В течение двух последующих минут бойцы почти не двигались, демонстрируя намерения и так же «виртуально» отвечая на них. Оба прекрасно знали возможности друг друга и пределы реализации степеней свободы человеческого тела, поэтому не подпускали противника в сферу гарантированного поражения. Тарас впервые открылся своему подсознанию полностью, что позволяло ему свободно использовать психотехнику «живы» и даже «морочить голову» учителю на уровне «игр сознания».

Вообще схватка на высших уровнях боя, не говоря уже о метабое, внешне может показаться невыразительной и даже примитивной – настолько мало в ней видимых изощренных технических действий. Движения бойцов кажутся абсо-

лютно простыми и прямыми, кроме тех, что не фиксируются глазом, а главное – похожими на крупную дрожь от холода. И только мастера могут поймать кинематику и динамику боя, выраженную вибрацией мышц и суставов, и понять всю драматургию схватки, в которой хорошо знакомые приемы самбо, дзюдо, карате, айкидо, русбоя лишь намечаются, но почти никогда не *проявляются*. До момента удара! Одного-единственного, точного, необходимого и достаточного для победы. Ибо вопреки мнению, сложившемуся у рядового зрителя американских кинобоевиков, реальный бой никогда не является актом искусства. И только единицы из сотен тысяч бойцов достигают таких вершин мастерства, которые вправе называться воинским искусством.

В поле внимания Тараса проник некий посторонний звук. Даже не звук – его тень или чья-то мысль. Елисей Юрьевич тоже уловил диссонанс в морфологической слитности «виртуальных» приемов-ответов и на мгновение отвлекся. Этого оказалось достаточно, чтобы Тарас вошел в его сферу поражения и нанес шокирующий укол «когтем дракона» – косяшкой согнутого указательного пальца, лишь в самое последнее мгновение ослабив удар.

Елисей Юрьевич отпрыгнул назад, сбивая стул, что считалось недопустимым во время тренинга, уронил руки, бледнея, затем зажал ладонью горло, поднимая вторую ладонь перед собой.

Тарас остановился, выдохнул:

– Прощу прощения, учитель...

Елисей Юрьевич покачал головой, помассировал горло, потом затылок. Краска вернулась на его щеки.

– Подожди, я сейчас.

Он вышел и вернулся буквально через несколько секунд.

– Держи.

Он подал Тарасу золотом просиявший значок: маленький меч с рукоятью в форме ключа.

– Что это? – тихо спросил тот.

– Это ключ доступа к информации первой ступени Круга. Ты прошел Посвящение.

Тарас удивленно посмотрел на Елисея Юрьевича:

– Когда?

– Только что. Вернее, Посвящение твое началось еще в Кадоме, а закончилось сегодня. Этот ключ передал мне Герард.

– Гептарх! Значит, это он наблюдал за нами?

– Ты это уловил?

– Еще когда мы не начали... но засомневался... а потом показалось, что кто-то хмыкнул...

Елисей Юрьевич улыбнулся:

– Сюръективное сравнение. Молодец, что почувствовал его присутствие. Мы не договаривались об экзаменах, и он извинился.

– Мог бы и сам передать этот ключ.

– Он очень торопился, хотя успел похвалить тебя и при-

звать к осторожности. С этих пор ты не имеешь права на крупные ошибки.

– А мелкие?

– В пределах допустимого. – Елисей Юрьевич посерьезнел. – Кто знает, когда мелкая ошибка переходит в крупную. Ошибающийся обычно этого заметить не успевает.

– Почему?

– Его настигает принцип расплаты за содеянное.

– Почему же тогда этот принцип не настигает бандитов и убийц?

– Они находятся вне Круга.

– Я учту, учитель. Но все же я не думал, что Посвящение будет таким...

– Каким?

– Простым, что ли, незаметным.

– Ты ошибаешься. Тебя просчитывали и оценивали по трем векториальным показателям: социальному, психофизиологическому и запредельному. *Деяние* в Кадоме только тестировало твои возможности.

Тарас снова помолчал, направляясь за Елисеем Юрьевичем на кухню, где они выпили по стакану облепихового морса.

– Что это за показатели, по которым меня оценивали?

– В социальный входит финансовое и социальное положение, независимость от государственных структур, а также образовательный ценз, выраженный в кругозоре и возможно-

стях оперативного использования полученной информации. С этим у тебя все в порядке. Ты закончил радиоинститут и курсы лингвистики, да и работаешь в таком учреждении, которое позволяет тебе решать многие личные проблемы. С психофизиологией у тебя тоже неплохо. Во всяком случае, ты способен удерживать физиологические параметры тела в заданных пределах и восстанавливать вектор здоровья. Ну а запредельные показатели ты демонстрировал не один раз: когда выходил в астрал и спускался по родовой памяти. – Елисей Юрьевич усмехнулся и добавил: – Ну, и когда сдержал энерговыплеск при последнем ударе.

Тарас порозовел:

– Простите...

– Я сам виноват. Но запомни еще одно нравоучение. Все твои планы и действия могут как совпадать с планами высших сил, Темных или Светлых, так и не совпадать. Если они совпадают и все у тебя получается легко и свободно, задумайся – *каким* силам это выгодно.

Тарас встретил взгляд Елисея Юрьевича, в котором отразились мудрость, печаль и понимание. Проговорил медленно:

– Я понял, учитель.

– Ну и ладушки. Давай поужинаем чем Бог послал?

Тарас с улыбкой кивнул.

Глава 8

Адекватный ответ

В последнее время Оксана Кличко начала полнеть, несмотря на занятия шейпингом. Естественно, это сказывалось на ее настроении и отражалось на отношении к Тарасу, относившемуся к ее занятиям скептически. До ссор дело не доходило, Тарас умел обходить острые углы конфликтных ситуаций, но и ему в конце концов начали надоедать вечные заботы подружки о своей фигуре.

Оксана была женщиной крупной, красивой, с благородной осанкой королевы, привыкла к приставаниям поклонников – она работала в баре элитного фитнес-клуба «Фит энд Фан» – и считала себя достойной восхищения мужчин. К Тарасу она относилась довольно сдержанно, что в принципе было правильно, так как именно такое отношение и поддерживало интерес Тараса к этой своенравной красавице, на фоне которой лучше бы смотрелся какой-нибудь крутой бизнесмен, а не сотрудник Комитета экологической безопасности. Однако бывали в их встречах моменты, когда ему казалось, что она его любит, и сомнения отступали, жизнь начинала казаться лучше, солнце сияло ярче, а непогода обещала скорые радостные перемены.

Познакомились они как раз в баре клуба, когда Тарас до прихода охраны легко усмирил подвыпившего клиента, при-

ставшего к симпатичной барменше. В клуб же Тараса заманил все тот же отечественный плейбой Марат Барамидзе, знавший все знаменитые тусовочные места столицы. С тех пор, а прошло уже почти два года с момента знакомства, Тарас и Оксана были вместе, с удовольствием проводили время на морях и в лесах, встречались у него дома или в клубе и даже иногда заговаривали о свадьбе. Естественно, после развода с законным супругом. Однако до развода-свадьбы их отношения так пока и не дошли.

В очередной раз выслушав сетования Оксаны на полноту, Тарас предложил ей сходить на тайский массаж.

Они пили чай на кухне его собственного дома в Щелкове после бурно проведенной ночи; Оксана была в его рубашке, сам же Тарас довольствовался плавками. Женщина с завистью разглядывала его развитое тело, увитое не слишком рельефными, но сильными мышцами. Однажды она застала его за разминкой и увидела «танец» мускулов и сухожилий, создающий завораживающие глаз ритмические волны ряби на теле. Этот «танец» был так необычен и красив, что она ахнула и попросила его научить ее этим движениям. Однако когда он сказал, что наука требует времени и самоотдачи и что он сам потратил на овладение телом чуть ли не двадцать лет, ее пыл угас. И тем не менее она ему завидовала.

– Тайский массаж? – презрительно оттопырила губку Оксана. – Но ведь это же что-то связанное с...

– Все так думают, – улыбнулся Тарас, выглядевший све-

жим и бодрым, несмотря на любовную энергопотерю. – На самом деле это система оздоровления, не имеющая ничего общего с сексуальными услугами. Я знаю такой салон, его хозяйка училась массажу в Таиланде несколько лет и вполне сможет тебе помочь.

– Ты с ней знаком? – ревниво изогнула бровь Оксана.

– Конечно, – кивнул Тарас. – Меня с ней познакомил мой племянник Марат.

– А, теннисист, уж он-то своего не упустит.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, однако тайский массаж – вещь стоящая. Будет время, я попробую его выучить.

– Хорошо, давай сходим к этой твоей знакомой тайландке.

Но смотри, если ты с ней...

– Успокойся, королева, – перебил он Оксану. – Во-первых, она не тайландка, хотя правильнее говорить – не тайка. Во-вторых, я с ней знаком шапочно. Она хозяйка салона, точнее – директор закрытой школы тайских искусств. Увидишь ее, сама все поймешь.

– Уговорил, завтра же пойдем на твой тайский массаж. – Оксана бросила взгляд на настенные часы. – Ой, я уже опаздываю! Собираюсь и убегаю.

Она чмокнула Тараса в щеку и унеслась в спальню одеваться. Через полчаса Тарас проводил ее до машины – зеленой «ауди» годичной давности – и поехал на работу на своей «старушке».

Комитет имел свой собственный офис в шестиэтажном

здании напротив Киевского вокзала, и обычно Тарас тратил на дорогу около часа, если не застревал в безнадежных пробках на Садовом кольце и в узеньких переулках центра города. На этот раз ему удалось приехать вовремя. Однако он тут же был вызван в приемную, и секретарша Самсонова Женя сообщила ему неприятную новость:

– Позвонили из пятьдесят второй больницы, – сказала она. – Вашего племянника Марата Барамидзе избили какие-то подонки. Он в реанимации.

– Когда это случилось? – сжал зубы Тарас.

– Вчера поздно вечером, когда он загонял машину в гараж. Их было трое, по свидетельству очевидцев, соседей Марата, но он их не разглядел.

– Их нашли? Кстати, кто вам позвонил?

– Из милиции. Но, по-моему, бандитов не нашли.

Тарас несколько мгновений размышлял, бросил взгляд на дверь в кабинет Самсонова:

– Юлиан Львович у себя?

– Будет к обеду.

– Тогда я отлучусь на пару часов, проведу Марата.

– Конечно, Тарас Витальевич, я уведомя шефа о причине.

Тарас зашел в свой кабинет, мельком просмотрел почту и не стал разбирать дела. Спустился во двор, вывел машину на набережную. Через сорок минут он был в отделении скорой помощи пятьдесят второй больницы, располагавшейся

на Пехотной улице, недалеко от метро «Щукинская».

В палату, где лежал Марат, его пустили беспрекословно, как только он показал свое удостоверение. Теннисист лежал один, с забинтованными руками поверх одеяла и забинтованной головой. Из-под бинтов были видны только глаза, уши и вспухшие губы. Он спал, но сразу открыл глаза, услышав шаги.

– Что смотришь? – шевельнул Марат разбитыми губами. – Красивый?

– Краше в гроб кладут, – проворчал Тарас. – Надеюсь, ничего серьезного?

Губы Марата сложились в кривую усмешку.

– Закончилась моя спортивная карьера, дядя Тарас. Они мне руку поломали, локоть раздробили... дубинкой какой-то... ну, и кое-что по мелочи: нос сломали, ребро, синяков наставили... Однако жить буду.

Тарас проглотил горький ком в горле.

– Узнал кого-нибудь?

– Одного, в белом костюме и в очках... шоферюгу, который на джипе мой «мерс» изувечил.

– Это точно был он?!

– Такого мордоворота забыть трудно.

– Следователю об этом сказал?

– Естественно. Только он странный какой-то, все принимался и спрашивал, что, где и с кем я пил перед дракой.

– А ты пил?

– Только пиво, мамой клянусь!

– Верю. Хотя действительно странно. Ведь не ты начал драку?

– Я вообще-то человек вспыльчивый, не одну ракетку на корте поломал, но драться не люблю.

– Зато попонтить любишь.

Марат виновато шмыгнул носом, поморщился:

– Так ведь все любят.

– Не все.

– Ну, таких мало. Я вообще только тебя такого знаю. Как ты думаешь, найдут этих сволочей?

– Поживем – увидим. Я вечерком заскочу, фруктов подвезу. Мама знает, что ты здесь?

– Я просил врача ей не звонить, и ты пока не говори ничего. Синяки с лица сойдут, тогда и сообщу.

– Они ждали тебя специально, или все получилось случайно?

– Конечно, специально. Я уже машину в бокс загнал, когда один подошел и закурить попросил. Волосатый такой, здоровый. Я ответил: не курю, повернулся, и тогда он врезал мне по затылку дубинкой. Потом появились еще двое, в том числе водила, стали бить ногами...

– Ты защищался, и они сломали тебе руку?

На глаза Марата навернулись слезы.

– Если бы... Они ломали по одному пальцу специально, приговаривая: это тебе урок, падла, надолго запомнишь...

Тарас потемнел, с трудом сдержал ругательство.

В комнату заглянула дежурная медсестра, бросила взгляд на медистат, по экранчику которого бежала зеленая зубчатая линия пульса, решительно указала на дверь:

– Прошу вас выйти, молодой человек, больному нельзя волноваться.

Тарас встал, пожал плечо больного, передавая ему энергоимпульс успокоения:

– Все будет нормально, поправишься и снова выйдешь на корт. Я забегу вечером, жди.

В коридоре он подождал медсестру, пошел рядом, тихо спросил:

– Вы его почините? Он сможет играть?

– Не знаю, – смутилась миловидная женщина. – Кости срастутся, а дальше все будет зависеть от пациента. Хотя полностью восстановить подвижность сухожилий и локтевого сустава, наверное, не удастся.

– Сделайте все возможное, он классный спортсмен.

– Мы знаем, – улыбнулась медсестра. – Уже звонили из Федерации тенниса. Да и мы иногда смотрим телевизор, видели его на соревнованиях.

Тарас кивнул, направляясь к выходу.

В двенадцать часов дня он снова вошел в свой кабинет, доложил секретарше о прибытии и включил компьютер. Через час он получил от коллег из МВД все данные о «бизнесмене» Шейникисе и его команде и принялся действовать.

Первым делом позвонил в УВД Центрального округа Москвы, представился и спросил, как идет расследование по делу разбойного нападения на известного теннисиста Марата Барамидзе. В ответ его вежливо отослали к следователю, который отыскался нескоро и заявил, что это дело бесперспективное и вряд ли закончится результативно.

– Но ведь пострадавший дал точный портрет одного из нападавших, – сухо сказал Тарас. – Этот парень является водителем владельца бензоколонок Шейникиса.

– Во-первых, это еще надо доказать, – неприветливо сказал следователь. – Во-вторых, откуда вы это взяли, что в нападении участвовал водитель Эдуар... э-э, господина Шейникиса? В-третьих, ваш приятель сам был пьян и начал первым.

– А вы откуда знаете, что он начал первым? – еще суше сказал Тарас. – Это вам сообщил водитель Шейникиса? Или свидетели?

– У вас все? – буркнул следователь.

– Почти. Теперь выслушайте то, что я скажу, перед тем как побежите докладывать боссу о закрытии дела. Во-первых, Марат Барамидзе не пьет ничего, кроме пива и шампанского, и в момент нападения пьян не был. И я это докажу. Во-вторых, лучше откажитесь от расследования вообще, так как вы повязаны с Шейникисом. Если потребуется, я и это докажу. И в-третьих, если не найдете бандитов, сядете вместе с ними. Обещаю.

– Вы мне угрожаете? – фальшиво удивился следователь.

Тарас почему-то представлял его толстым и потеющим, с бабьим лицом, толстощеким и небритым.

– Дурак! – сказал Тарас, кладя трубку.

Он уже понял, что дело о нападении далеко не пойдет. Следователь наверняка знал, с кем придется связываться, и рисковать карьерой и жизнью не хотел. Надо было действовать самостоятельно. Да и оставлять без внимания такой наглый вызов не хотелось.

С минуту Тарас размышлял, не посоветоваться ли с учителем, но передумал. Он и сам был в состоянии разобраться со столь пустяковой проблемой, как адекватное воздаяние бандиту, чувствующему себя абсолютно безнаказанным. Хотя, с другой стороны, стоило задуматься, почему лакеи Шейникиса ведут себя так беспардонно.

Следующий звонок был в контору самого Шейникиса.

Секретарша бензинового короля уточнила, кто звонит (Тарас назвал только организацию), и переключила канал. В трубке зазвучал жирный, сытый, брюзгливый голос Шейникиса:

– Да, на проводе. Кто говорит?

– Имеющий право, – веско произнес Тарас. – Эдуард Артурович, вы в курсе, что ваш водитель избил известного спортсмена, чемпиона мира по теннису?

Короткое молчание.

– Кто говорит?! – Голос владельца бензозаправок изме-

нился, стал отрывистым, глухим и угрожающим.

– Это не важно. Вы *знаете*, а может быть, и специально подослали команду. Когда я это выясню, ответите по полной программе. Ферштеен зи?

– Послушай, ты, насекомое, – проговорил Шейникис. – Ты, наверное, плохо информирован и не знаешь, *кому* звонишь. Я из тебя душу вытрясу!

– Вот теперь я понял, кому звоню, – перебил Эдуарда Артуровича Тарас. – Обыкновенному тупому гангстеру, считающему себя пупом земли. Так вот, если ты, торгош, не сдашь органам своего не менее тупого бандита, пеняй на себя!

Тарас щелкнул языком особым образом, приблизив губы к мембране, и положил трубку телефона. Он знал, что в этот момент Шейникис с криком хватается за ухо, получив приличный болевой «звукопакет». Но, с другой стороны, от беседы с бензиновым королем остался неприятный осадок, будто Тарас сделал нечто предосудительное. Возможно, он чего-то действительно не учел, играя в открытую, и надо было действовать тоньше.

Вечером Тарас снова поехал в больницу, навестил Марата, пребывающего в неестественно бодром настроении, и даже подумал, что теннисист просто недооценивает свое состояние. Однако, перехватив взгляд племянника, брошенный на медсестру, он понял, что парень нашел наконец девушку, которая его обаяла. Впрочем, она и вправду была стройна и симпатична, а строгость медсестры вполне объяснялась дву-

мя обстоятельствами: Марат нуждался в серьезном лечении, а главное, понравился.

Побеседовав с теннисистом о том о сем, подбодрив его и развеселив анекдотом о трех суперковбоях, Тарас поехал домой, полный решимости довести дело о возмездии до конца.

Оксана позвонила в восемь вечера, предупредила, что не приедет, так как на неделю уезжает с мужем к родителям в Тамбов. Тарас расстроился, но ненадолго, в отсутствие Оксаны ему ничто не мешало заняться «шестерками» господина Шейникиса вплотную.

А в девять часов вечера раздался еще один звонок.

Тарас снял трубку телефона.

– Слушай сюда, пидор, – раздался в трубке глухой бас. – Хочешь жить, брось это дело! Понял?

– Какое дело? – вежливо осведомился Тарас, *прослеживая* линию связи психоэнергетически.

– Не придуривайся, ты знаешь, о чем я гутарю. Твой приятель получил по заслугам, понял? Будешь копать это дело, схлопочешь то же самое. Понял?

Слово «понял» собеседник произносил с ударением на последнем слоге.

– Спасибо за объяснение, – кротко ответил Тарас, находя выход линии в одном из узлов волновой энергоинформационной ряби телефонных переговоров города. – Не подскажите, с кем я имею честь беседовать?

– Я сказал – ты слышал, Геракл засушенный. – Владелец

прокуренного баса кашлянул. – Все равно ничего не докажешь. Понял? Никто не видел, как метелили твоего дружка.

– Свидетели видели.

– Они уже отказались от показаний. – Бас хрюкнул. – Жить хотят. Так что думай, голова, картуз куплю.

В трубке запульсировали гудочки отбоя.

Тарас улыбнулся, оценив последнюю фразу абонента. Мужик попался с юмором, хотя уровень этого юмора был средни растопыренным пальцам «крутых» криминальных мальчиков.

– Тебя ожидает большой сюрприз, шутник, – вслух проговорил Тарас. – Спасибо за звонок. Жди гостей.

Он переоделся в черный свободный комбинезон, не стесняющий движений, захватил с собой «чеченку» – черную вязаную шапочку на всю голову с прорезями для глаз и рта, сложил в сумку набор диверсанта Н-1: сюррикэны, колючие «каштаны», метательные иглы, перчатки с липучками и якорек с мотком бечевки. Не хватало светозвуковых гранат, но он собирался действовать быстро и без шума, поэтому гранаты в предстоящем походе были лишними.

В начале двенадцатого Тарас вывел машину из сарая и поехал в Нагатино. Владелец баса жил там, на перекрестке Судостроительной и Затонной улиц. Точнее определить координаты позвонившего не удалось, но Тарас был уверен, что сможет найти его через Ведогона, «ангела-хранителя», духа, сопровождавшего род Горшиных.

Час пик в городе давно прошел, и доехал он довольно быстро, несмотря на две остановки у постов ГИБДД. Подавая документы, Тарас мягко *нажимал* на психику патрульных воркующей речью пополам с приятной улыбкой, и ему простили и высокую скорость, и езду на красный свет.

На перекрестке искомых улиц Тарас остановил машину и некоторое время рассматривал шеренги старых девятиэтажек. Точного адреса биоэнергетический «локатор» дать не мог, поэтому опираться на него не стоило. Теперь предстояло определить расположение квартиры или кафе, откуда ему мог позвонить неизвестный «доброжелатель», другим способом.

Устроившись поудобней на сиденье, Тарас закрыл глаза и сосредоточился на солнечном сплетении, вызывая ощущение тепла и тока энергии от сплетения к рукам, что, в свою очередь, вызвало приятное ощущение *взлета*.

Внутреннее сосредоточение не заняло много времени, из медитативного упражнения оно постепенно становилось необходимой частью жизни. Пришло удивительное состояние «небытия»: тело исчезло, словно растворилось в воздухе, а сознание обрело свободу и превратилось в невесомое, расширяющееся бесплотное облако, поднявшееся над телом. Стремительно сменяя друг друга, пронеслись через голову «снизу вверх» необычные всплески ощущений-осознаний: грубой материальности тела, иллюзорности бытия как процесса информационного обмена, собственной мало-

сти в пространстве и времени, осознание важности *духовного* по сравнению с материальным и, наконец, осознание жуткой бездны У Цзи – Великой Пустоты, господствующей во Вселенной.

Тарас Витальевич Горшин, ученик *видящего* суть вещей, получивший Посвящение седьмого уровня плана Человеческого Духа и ставший ведическим воином Внутреннего Круга, наделенный *силой* и поэтому уже отделившийся от человеческой массы, хотя и не завершивший процесс Вхождения, вышел в информационное поле Земли, имеющее разные названия, хотя чаще всего это поле исследователи называли Хрониками Акаши и менталом.

Еще через мгновение сознание Тараса «высунуло голову» из Пустоты и проникло в тайдокай, «Чрево-Хранилище» Вселенной, в котором пульсировали бесчисленные сонмища информационных «файлов», имеющих каждый свою «геометрию», «скорость», «цвет» и «вес». Эти «файлы» иногда назывались духами Природы.

Голову Тараса (голое сознание) пронзили миллионы лучей невидимого света, и если бы не практика дзюнан-тайсо – постоянное и жестокое поддержание психической и физической формы, – он не выдержал бы взрыва пси-резонанса, ощущаемого как вопль многих тысяч бестелесных голосов. Вылетев из тела, он поднялся над кварталом города на две сотни метров и включил «автоответчик свой-чужой». Спустя мгновение его услышали.

– Мы здесь, – протек в уши свистящий шепоток.

«Мне необходимо вычислить точные координаты абонента, ментальный образ которого я запомнил».

– Рассредоточь внимание, стань пространством...

Тарас послушался, переставая осознавать себя существом из плоти и крови.

Сквозь протаявшую пелену призрачных всполохов света и пульсаций цветной световой паутины проявились темные кляксы, имеющие вид живых малоподвижных амёб. Две «амёбы» казались знакомыми, и, приглядевшись к ним, Тарас ощутил их угрюмое, недоброе *наполнение*. Это были ореолы биополей тех людей, кого он искал: обладателя прокуренного баса и водителя Шейникиса, принимавшего участие в нападении на Марата.

«На ловца и зверь... – подумал Тарас, сдерживая желание схватить «амёбы» руками и задушить. – Очень хорошо, что вы вместе. Спасибо, друзья!»

– Рады помочь... – прошелестел тоненький шепоток, исчезая.

Определить точные координаты «амёб» теперь не составило труда, и с тихим плеском сознание Тараса нырнуло в тело, возвращая его к жизни. Он посидел немного, окончательно приходя в себя, затем раскрыл сумку, рассовал по спецкармашкам костюма набор Н-1 и тенью выскользнул из машины.

Квартира, в которой находились объекты поиска, распола-

галась на третьем этаже старой пятиэтажки, подъезды которой не имели домофонов. Никем не замеченный, Тарас поднялся и сразу услышал громкие голоса, смех и музыку, доносившиеся из-за одной из четырех дверей, выходящих на лестничную площадку. Можно было не сомневаться, что искомые объекты поиска находятся здесь.

Тарас заклеил дверной глазок жвачкой, натянул «чеченку» и позвонил.

Шум в квартире не стихал. Однако через минуту за дверью что-то упало, раздался мат, к дверному глазку приоткрылся кто-то глаз. Затем раздалось ворчание, и дверь приоткрылась. Тарас рванул дверь на себя, внес человека, открывшего дверь, обратно в прихожую и придавил к стене, зажав рот:

– Тихо!

Мужчина в майке, небритый, потный и пьяный, испуганно пискнул. От него прянула волна таких запахов, что Тараса едва не стошнило. Он аккуратно нашел пальцем шоковую точку на шее хозяина и опустил его, потерявшего сознание, на захламленный какими-то коробками, газетами и вещами пол прихожей. Закрыв входную дверь. Прислушался к нестихающему шуму в глубине квартиры.

– Кто там, Чалый? – выглянул из кухни еще один мужчина, голый по пояс, лохматый, изрисованный татуировкой, с бутылкой водки в руке. Едва ли он успел сообразить, что произошло, получив тин-кэн – удар пятью пальцами в область яремной ямки.

Подхватив бутылку, Тарас опустил его на пол, заглянул на кухню и точным щелчком-уколом в кадык усыпил грузного толстяка, сидевшего за столом и уминавшего шашлык. Затем тенью переместился к двери в гостиную и возник на пороге, разглядывая гулявшую компанию.

За столом в гостиной сидели трое парней и две девушки, завернутые в простыни, с влажными волосами; видимо, они только что вышли из ванной. Еще один мужчина, приземистый, крупногабаритный, могучий, грудь колесом, волосатый, стоя в углу у телевизора, что-то толковывал водителю Шейникиса, и здесь не снявшему черные очки и белый пиджак.

Первыми Тараса (его черную тень) заметили девицы. Одна завизжала, вторая вскочила в испуге, показывая на него пальцем. Оглянулись и мужчины, не понимая, в чем дело. Самым трезвым и проворным среди них оказался волосатый богатырь, разговаривающий с парнем в очках. Он оттолкнул собеседника и выхватил из-под ремня за спиной пистолет. Однако выстрелить не успел. Тарас метнул в него иглу, которая попала в кисть руки, держащей пистолет, и с басовитым вскриком богатырь выронил оружие.

Водитель Шейникиса опомнился, тоже сунул руку за пазуху, и Тарасу пришлось бросать еще две метательные пластины. Одна попала в локоть парня, вторая в левое стекло очков. С криком водитель отшатнулся, схватился за лицо.

В гостиной стало тихо.

– Всем лечь на пол! – отчетливо проговорил Тарас, добавляя ментально-волевой *посыл*. – Лицом вниз! Вам тоже! – он указал на девиц в простынях.

Парни за столом проворно легли на пол, трезвея. На ногах остались пригнувшийся богатырь с волосатой грудью и поскуливающий от боли водитель Шейникиса. Звездочка сюрикэна разбила ему очки и, очевидно, поранила глаз.

– Ты кто? – густым протодьяконовским басом осведомился волосатый.

– Ангел возмездия, – усмехнулся Тарас. – Тот самый пидор, которому ты звонил. Ваша кодла избил моего друга, а так как следствие не торопится с поиском бандитов, я решил ускорить этот процесс. Вопрос первый: вы действовали самостоятельно или по приказу босса?

Волосатый выдернул из руки иглу, бросил на пол, глянул на Тараса исподлобья.

– Как ты нас нашел?

– По запаху. Спасибо за звонок, иначе я не скоро определил бы это гульбище. Итак?

– Пацан, ты сам себе роешь могилу. Знаешь, на кого ты наехал?

– На подонков, на кого же еще. Я задал вопрос! – Последние слова Тарас выговорил *резонансно*, так, что звук физической волной хлестнул по лицу обладателя баса. Тот отшатнулся, в глазах мелькнули озабоченность и растерянность.

– А если мы действовали самостоятельно, то что?

– В соответствии с этим и наказание будет назначено.

– Ты или кретин, или... – Волосатый не договорил.

Тарас перешел в *темп*, прыгнул через всю гостиную и нанес удар ногой в челюсть богатыря. Тот с гулом ударился спиной в стену комнаты, разнес этажерку с книгами и кулем осел на пол.

Тарас повернулся к водителю Шейникиса:

– Теперь твоя очередь. Ты ломал пальцы моему другу?

– Пошел ты!

Прыжок, два удара: один – ребром ладони по кисти руки, так называемый китэнкэн, или «серп», сломавший кисть, как соломинку, и второй – торцом ладони в подбородок. Водитель Шейникиса отлетел к телевизору, сбил его головой и без звука рухнул в угол.

– Bravo, ученичок! – раздался сзади чей-то пренебрежительно-насмешливый голос. Кто-то трижды хлопнул в ладоши.

Тарас обернулся.

Из коридора в гостиную вышел невысокого роста, но широкоплечий, с шеей атлета, молодой человек в черной футболке с черепом и костями и спортивных черных штанах с бело-сине-красным кантом. От него пахло угрозой и волной *силы*, качнувшей внутренние защитные барьеры Тараса.

– Не узнаешь?

– Дмитрий, – глухо проговорил Тарас.

Парень улыбнулся, и от этой улыбки у Тараса свело скулы.

– Значит, узнал. Это радует. А где учитель?

– Его здесь нет.

– Понятно. Значит, ангелом мщения ты стал самостоятельно, не поставив его в известность. И это радует. В свое время я тоже ценил личную свободу и не терпел диктата. Может быть, пойдешь дальше? Зачем тебе нужен этот нудный старик? Ведь ты взял у него все, что он мог дать. Выходи на индивидуальный уровень, как я, и присоединяйся. В нашей системе ты будешь иметь все.

– В этой системе? – Тарас кивнул на лежащих на полу парней.

– Ну что ты, это не мой уровень, – усмехнулся бывший ученик Елисея Юрьевича, – да и не твой. Я работаю в Управлении «Т» Федеральной службы безопасности, знаешь, что это такое?

– Служба антитеррора.

– Совершенно верно. Хочешь, замолвлю за тебя словечко своему шефу?

– Мне вполне хватает того, чем я занимаюсь на работе.

– Смотри, больше предлагать не буду. Хотя лучше бы ты согласился сейчас. Надо ведь это как-то обосновать. – Дмитрий небрежно кивнул на зашевелившегося волосатого амбала.

– Это наказание.

– Они получили приказ.

– Я найду и того, кто этот приказ отдавал.

Бывший ученик Елисея Юрьевича засмеялся.

– Тебе до него не добраться, парень. Шейникис – один из отцов-основателей «Купола». Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Мне плевать, чей он отец. Он будет наказан!

Улыбка сбежала с губ Дмитрия. Он оценивающе оглядел расслабленную с виду фигуру Тараса в черном наряде «ниндзя», покачал головой.

– Похоже, ты еще не научился оценивать противника. Может быть, хочешь размяться, *пройти* меня?

– Если потребуется, – бесстрастно сказал Тарас, переводя организм в сингл-состояние³ и настраиваясь на вибрационный уровень ответа.

– Ну-ну. – Дмитрий подобрался, качнув пространство гостиной мощной волной пси-энергетики. – Похоже, после Посвящения у тебя голова пошла кругом и ты решил, что можешь все. Ошибаешься, приятель. Даже если ты меня догонишь, тебе до меня далеко.

И он вдруг оказался буквально в полуметре от Тараса, на расстоянии гарантированного удара, близком к сфере поражения. Единственное, что успел сделать Тарас, это мгновенно выровнять внутричерепное давление в месте удара в голову, чтобы ослабить удар. И все же удар оказался достаточно сильным. Он потряс не только физический каркас Тараса, но и энергетическую оболочку, сбросив сознание в сферу пси-

³ Сингл – система инстинктов и рефлекторных реакций, выведенная в сознание.

хосоматики. Спасло его только сингл-состояние, превращавшее бойца в «робота» и позволявшее телу продолжать бой даже в беспамятстве, «на автопилоте», на уровне рефлекторных триггерных переходов, да вибрационная синхронизация этих переходов, поддерживающая высокоскоростные кондиции.

В течение двух десятых долей секунды Тарас успел нанести по трем векторам атаки два десятка ответных ударов, создавая веер защиты, и заставил противника прервать атаку.

Дмитрий отступил, с некоторым замешательством разглядывая поединщика, не только оставшегося на ногах, но и ответившего *темповой* контратакой.

– А ты хорош, ученичок, далеко пойдешь... если не остановят. А как тебе вот такой трюк?

Он качнулся вправо-влево, как бы гипнотизируя Тараса, неуловимо быстро переместился за его спину, «размазываясь» от скорости, и нанес несколько ударов с обеих рук в затылок и в висок противника. При этом он выкрикнул короткое и страшное слово «мор!», громом отразившееся в ушах Тараса и погрузившее его в полубессознательное состояние. Тем не менее от удара в висок он уклонился, отвел молнию боли от удара в затылок, в черепные кости, и снова ответил вибрационным «веером» по трем векторам атаки, отбивая «мечи» и «копья» рук Дмитрия и заставляя его работать в защитном варианте.

Внезапно что-то изменилось.

Ураган атак Дмитрия – в полной тишине, если не считать дыхания находившихся в гостиной людей, причем не была задета ни одна деталь интерьера, – стих.

Тарас отпрыгнул к концу комнаты, не ощущая ментальных просверков намерений, предшествующих физическим атакам, и не сразу понял, что в гостиной появилось еще одно действующее лицо.

– Здравствуйте, – насмешливо поклонился Дмитрий; у него припухла верхняя губа, один из ударов Тараса достиг цели. – Каким ветром вас сюда занесло, учитель?

– Стреляли, – ответил Елисей Юрьевич с интонацией одного из героев фильма «Белое солнце пустыни».

– Мне надо было догадаться, что ученик всегда действует с разрешения учителя.

– К сожалению, не всегда. – Елисей Юрьевич повернул голову к пришедшему в себя Тарасу. – Пошли отсюда.

– Одну минуту, джентльмены, – остановил их Дмитрий небрежным жестом. – А кто сказал, что я вас отпускаю?

Елисей Юрьевич и Тарас одновременно посмотрели на него. По губам учителя скользнула грустная улыбка.

– Нам не требуется твое разрешение, Дима, – сказал он тихо. – Иди своей дорогой, мы пойдем своей.

– Ах ты, гаденыш! – взревел вдруг волосатый здоровяк, вскакывая и бросаясь на Тараса.

Затем раздался утробный выдох, богатырь сунулся носом в стол, сбивая на пол тарелки, чашки, бутылки, и затих.

Дмитрий оценивающе посмотрел на Тараса, удар которого был практически незаметен, ухмыльнулся.

– Демонстрация для слабонервных. Ваша «универсалка» еще не «наваждение», и тебе до меня далеко.

В то же мгновение Тарас перелетел через стул, оказался в метре от Дмитрия, сделал три мгновенных выпада, парированные противником блоком-уходом, но справа уже вырос Елисей Юрьевич, подставил голову, и, когда Дмитрий автоматически ударил, купившись на прием, Елисей Юрьевич ответил невероятно быстрым и точным спиралевидным движением, уходя с острия атаки, и ударом кулака в висок противника.

Дмитрий кубарем отлетел в глубь прихожей, группируясь на лету и вставая на ноги с защитным веером рук, несколько мгновений обалдело смотрел на бывшего учителя остановившимся взглядом. Тряхнул головой и исчез. Из коридора донесся его удаляющийся голос:

– Мы еще встретимся, господа. Тренируйтесь...

Елисей Юрьевич шагнул к выходу:

– Уходим.

Тарас оглянулся на зашевелившихся хозяев, на водителя Шейникиса, скорчившегося в углу гостиной.

– Марата избивали трое...

– Уходим, я сказал! Сейчас здесь будет спецназ «Купола», а я воевать не намерен.

Тарас повиновался.

Один за другим они почти невидимыми призраками выскользнули из дома, пересекли двор, улицу и нырнули в кабину машины Горшина.

– Поехали, – сухо сказал Елисей Юрьевич.

– Извините, – виновато пробормотал Тарас. – Я не знал... о «Куполе»...

– Шейникис действительно является одним из директоров «Купола». Его кличка – Барон.

Тарас невольно усмехнулся.

– Меня прозвали Графом за то, что я играл в детстве в игры мушкетеров, а его за что прозвали Бароном?

– Не знаю.

– Дмитрий тоже работает на «Купол»?

– Он связной координатора «Купола» господина Ельшина, заместителя начальника Управления «Т» ФСБ.

– Почему вы мне об этом раньше не говорили?

– Не думал, что ты избереешь путь потерь.

– Какой путь? – не понял Тарас.

– Посвящение в Круг не дает тебе права действовать так, как действуешь ты, – прямо, грубо и без расчета последствий. Законы метаболя, а тем более законы Круга, запрещают его адептам мстить.

Тарас упрямо сжал губы, глухо проговорил:

– Это не месть, это восстановление справедливости...

Елисей Юрьевич вздохнул, глядя на ученика с сожалением, и промолчал.

Мимо с воем промчались два фордовских микроавтобуса, свернули во двор дома, где гуляли подручные Шейникиса. Это был опоздавший бандитский «спецназ».

Глава 9 «Купол»

Эта организация возникла на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий путем сращивания организованного криминала и коррумпированной части чиновников госаппарата. Ее власть постепенно росла, количество людей, занятых в сфере теневой экономики, увеличивалось, а влияние на государственные структуры достигло такого уровня, что «Купол» вполне мог оперировать финансовыми потоками, ресурсами, сырьем, исполнителями, судьбами коллективов и организаций в масштабах таких мощных структур, как естественные отечественные монополии – Российская энергетическая компания и Газпром, вместе взятые.

В оперативное руководство «Купола» входили люди разных политических взглядов и разных мировоззрений, в том числе офицеры высшей военной элиты, успешно торгующие оружием за спиной государства, и даже сотрудники таких ведомств, как МВД и ФСБ. Именно благодаря их деятельности «Куполу» удавалось сохранять и приумножать свои ряды и работать без особого напряжения: ни Министерство внутренних дел, ни Федеральная служба разведки не владели полной информацией о планах и структуре «Купола» и уже по этим причинам не могли работать против него с достаточной эффективностью.

Главных руководителей «Купола» было шестеро: один президент и пять директоров. Изредка директора тихо менялись, но эта ротация никак не отражалась на деятельности организации, разве что увеличивала ее доходы. Директора называли друг друга только по имени-отчеству, их же знали все только по кличкам: Летчик, Банкир, Мэр, Шериф и Барон. Президентом «Купола» был человек без клички и без лица. То есть все знали, что он существует, и даже называли его по имени-отчеству – Георгий Георгиевич, когда он выходил на связь с директорами, однако никто и никогда его не видел. На совещаниях от его имени всегда выступал молодой, красивый, ощутимо опасный Генрих Герхардович Ельшин, полковник ФСБ, заместитель начальника Управления антитеррора, который имел право решающего голоса и играл роль начальника охраны босса «Купола».

Клички директоров обычно отражали род их официальной службы.

Летчик был заместителем Главкома военно-воздушных сил страны, работал в Генштабе Министерства обороны и курировал работу военно-промышленного комплекса.

Банкир отвечал за финансово-кредитную политику Центробанка, а главное – был «хавмачманитором „Купола“», объединяя и координируя работу сети его банков.

Мэр, естественно, работал в мэрии столицы и одновременно координировал работу всех криминальных сфер Москвы с родственными системами в других городах Рос-

сии, а также в СНГ и за рубежом. Его клан контролировал всю розничную торговлю в столице, кроме разве что торговли наркотиками, которая управлялась «юго-западной» группировкой чечено-узбекской мафии.

Шериф недавно сменил на этом «посту» бывшего директора, прокурора Центрального округа столицы, хотя и сам был из этих же кругов – одним из замов Генерального прокурора России. Смена же была вызвана скандалом, разгоревшимся после того, как широкой общественности стала доступна пленка с записью досуга прокурора в компании жриц любви.

Бароном «Купола» стал самый крупный акционер «Чукотнефти», в свое время едва не загремевший под суд за махинации со скупкой недвижимости на Чукотке в бытность свою ее губернатором. Ныне он был больше известен как владелец третьей части бензозаправочных станций Москвы и Подмосковья.

Обычно лидеры «Купола» собирались на совещания в мэрии столицы или на нейтральной территории московского катрана, совмещавшего игорный дом и сауну, где можно было встретить как любого чиновника, так и любого главаря бандитских фирм, по возможности не рискующего появляться в общественных местах. Но в катране царили негласные законы перемирия, и правоохранительные органы эту территорию не трогали, ограничиваясь засылкой агентов.

Однако на сей раз отцы «Купола» собрались по прось-

бе президента на его даче в Кунцево. Точнее – на одной из дач. По слухам, Георгий Георгиевич имел около двух десятков коттеджей в Подмосковье и на Черноморском побережье. Сам он, естественно, на встрече не присутствовал. Вел совещание Генрих Ельшин, прибывший с личным телохранителем, которого звали Дмитрий. Это было все, что знали о нем боссы «Купола».

Расположились в большой столовой дачи, за общим столом, на котором, кроме минеральной воды в бутылках и стаканов, ничего не было.

– Итак, господа бизнесмены, приступим, – начал совещание Ельшин, обводя глазами лица присутствующих, разные в силу биологических отличий, но похожие печатью едва заметного пренебрежения ко всему на свете, в том числе – к своим коллегам. – Георгий Георгиевич приветствует вас и слышит, но хочу сразу предупредить: он недоволен вашим отношением к его советам. Наверное, вы забыли, что советы президента по сути – приказы.

– Мне это не нравится, – брюзгливо заметил Барон. Ельшин посмотрел на него прицеливающимся взглядом:

– Что именно вам не нравится, Эдуард Артурович?

– Во-первых, мне не нравится, что на совещаниях не бывает Георгия Георгиевича.

Директора переглянулись.

– Я не привык подчиняться человеку, которого не знаю и даже ни разу не видел, – продолжал Шейникис. – Во-вторых,

мне не нравится, что от имени президента говорите вы.

Ельшин усмехнулся:

– Хотите услышать мнение Георгия Георгиевича по этому поводу? Могу предоставить вам такую возможность.

Что-то щелкнуло, и в столовой из невидимых динамиков зазвучал хриплый астматический голос:

– Ты плохо себя ведешь, Эдик. Я не хотел начинать с анализа твоей деятельности, но уж коль ты затронул тему властных полномочий, поговорим и об этом. Я не присутствую на совещаниях по одной причине: прикован к инвалидной коляске. Хотя знаю о вас все и прекрасно слышу, о чем вы говорите. Даже дома с женами. – Послышался смешок. – Теперь о тебе. К сожалению, мы поспешили ввести тебя в состав директоров. Слишком много ты делаешь ошибок и... – Голос умолк.

Шейникис-Барон взмок.

– ...и ведешь себя как чванливый болван, – закончил Георгий Георгиевич безжалостно. – Ты еще не Господь Бог и даже не его наместник, чтобы диктовать всем свои законы. «Купол» такое поведение не приветствует. Смотри, как бы не пришлось отключать... электроэнергию. – Еще один хриплый смешок.

– Я не понимаю... – пробормотал Барон, вытирая платком вспотевший лоб.

– Генрих, объясни ему.

Ельшин наклонился вперед, приятно улыбаясь.

– У вас плохо обстоят дела с кадрами, Эдуард Артурович. Вы окружили себя безмозглыми качками, не умеющими ни думать, ни защитить вас, ни даже постоять за себя. Какого дьявола вам понадобилось посылать своего дуболома Колянню для избияения теннисиста? Ведь виноват в инциденте у ресторана не теннисист, а ваш водила.

Шейникис скривил губы:

– Моим парням пришлось заплатить...

– Так ведь они сами на это напросились. И побил их – кстати, совершенно справедливо – не теннисист, а его дружок. Почему же вы послали своих «шестерок» не к нему?

– Дойдет очередь и до него.

– Скорее он первым до вас дойдет и, насколько я вник в ситуацию, укоротит.

Глаза Барона зловеще сверкнули:

– К черту ваши советы! Я никому не позволю...

В то же мгновение рядом с ним возник телохранитель Ельшина Дмитрий и сжал шею Барона особым образом. Прошипел:

– Повежливей, приятель! Ты не бессмертен! Или ты делаешь, что тебе говорят, или твоим бизнесом займется другой человек. Усек? На охрану больших надежд не питай, тебя она не защитит.

– От... хрр... пус... хрр... ти...

– Отпусти его, Дима, – качнул пальцем Ельшин. – Эдуард Артурович все понял. А если не понял, ему действительно

лучше заняться другим делом. Мы-то здесь в безопасности, а вот за стенами дачи – каждый за себя. Последуйте моему совету, господин Барон, смените телохранов. Они у вас годятся разве что для рыночного рэкета.

Дмитрий отпустил побагровевшего Шейникиса, и тот, бросив на него ненавидящий взгляд, стал массировать горло.

– Я ничего не понимаю, – сказал Мэр жирным голосом. – Что, собственно, происходит?

– Парни Барона захотели показать свою крутость, и их обломали.

– Кто?

– Вы этих людей не знаете. Один из них работает в Комитете экологической безопасности, занимается единоборствами. Он нашел этих болванов и отделал по полной программе.

– В одиночку?

– Один. Правда, потом к нему присоединился его учитель, Елисей Смирнов, а это уже серьезный противник. К тому же он работает в аналитическом отделе службы.

– Службы безопасности? Значит, вы коллеги?

– В некотором роде, – усмехнулся Ельшин. – Коль уж об этом зашел разговор, давайте начнем с него. Он очень сильно мешает нам, президенту и всему нашему делу, так как дает правильные советы директору ФСБ. С ним пора кончать. А для этого понадобится ваша помощь.

– Поскольку мы не в курсе, рассказывайте все, – потребовал Летчик. – Нет такого деятеля на свете, которого нельзя

купить или, в крайнем случае, ликвидировать.

– Во-первых, он человек Круга. Не улыбайтесь, Эдуард Артурович, Внутренний Круг и Союз Неизвестных так же реальны, как и наш «Купол», только они не вмешиваются в житейские разборки, а если вмешиваются, то незаметно. Во-вторых, нам стало известно, что Смирнову предложено возглавить некую организацию, которая будет бороться с криминалом вне госструктур.

– Тайная полиция, что ли? – скептически поднял брови Банкир.

– Нечто в этом роде. Организаторы из числа бывших работников КГБ и силовых структур собираются назвать свое детище «Стопкримом» или «Чистилищем», а воевать они собираются не с кем-нибудь, а с нами, господа. Теперь понятно, почему нам нельзя выпячиваться, демонстрировать свое презрение к закону, как это делает уважаемый Эдуард Артурович? Теневая экономика потому и называется теневой, что не нуждается в рекламе.

Все посмотрели на Барона. Тот заерзал.

– Надо предупреждать...

– Надо вести себя тихо и скромно, господин Барон, по средствам, так сказать. – Ельшин рассмеялся. – Это залог успеха и движения к цели.

– Я могу ликвидировать этого вашего Смирнова в два счета.

– Это надо сделать хитро и умно, что едва ли вам по си-

лам. – Ельшин посмотрел на Летчика. – Михаил Владимирович, нам стало известно, что мать и жена Смирнова в данный момент находятся в Чечне. Не можете связаться с командой наших приятелей, отстреливающей русских в Грозном?

– У меня есть канал связи с арабами, через них я выйду на Гелаева.

– Отлично. Пусть ликвидирует жену Смирнова. Нам надо выманить его из Москвы, где у него много помощников и связей, в Грозный, где мы и подготовим ему встречу. О деталях плана поговорим позже. Теперь другие проблемы.

– Вы говорили, что у нас есть некий могущественный союзник, – проворчал Мэр. – Почему бы не привлечь его для ликвидации Смирнова и вообще всего Круга?

Ельшин и Дмитрий переглянулись с одинаковыми беглыми усмешками.

– Боюсь, вы не понимаете, о чем говорите, уважаемый Борис Миронович. Внутренний Круг существует столько же лет, сколько и все человечество, это как бы его второй эшелон. Даже наш союзник не в силах его уничтожить. Но, может быть, мы и привлечем его к ликвидации Смирнова, если не сможем сделать это сами. И если он согласится. Но к делу. Первая серьезная проблема – создание нового поколения пси-оружия...

– «Глушаки», – буркнул Летчик, оживляясь.

– Совершенно верно, «глушаки», или пси-генераторы «удав». Как идут дела в этом направлении, Николай Нико-

лаевич?

Шериф достал электронный блокнот и щелкнул кнопкой включения. Он курировал разработку психотронных излучателей, которую вели как спецслужбы, так и лаборатории «Купола».

По сути, только теперь и началось рабочее совещание этой организации, замахивающейся на *большую* власть в стране.

Глава 10

Предупреждение

Начальник Комитета явно был не в духе. Он смотрел в стол, долго рылся в бумагах, сопел и молчал. Затем поднял глаза на стоявшего по стойке «смирно» Горшина и кисло улыбнулся:

– Не тянись, Тарас Витальевич, выше не вырастешь.

Возможно, он действительно имел в виду рост эксперта, но Тарасу вдруг показалось, что Самсонов намекает на что-то другое. Поговаривали, что он побаивается умных подчиненных, способных занять его место.

– Что-то случилось, Юлиан Львович?

– На тебя пришла «телега» из ФСБ, намекающая на некий компромат. Ты случайно не шпион, Тарас Витальевич?

Тарас усмехнулся:

– Чистый ариец, в порочащих связях замечен не был.

– Тогда ты кому-то из этих людей наступил на мозоль.

Тарас вспомнил встречу с Дмитрием, бывшим учеником Елисея Юрьевича, который, по словам учителя, работал с неким Ельшиным, заместителем начальника Управления «Т» ФСБ.

– Это какая-то ошибка, Юлиан Львович.

– А они утверждают, что ты плохо себя ведешь. Первый сигнал поступил, когда ты ездил в Кадом. Мне посоветовали

тебя отозвать, но ты все равно поступил по-своему, заварил такую кашу, что мне уже звонил... э-э... – Самсонов поднял глаза вверх. – Понял?

– Неужели президент? – с простодушным уважением сказал Тарас.

– Не президент, но человек власти. Начальник его администрации. Теперь вот второй сигнал. Не знаю, где ты засветился, Тарас Витальевич, но мне это активно не нравится. Еще раз получу сверху такую бумаженцию, – Юлиан Львович брезгливо приподнял краешек письма с золотым тисненым двуглавым орлом в уголке, – и тебе придется искать себе другую работу.

– Постараюсь не делать резких телодвижений, – ровным голосом сказал Тарас, поедая начальство глазами.

Самсонов снова криво усмехнулся, махнул рукой:

– Не ерничай. Даю тебе двухнедельный отпуск, поразмышляй на досуге. И не дерзи старшим.

Тарас хотел было возразить, отпуск в апреле ему был не нужен, однако встретил взгляд начальника и понял, что сопротивляться не стоит.

– Спасибо, Юлиан Львович. Надеюсь, я смогу взять оставшуюся часть отпуска летом?

– Посмотрим... на твое поведение.

Тарас щелкнул каблуками, повернулся и вышел из кабинета главы НКЭБ. В приемной он спросил у секретарши, понизив голос:

– Женечка, какая муха укусила нашего главного эколога? Меня вот услал в отпуск ни за что ни про что.

– Сама удивляюсь, – повела плечиком миловидная секретарша. – С утра рычит на всех, аки лев.

– Надо ему дать успокоительное, – посоветовал Тарас. – Рюмочку рому, например. Говорят, расширяет сосуды головного мозга... у кого он есть. Да, и не забудь отметить в приказе, что я с завтрашнего дня в отпуске.

– Тогда уж с понедельника, Тарас Витальевич, сегодня уже пятница.

– Ну, с понедельника. До свидания, киса.

В своем кабинете Тарас разобрал папки с бумагами, отослал по имейлу в разные адреса неотправленные письма и некоторое время размышлял, куда податься вечером. Оксана должна была уехать с мужем к маме, как она говорила, поэтому «обычный» вид отдыха отпадал. Тогда Тарас повязал галстук, накинул замшевую куртку болотного цвета и поехал в фитнес-клуб «Фит энд Фан», где работала Оксана. Там его уже знали как завсегдатая, а главное, там можно было поиграть в бильярд с авторитетными людьми.

Однако поиграть в бильярд не удалось.

Пройдя металлодетектор и поздоровавшись с вежливыми молодыми охранниками клуба, Тарас зашел в бар, чтобы заказать кофе, и сразу же увидел Оксану. Но не за стойкой бара, а сидящую за столиком в компании пожилого солидного мужчины в дорогом костюме. Но не мужа. Ее мужа – суту-

лого жирдяя с вечно хмурым лицом – Тарас однажды видел.

Она то и дело прижималась к плечу незнакомца и пыталась кормить спутника дольками ананаса.

Тарас замер, приняв эту картину за галлюцинацию, так как его подруга в данный момент здесь не должна была находиться, затем уловил сочувствующий взгляд сменщика Оксаны за стойкой бара, попытался, чтобы тихонько ретироваться, и в этот момент его заметила Оксана. По лицу девушки пробежала гамма переживаний от растерянности до гнева и даже ненависти, пока не осталась гримаса виноватой улыбки. Она что-то сказала своему кавалеру и догнала Тараса в коридоре.

– Что ты здесь делаешь?

– Привет, – спокойно сказал Тарас, ощущая бьющую от Оксаны волну эмоций. – Я же не спрашиваю, что здесь делаешь ты. Успела вернуться?

– Я все объясню... позже...

– Хорошо, пусть будет позже. Это кто, твой отец?

– Ты никогда меня не ревновал. И это не тот... случай... мы с ним знакомы много лет. Он мой... друг, работает в Министерстве торговли, и у него неприятности.

– А ты решила его утешить.

– Да, – с вызовом сказала Оксана. – Что в этом плохого?

– Ничего. Но меня ты могла бы предупредить, я человек неровный и понятливый. Хотя не люблю, когда говорят неправду.

Лицо Оксаны вспыхнуло, взгляд сделался надменным.

– Ты меня хочешь оскорбить?

– Боже упаси! – поднял Тарас ладони. – Давай не будем выяснять отношения здесь, я хочу этого меньше всего. Потом поговорим. Иди, тебя ждут.

Он повернулся к девушке спиной и зашагал к бильярдной комнате.

– Ты тоже не святой, – сказала она ему в спину. – Мне передали, что ты ездил в Рязань с какой-то вертихвосткой.

Тарас оглянулся.

Оксана смотрела на него, кусая губы, и владели ею сейчас два далеко не теплых чувства: раздражение и обида.

Он улыбнулся и зашагал дальше, ощущая, как рвется ниточка понимания, соединявшая их. Когда он оглянулся на пороге в бильярдную, Оксаны уже не было у входа в бар.

Тарас вздохнул, с грустью признаваясь самому себе, что на любовном фронте ему не везет. Оксана не любила его, иначе все у них было бы по-другому. Но и он не питал к ней сильных чувств, принимая тот образ жизни, который сложился без особых усилий и переживаний. Им было хорошо вдвоем – и только, поэтому особенно нервничать из-за наметившегося разрыва не стоило. С другой стороны, приятного в этой истории было мало. У него и так не хватало друзей, и потеря одного из них больно была по самолюбию. Хотя вряд ли он смог бы признаться в этом учителю или кому-нибудь вообще.

По-видимому, нечаянная встреча с Оксаной, повлекшая за собой раздрай чувств, и не позволила ему оценить обстановку в клубе. Лишь появившись в бильярдной, он уловил дуновение холодного ветерка опасности и насторожился. Однако было уже поздно.

Дверь за ним закрылась, и он оказался окруженным тремя мощного вида парнями в светло-серых костюмах, уверенных в себе, деловито-спокойных, с обманчиво равнодушными лицами и *пустыми* глазами профессионалов спецназа.

Из-за бильярдного стола вышли еще двое мужчин, и в одном из них Тарас узнал бывшего ученика Елисея Юрьевича. В руке Дмитрий держал бутылку из красного стекла с этикеткой «Спирит оф Хемп». Второго он раньше никогда не видел. Мужчина был одет в отлично сшитый костюм песочного цвета, под которым тело обнимала черная рубашка. Галстук у него был лилового цвета с эксклюзивной прострочкой и монограммой ГГЕ.

– Добрый вечер, Тарас... э-э... Витальевич, – произнес красавец звучным баритоном. – Много наслышан о вас, вот и решил познакомиться. Оказалось, вас легко просчитать. Проходите, располагайтесь, будьте как дома. Не желаете сыграть партию?

Тарас оглянулся на загораживающего выход атлета, хладнокровно приблизился к столу. Учитель советовал в таких случаях подыгрывать противнику, пока имелся шанс обойтись без боя.

– Почему бы и нет? Однако хотелось бы узнать, с кем я имею честь играть.

– Полковник Ельшин Генрих Герхардович, Управление «Т» Федеральной безопасности, – небрежно сказал красавец. – А это мой друг и защитник Дима. С ним вы уже знакомы.

Дмитрий усмехнулся, не сводя с Тараса оценивающе-пребрежительного взгляда, и поднял бутылку.

– Хочешь глотнуть? Настоящая марихуана. Правда, концентрация слабенькая, но легкий приятный кайф обеспечивает.

– Спасибо, не балуюсь.

Тарас уже знал, что в Москве появилось австралийское пиво с экстрактом конопли⁴, но пива он не употреблял вообще, и уж тем более не желал испытывать кайф от легкой дозы «травки».

– И правильно, – кивнул Дмитрий. – Как говорится, в здоровом теле здоровый дух. Хотя я бы посоветовал испытать все, пока есть возможность и время. Кто знает, сколько нам жить осталось.

– Итак, начнем? – Ельшин выбрал кий, взвесил в руке, посмотрел вдоль него, прищуря глаз. – «Горку», «класс» или что попроще?

– Что попроще.

– Тогда погоняем номерную «шестеркой». Не возражаете?

⁴ «Spirit of Hemp» – «дух конопли» (англ.).

– Ни в коем разе.

– Прошу, ваш первый ход.

Тарас взял кий, тоже взвесил в руке, оценивая балансировку гладкой конусовидной палки, и обошел стол, прикидывая все его плюсы и минусы. Включилась интуиция, высвечивая «глухие» лузы и «ватные» борта. Заиграли разными цветами шары в треугольнике, отличаясь массой – в доли грамма – и резонансно-упругими возможностями. Тарас прицелился и аккуратно выбил из стартового треугольника крайний шар, откатив его к борту таким образом, чтобы его нельзя было забить. При этом и основной – лобовой шар, «шестерка», по спирали обошел треугольник шаров и остановился у другого борта.

– Хороший расчет, – хмыкнул Ельшин, оценивая позицию. – Даже мой учитель не щелкнул бы лучше. Что ж, будем рисковать.

Он крученым ударом послал шар в обход не тронутого каре остальных шаров, задел крайний шар, получился двойной рикошет, и куча шаров рассыпалась.

– Н-да, какая незадача, – сказал Дмитрий, скептически разглядывая новую расстановку шаров. – Риск явно себя не оправдал.

– На что играем? – Тарас поднял глаза на Ельшина.

Тот задумчиво потянул себя за ухо, покосился на своего телохранителя.

– Вопрос не лишен смысла. Могу предложить один кра-

сивый вариант. Выигрываете вы, мы вас отпускаем. Выиграю я, вы начнете играть на моей стороне и в моей команде. Идет?

Вместо ответа Тарас кинул взгляд на стол и стремительно начал забивать шары. За полминуты он забил семь шаров, обходя «глухие» лузы, и лишь с восьмым возился дольше всего, прицеливаясь с особым расчетом, зная, что, во-первых, ему будут мешать *энергетически*, и, во-вторых, что, если он не забудет этот шар, Ельшин не даст ему шансов выиграть.

Удар действительно был сложен – от двух бортов в угол, но расчет Тараса оправдался.

Он ударил.

Дмитрий «выстрелил» направленным звуковым пакетом (нечто среднее между выдохом проклятия «сдохни!» и возгласом «оум!»), сбивая шар с траектории.

Тарас в ответ, одновременно с Дмитрием, щелкнул языком, посылая узкий звуковой импульс «ттак!», и шар, не попав в рассчитанную цель, крутанулся волчком, задел шар у лузы и с треском влетел в центральную «глухую» лузу, пропуская шары впритирку.

Зрители команды Ельшина зароптали, шевельнулись и застыли. В комнате стало тихо.

Тарас опустил кий, выпрямился.

Ельшин несколько мгновений смотрел на стол, раздувая ноздри, потом бросил на смущенного Дмитрия злобно

вспыхнувший взгляд и повернулся к победителю:

– Поздравляю, эксперт. Хорошая работа. Я тебя недооценил. На сегодня ты свободен. Но прими добрый совет: *не лезь* в наши разборки! Долго не проживешь.

Он отвернулся, махнул рукой, созывая своих спецназовцев, и быстро вышел из бильярдной. В комнате остались Тарас и задержавшийся Дмитрий.

– Если бы не приказ шефа, я бы тебя с удовольствием убрал, – проговорил он с приятной улыбкой. – Без суда и следствия. И без следа. Уж больно ты прыток, ученичок. Но запомни и мой совет: не нарывайся! Тебе со мной не совладать, даже если ты получишь гримуар «навного» боя. В древние системы, которые пытается воскресить твой учитель, я не верю. Перволюди не умели драться.

Дмитрий неуловимым движением выхватил из кармашка на куртке звездочку сякэна, метнул мимо недрогнувшего Тараса в стол. Сякэн щелкнул по шару, подкатывая его к угловой лузе, срикошетировал, и Тарас успел его перехватить. Тотчас же метнул обратно, добывая шар.

Дмитрий скривил губы.

– Любите добывать подставки, Граф. Хотя впечатляет. А вот так ты умеешь?

Он оперся ладонью о стол, выхватил метательную иглу и воткнул в руку, пробивая ее насквозь, буквально прибывая к столу... и тут же медленно поднял ладонь, оставляя иглу торчащей в столешнице. Затем поднял руку к глазам, лизнул

небольшую дырочку с розовыми краями, оставшуюся от иглы, подождал, пока она затянется, полюбовался ладонью с двух сторон и свысока посмотрел на неподвижного Тараса.

– Так-то, ученичок. Эта ступень «наваждения» называется Сатариаал. Тебе до нее никогда не подняться. Живи... и думай. Пока есть чем.

Дмитрий исчез за дверью.

Тарас задумчиво приблизился к столу, разглядывая торчащую из него иглу длиной в десять сантиметров и толщиной в четыре миллиметра в самой толстой части. Проговорил хладнокровно:

– Хвастовство погубило многих, болван, погубит и тебя.

Учитель как-то признался, что напрасно начал тренировать Дмитрия по системе «наваждения», основной задачей которой было пресечение боя в любой стадии. Однако Дмитрий зря демонстрировал свое умение бескровного рассечения тканей. Это был действительно уровень Сатариаал, дающий возможность *понимать* жизнь собственного тела, но только лишь – второй уровень. Всего же уровней было пять, и учитель знал их все. Сам Тарас подошел к реализации третьей ступени «нави», имеющей название Гамчикот – Дьявольское Милосердие. На очереди были остальные ступени: Голаб – Дьявольская Жестокость, и Тогарини – Дьявольская Красота. Знание всех пяти уровней давало мастеру возможность овладеть первой стороной «живы», которая называлась «мертвой водой». Адепт «нави» мог заживлять любую

рану и лечить любую болезнь. Не мог он только оживлять умерших. Для этого надо было овладеть второй стороной «живы», имеющей название «живая вода».

Тарас над этими проблемами особенно не задумывался, просто шел вперед по избранному пути. Теперь же, после второй встречи с Дмитрием, дал себе зарок, что непременно дойдет до высшей ступени «живы», изучив собственное прошлое и узнав тайны метабоя, разработанного предками.

Он сосредоточился, вонзил в ладонь иглу и медленно протаскивал сверху вниз, *раздвигая* ткани и сосуды. Затем еще одним волевым усилием зарастил бледную ранку.

В дверь заглянул какой-то завсегдатай клуба в сиреневой кофте, похожий на постаревшего певца Сюткина.

– Вы не партнеров ждете?

– Я уже наигрался, – честно ответил Тарас, выходя из бильярдной.

В конце коридора мелькнуло платье Оксаны. Она торопилась утешить важного работника Министерства торговли. Тарас вздохнул, чувствуя грусть, сожаление и облегчение одновременно. Похоже, судьба выводила его в какое-то новое состояние, требующее одиночества.

Неизвестно, что натолкнуло его на мысль позвонить учителю. Возможно, сообщение по телевизору о новых терактах в Грозном. Тарас вспомнил, что мать и жена Елисея Юрьевича находятся в данный момент в Чечне, и решил поговорить с ним о жизни.

Интуиция не подвела его и на этот раз.

Елисей Юрьевич выслушал приветствие ученика и тихим, напряженным, каким-то *не своим* голосом попросил его позвонить через три-четыре дня.

– Что случилось? – напрягся ответно Тарас.

Короткое молчание, потом тот же странный голос:

– В Грозном убили мою маму и Веру... Я лечу туда.

Тарас замер, не веря ушам, хотел было сказать: не может быть! – но лишь с трудом проглотил ком в горле. Сказал через несколько мгновений глухо, но твердо:

– Я лечу с вами! Ждите!

И положил трубку, чтобы Елисей Юрьевич не успел сказать «нет».

Через час он был в Митине, во дворе дома, где жил учитель.

Глава 11

Осторожно, Чечня!

Положение Елисея Юрьевича Смирнова в иерархии служб ФСБ и звание полковника позволяло ему пользоваться всеми экстренными каналами связи и мобильного передвижения по стране. Лишь оказавшись в багажном отсеке военно-транспортного самолета, летевшего из подмосковной Кубинки в Чечню, Тарас смог оценить важность личности учителя, получившего «зеленый коридор» на любую помощь спецслужб в пределах действия особых полномочий.

Отказываться от компании ученика Елисей Юрьевич не стал, но предупредил, что самостоятельная деятельность Тараса в Чечне исключается. В противном случае лучше остаться дома. И Тарас вынужден был согласиться, понимая чувства учителя, потерявшего сразу двух самых близких людей.

Ночь не помешала полковнику Смирнову организовать свой отлет в Чечню буквально за полтора часа. Уже в два ночи одиннадцатого апреля учитель и ученик были на военном аэродроме в Кубинке, а еще через час вылетели на «Ан-12» с бортовым номером 333 в сторону Чечни вместе со взводом подмосковного спецназа, сопровождавшим какой-то секретный груз.

Тарас не взял с собой ничего, кроме смены белья, крос-

совок и некоторой суммы денег. Одет он был по-походному: темно-синие штаны полуспортивного кроя, всепогодные ботинки с особой гибкой подошвой, «обтекающей» камни, свитер и куртку. Елисей Юрьевич надел строгий черный костюм и светлый плащ, выводящие его в ранг лица, имеющего право приказывать, и Тараса не удивляла реакция вовлеченных в их орбиту людей, беспрекословно подчиняющихся учителю.

Транспортник «Ан-12» не имел особых удобств для переброски людей, поэтому двум новым пассажирам пришлось лететь вместе с бойцами спецназа, молодыми, энергичными, уверенными в себе и не обремененными житейскими заботами. Они расселись по лавочкам вдоль бортов, устроив оружие между колен, и Тарасу с Елисеем Юрьевичем не оставалось ничего другого, как пристроиться к спецназовцам в конце салона. Командир корабля предложил было полковнику место в кабине пилотов, но тот отказался. Поэтому так и летели: слева от Тараса команда, справа учитель и еще дальше – контейнеры с грузом.

Сначала Тарас прислушивался к разговору молодых ребят, доносившемуся сквозь гул винтов: речь шла о шашлыках и о напитках, которыми их следовало запивать; к примеру, шашлык из баранины стоило запивать не вином, а более крепкими или горячими напитками, как утверждал один из участников спора. Тарас шашлыки не ел, поэтому предмет спора был ему безразличен, хотя он и знал, что парень,

рагующий за горячее питье, прав. Бараний жир самый тугоплавкий из жиров, организм человека может переработать его только в жидком состоянии, а соки или минералка, которыми многие разбавляют водку, могут «заморозить» жир, что непременно ведет к диспепсии, то есть к вульгарному несварению желудка.

Перестав прислушиваться к спору справа, Тарас попробовал было осторожно расспросить учителя о подробностях теракта, в результате которого погибли его жена и мама, но успеха не добился. Елисей Юрьевич молчал, откинувшись к стенке кабины, полузакрыв глаза, уйдя мыслями в себя.

Впрочем, причину нападения на русских жителей Чечни можно было не выяснять. Все еще не пойманные полевые командиры разного калибра, но одинаково безумные, до сих пор пытались дестабилизировать обстановку в республике, терроризируя русскоязычное население, убивая русских женщин, детей и стариков. То есть тех, кто гарантированно не мог дать им отпор. И федеральная власть до сих пор не могла или не хотела найти способ борьбы с этими подонками, проклятыми Богом и людьми.

Тараса в этом деле больше всего возмущала позиция силовиков, утверждавших, что им прекрасно известно, где прячутся главные идеологи джихада, «войны до победного конца»: Басаев, Хаттаб, Гелаев и Масхадов, – но «во избежание больших потерь среди военных операция по уничтожению главарей бандформирований невозможна». По мне-

нию Тараса, здесь играли основную роль либо очень большие деньги, либо политика. Кому-то в федеральных верхах было выгодно, чтобы война в Чечне продолжалась.

Незаметно для себя он задремал и увидел сон, который уже снился ему с разными деталями и подробностями.

Перед ним вдруг открылась дверь, светящаяся, как голубой лед, и он вошел в огромный темный храм, колонны которого – в виде гигантских каменных идиолов странной «человеко-насекомообразной» формы – поддерживали готический купол потолка. Дальняя стена храма казалась зыбкой, как пелена тумана, и сквозь нее иногда проступали очертания человеческой фигуры или светящееся лицо с внимательными лучистыми глазами. Женское лицо, по оценке Тараса.

В центре зала стоял гигантский трон из переливающихся цветами радуги драгоценных камней, а напротив, на возвышении, напоминающем массивный каменный пюпитр, лежала книга в толстом переплете.

Оглядевшись, ощущая *живую* тишину храма, Тарас приблизился к трону, потом, снедаемый любопытством и ожиданием чудес, взобрался на сиденье пятиметровой высоты и взглянул на книгу.

Тотчас же на ее обложке проступила светящаяся золотистая надпись: «Свод Повелеваний».

Откуда-то прилетел громахающий, но полный чудесного звона и силы голос:

– Это книга основ метаязыка. Ты готов к восприятию Ис-

тины?

– Э-э... готов, – после паузы подтвердил Тарас, чувствуя дрожь в коленях.

– Подойди.

Тарас приблизился к трону.

С тяжким гулом, так что содрогнулись стены и пол храма, книга раскрылась. На черном листе за обложкой высветились призрачным зеленым светом три изумительно красивые сложные руны. Холодея, Тарас прочитал вслух:

– Здорово... живо... добро...

Черная страница растаяла, но руны с нее перетекли на следующую страницу, коричневого цвета. К ним прибавились еще три такие же волшебно живущие, прекрасно вычерченные руны. Тарас продолжал читать:

– Славо... право... веди...

Превратившись в дым, исчезла и эта страница. На следующей – бордовой – сначала появилось одно слово, потом под ним текст, буквы-символы которого то и дело вспыхивали золотом, так что текст играл огнями, как россыпь золотых монет. Однако на этот раз Горшин не смог прочесть ни одного слова, в том числе названия главы, несмотря на знакомые буквы старославянской вязи.

– Что бы ты хотел понять-осознать? – напомнил о себе чарующий женский голос, и одновременно с ним из туманной пелены в конце зала проступил величественный женский лик, лик богини.

Тарас, открыв рот, замер. Такого красивого лица он еще не видел в жизни, и его появление было сродни удару по голове.

– И так? Смелее.

– Э-э... я хотел бы овладеть искусством метабоа... – промямлил он.

На лик богини упала тень. Пелена тумана взволновалась, окрашиваясь в оранжевый цвет, скрыла женское лицо. Голос дрогнул, отдалился, стал сожалеюще-печальным:

– Ты придаешь слишком большое значение боевым искусствам, идущий. Боевое искусство не заменяет мировоззрения, на мир надо смотреть шире. Ты даже не смог прочесть вводящее повеление – Мудро... Оно – основа отношений ко всему живому.

– Я хотел... я понял...

– Знание некоторых Ключей смысла еще не дает тебе права *повелевать* словами и явлениями. Мы поговорим в другой раз, когда ты прозреешь. Прощай.

– Подождите! – испугался Тарас. – Кто вы? Я уже видел вас... во сне...

– Сон сну рознь. Я Алконост, посланник инфарха. Удачи тебе, незавершенный...

Голос истончился, пропал.

Зал храма подернулся дымкой, стал таять, распался на струи дыма от непонятной вибрации.

Тарас проснулся, судорожно схватившись руками за сиде-

нье.

Самолет дрожал и раскачивался, попав, очевидно, в область турбулентных завихрений, потом пошел ровнее.

Спецназовцы сопровождения продолжали спорить, теперь уже по поводу каких-то приоритетов в области живописи. Изредка сквозь гул доносились фамилии художников: Малевич, Чюрленис, Рерих...

Тарас встретил взгляд учителя и виновато улыбнулся:

– Уснул нечаянно.

Елисей Юрьевич продолжал оценивающе смотреть на него, и Тарас вдруг помимо своей воли рассказал ему свой сон. Елисей Юрьевич кивнул:

– Это зонг, наведенная пси-линия. Я это почувствовал. Ты в фокусе интересов инфарха.

– Это плохо?

– Ни хорошо, ни плохо. Если инфарх почувствует, что ты идешь не туда...

– Он меня ликвидирует?

– Что ты, бог с тобой, – сдвинул брови Елисей Юрьевич. – Он и дьявол – по разные стороны баррикад. Инфарх всего лишь Координатор Круга, Верховный Хранитель, а не судья и не палач. В случае твоего своеволия тебя просто отключат от Хроник.

– От астрала?

– Астрал – это еще не Хроники, это скорее *искажение* реальности, обход истинного знания. Не увлекайся походами

в него.

Сбитый с толку Тарас недоверчиво посмотрел на учителя, но тот не шутил, пребывая в состоянии тоскливой отрешенности и ожидания. Можно было позавидовать тому, как он держится, и Тарас внутренне пожегся, вдруг еще раз осознав, какая причина погнала их ночью на другой край земли. Сам он тоже терял близких: отца, двух дедов и бабушку, других родственников, дошедших до края жизни, но все они умерли от старости, естественной смертью, или от болезней (исключая отца-шахтера, погибшего во время взрыва газа под землей), и потеря их не казалась чрезвычайным событием, хотя и была нежелательной. Случай с учителем был *качественно* иным: самых близких ему людей *убили!* И он ничего не мог сделать, находясь в тот момент далеко от них.

Тарас почувствовал волну ненависти к неведомым убийцам и поклялся в душе, что сделает все, чтобы воздать им по заслугам.

– Она была такая мягкая и несамостоятельная... – заговорил вдруг Елисей Юрьевич с легкой грустной улыбкой на губах, глядя перед собой отсутствующим взором. – Мы плыли на теплоходе в Туапсе, начался пожар... Все бросились к шлюпкам, началась паника... А она стояла у борта, прижав кулачки к груди, в каком-то старомодном блестящем плащике...

Елисей Юрьевич снова улыбнулся.

Тарас замер, понимая, что учитель сейчас находится да-

леко отсюда, в своем прошлом.

– И в глазах ее стыла такая печальная покорность судьбе, что я не мог не остановиться... «Прыгай!» – кричу. А она вздрогнула, посмотрела удивленно и, в ответ, тихо и беспомощно: «Я плавать не умею»... Я сгреб ее в охапку и в воду... Так и познакомились. Ей было тогда девятнадцать лет. А прожили мы вместе сорок с лишним...

Тарас молчал. Собеседник учителю был не нужен, он разговаривал сам с собой.

Елисей Юрьевич закрыл глаза, привалился спиной к стенке салона и замолчал. Тарасу очень захотелось прижать его к себе, сказать что-нибудь ободряющее, однако делать этого он не стал. Учитель не нуждался в утешении.

Вскоре самолет снова затрясся, снижаясь, сделал круг над аэродромом у столицы Чечни и приземлился. Первыми из него выбрались Елисей Юрьевич и Тарас, попрощавшись с пилотами. За ними начал высаживаться притихший спецназ. Небо над аэродромом было затянуто тучами, утро занималось холодное и мглистое, дул пронизывающий ветер, и парни ежились, отворачиваясь от ветра, не умея регулировать внутренний теплообмен, как это делали Тарас и учитель.

Гостей из Москвы у черной «Волги» с грозненскими номерами ждали двое мужчин. Один из них, плотного телосложения, в черной кожаной куртке, лысоватый, пожал руки прилетевшим, кивнул на «Волгу»:

– Садитесь, поехали.

Гости уселись в теплой кабине, «Волга» тотчас же тронулась в путь, пересекла территорию аэродрома и выехала на шоссе, соединяющее аэропорт с Грозным. За машиной сразу пристроился БТР сопровождения, а вперед вырвалась «Нива» дорожного патруля, что говорило не столько о возможности нападения боевиков, сколько об уважительном отношении к гостям.

Мужчина в куртке сел рядом с Елисеем Юрьевичем, и они заговорили о чем-то, понизив голос. Видимо, встречал гостей сотрудник местного отделения ФСБ, знавший Елисея Юрьевича в лицо.

Рассвело, когда небольшая колонна миновала блокпост на въезде в Грозный, достигла окраин столицы Чечни и снизила скорость. Бронетранспортер отстал. Шедшая впереди машина ДПС посигналила и тоже отвалила в сторону. Дальше «Волга» ехала по улицам города без сопровождения, ничем не выделяясь среди редкого потока автомобилей преимущественно отечественного происхождения.

Тарас не был в Грозном ни разу, поэтому с мрачным интересом осматривал улицы, отмечая появление новых трех- и пятиэтажных домов, а также читая вывески магазинов. Судя по их количеству, жизнь в городе налаживалась, несмотря на постоянную угрозу нападения боевиков-камикадзе, готовых «во славу» Аллаха подорвать себя и кучу народа.

Свернули на улицу Ленина, подъехали к двухэтажному зданию главного корпуса больницы. Открылись решетчатые

ворота, «Волга» заехала во двор больницы. Мужчина в черной куртке повел гостей к одноэтажному строению на территории больницы, на котором косо висела табличка: «Морг». Здесь их встретил худой лохматый чеченец в белом халате, открыл дверь.

Зашли внутрь. Помещение с цинковыми столами неожиданно оказалось стерильно чистым. Столов было с десятков, и на каждом лежали под простынями тела мертвецов. Работник морга откинул простыни с двух тел, отступил в сторону.

Елисей Юрьевич подошел к столу, замер, наклонившись над телом жены. Потом уткнулся лицом в ее грудь и снова застыл. Переглянувшись, Тарас и сопровождавший их особист вышли из морга.

– Как это случилось? – глухо спросил Тарас.

– Они возвращались с рынка, – таким же глухим голосом, нехотя ответил мужчина в куртке. – Их встретили в перестрелке, недалеко от автобусной остановки. Подъехала старая «четверка» без номеров, из нее выскочили двое и открыли стрельбу из автоматов. Две очереди...

– Бандитов задержали?

Мужчина скривил губы:

– Как же, удержишь таких. Свидетелей было трое, но они запомнили только машину и то, что нападавшие якобы были в камуфляже и в масках. По таким приметам в городе можно задерживать каждую вторую машину и любого собровца в комбезе.

– Но ведь должны же быть какие-то следы, зацепки...

Неужели свидетели ничего больше не разглядели?

Лысоватый особист смерил Тараса взглядом:

– Вы из конторы?

Тарас понял, что речь идет о ФСБ.

– Нет.

– Тогда не задавайте лишних вопросов, молодой человек.

Может пострадать язык. В прямом смысле. Тут все живут по волчьим законам, по волчьим же и умирают.

Коллега Елисея Юрьевича отошел.

Тарас вздохнул, понимая его чувства. Он и сам с насто-
роженностью отнесся бы к человеку, задающему вопросы о
свидетелях на территории Чечни.

Елисей Юрьевич вышел через несколько минут с камен-
ным, ничего не выражающим лицом.

– Поехали.

– Куда?

– Сначала в комендатуру. Договоримся о перевозке мо-
их... – Елисей Юрьевич запнулся. – О перевозке тел на аэро-
дром. – Он вдруг с тихой тоской ударил кулаком о ладонь. –
Я же говорил им: не выходите лишний раз из дома! Собирай-
те вещи и уезжайте! А мама уперлась: я здесь родилась, здесь
и... – он умолк, тяжело дыша, с видимым усилием справил-
ся с собой. Лицо Елисея Юрьевича снова приобрело камен-
но-бесстрастное выражение. – Извини, что не сдержался...
как видишь, люди Круга – не более, чем люди.

– Я понимаю, – тихо обронил Тарас. Елисей Юрьевич болезненно усмехнулся, разглядывая его запавшими глазами, и Тарас убежденно добавил: – Мы их найдем!

– А вот это лишнее! – твердо проговорил Елисей Юрьевич. – Выбрось это из головы! Расследованием занимаются компетентные органы, это их прерогатива. Мы приехали сюда не ради мести. Понял?

Тарас вздрогнул. Учитель прочитал его мысли.

– Ты понял или нет, спрашиваю?

– Понял, – кивнул Горшин, стискивая зубы.

Елисей Юрьевич еще раз смерил его оценивающим взглядом, отвернулся и зашагал к машине.

Из-за туч выглянуло солнце, заявляя об улучшении погоды, но Тараса это не обрадовало. Он *знал*, чем будет заниматься в Грозном после соблюдения всех формальностей по отправке «груза-200» в Москву.

Весь день они провели в переговорах с разными ответственными лицами Грозного и встречах с людьми разных возрастов, званий и полномочий в разных концах города. Не без напряжения им удалось договориться с военными летчиками о доставке тел жены и матери Смирнова в Москву, и лишь в больнице случилась заминка, едва не переросшая в инцидент.

Главврач больницы Хусаин Борзоев наотрез отказался выдать тела из морга, «до выяснения обстоятельств убийства», как он туманно выразился, хотя на руках у Елисея Юрьевича

находилась предписание мэра Грозного о содействии «особому представителю» из Москвы всем, к кому он обратится за помощью.

Получив отповедь санитаря, не пустившего их в морг, Елисей Юрьевич и Тарас направились к главврачу на прием.

Хусаин Борзоев оказался немолодым человеком с темным костистым лицом горца, на котором выделялись усы и кривой нос. Глаза у главврача прятались в глубоких глазницах, и определить их цвет оказалось делом нелегким, хотя изредка они вдруг светлели и становились по-ястребиному зоркими. Выслушав посетителей, он коротко, с акцентом сказал:

– Забрать погибших нельзя. До выяснения обстоятельств гибели. Вопросы еще есть?

– У меня разрешение мэра, – хладнокровно сказал Елисей Юрьевич, доставая сложенный вчетверо лист бумаги с подписью и печатью.

– Здесь я хозяин! – тем же непреклонным тоном бросил Борзоев. – И будет так, как я сказал!

– Не надувай щеки, лопнут! – не выдержал Тарас. – Читать умеешь?

– Спокойно, Граф, – посмотрел на него Елисей Юрьевич недовольно. – Человек просто не понял, что ему требуется всего лишь выдать убитых.

– Ахмет! – повысил голос Борзоев, сверкнув недобрыми глазами. По всему было видно, что русских он не любит и готов идти до конца. Хотя причин для такого поведения, в

общем-то, не существовало.

В кабинет ввалился могучего телосложения чеченец, похожий на известного всем террориста Басаева: бритая голова, усы, борода по грудь, волчьи глаза. Одет он был во все черное, кроме коричневых ботинок с высокой шнуровкой.

– Проводи гостей до выхода, – приказал главврач.

Тарас шагнул к вошедшему, сделал «медвежью стойку» и «качнул маятник», вызывая волну страха и бессилия. Ахмет-«Басаев» отшатнулся, бледнея. Тарас подтолкнул его к двери:

– Вас здесь не стояло... ждите в приемной!

Дверь за помощником главного врача закрылась.

Елисей Юрьевич шевельнул бровью, выражая тем самым неодобрение действиями ученика, повернулся к опешившему Борзоеву.

– Я думаю, нет смысла вызывать сюда спецназ. Или вы будете настаивать?

– Я тоже... могу... вызвать...

– Велик приказ да мал начальник, – усмехнулся Тарас.

Главврач опомнился, пригладил волосы, глянул на дверь, на Тараса, наткнулся на его ледяной взгляд и вздрогнул.

– Что ж, может... э-э, мы договоримся. Кто эти люди, вы говорите?

– Моя мать и жена, – тяжело сказал Елисей Юрьевич.

– Понимаю ваши чувства... – Главврач сделался вежливым. – Давайте бумагу.

Он взял из руки Елисея Юрьевича письмо мэра, прочитал, покосился на Тараса и снял трубку телефона.

– Шамиль, оформи документы на выдачу тру... убитых... да, на женщин, что вчера привезли. – Он повернулся к москвичам: – Можете забирать.

– Их заберут завтра утром, – сказал Елисей Юрьевич. – С вашего позволения я зайду в морг.

– Это против наших правил, но вам я разрешаю. Ахмет! – На пороге возник тот же бородатый чеченец. – Проводи гостей... э-э, на территорию. У них распоряжение большого начальства.

Ахмет молча посторонился, косясь на Тараса. Было видно, что он его боится по-настоящему. Пси-атака Горшина оставила в душе чеченца неизгладимый след.

В морг Елисей Юрьевич зашел один, не пустив ни Тараса, ни сопровождающего. Пробыл там десять минут и вышел с каменно-неподвижным лицом. Лишь взгляд его, слепой и сосредоточенный на внутреннем переживании, выдавал душевную боль этого сильного человека.

За воротами их ждала знакомая «Волга» с тем самым чекистом в кожаной куртке, который встретил их на аэродроме. Садясь в машину, Тарас обратил внимание на остановившуюся в отдалении «десятку» серого цвета с затемненными стеклами, но тут же забыл о ней. Голова была забита размышлениями о том, как найти и покарать убийц семьи учителя.

– Куда тебя? – спросил человек в куртке, обращаясь к Елисею Юрьевичу. – Может, поедем ко мне?

– Не хотелось бы стеснять, – проговорил Елисей Юрьевич отсутствующим голосом. – Мы лучше переночуем в гостинице или в комендатуре.

– Никого вы не стесните. Сын уехал, у дочки своя комната, а мама и Дина будут только рады гостям. – Чекист тронул водителя за плечо. – Поехали ко мне, Саша.

«Волга» развернулась и устремилась прочь от центра города. Спустя минуту за ней двинулась и серая «десятка» с затемненными стеклами.

Глава 12

Атака

Приятель Елисея Юрьевича, которого Тарас принял за сотрудника ФСБ, оказался старшим советником юстиции, прокурором чеченской столицы. Звали его Антоном Кирилловичем Хованским. Жил он в собственном доме на окраине Грозного, в полукилометре от реки Сунжи. Дом был окружен глухим деревянным забором и охранялся овчаркой по имени Гриц. Вокруг дома росли яблони и сливы, участок был ухожен, чувствовалось, что ему хозяева уделяли много внимания. Тарас и сам любил возиться в саду, поэтому порядок усадьбы одобрил.

Хозяйство усадьбы состояло из двух строений – сарая и хлева, где содержались две козы и корова. Ни свиней, ни кур семья Хованских не имела.

В доме, накрытом разнокалиберными металлическими листами, было четыре комнаты и небольшая кухонька с русской печью. Мебель везде стояла старенькая, на полу лежали домотканые половики, создавая особый домашний уют. Тарас поразился совпадению: полы у него дома тоже были накрыты половиками, сотканными еще бабушкой Надей.

Встретили гостей домочадцы: дородная женщина с рыхлым, болезненным лицом – мать Антона Кирилловича, Валентина Матвеевна, его жена Дина, тихая и улыбчивая, и

дочь Антонина, Тоня, очень похожая на мать, такая же тихая и милая, но почти не улыбающаяся. За весь вечер Тарас увидел ее улыбку лишь однажды, когда отец хвастался, что Тоня рисует «как заправский художник».

В самом деле, как оказалось, она прекрасно рисовала. Стены ее комнатки были увешаны акварелями и рисунками цветным карандашом, хотя определить сразу, чем они нарисованы, не удавалось.

Рисовала Тоня в манере Малевичевского супрематизма⁵, передающей как ритмику и пластику движения, так и многозначительность положений. Такие положения сама Тоня называла «застывшей явью». О Казимире Малевиче и его методе самовыражения она почти ничего не знала, но вполне могла претендовать на место в Витебском объединении художника «Утвердители нового искусства», хотя дар ее был, наверное, масштабнее, чем у последователей Малевича, создателей русского авангарда. Во всяком случае, Тарас, регулярно посещавший художественные музеи и выставки и не раз бывавший на вернисажах Малевича, отметил не только точнейшую и тончайшую технику юной художницы, невероятную палитру и удивительное сочетание форм, но и глубину мысли, заложенную во всех полотнах.

Особенно долго он разглядывал рисунок под названием «Предок».

На нем в манере авангардистов пересечением спиральных

⁵ От латинского *supremos* – высший.

и параллельных линий был изображен странный зверь, более всего похожий на... Инсекта! Точнее, на разумного таракана, блаттоптера сапиенс! Тарас готов был отдать голову на отсечение, что изображен именно Инсект, предок Перволюдей, а не просто фантазмагорическое существо Апокалипсиса.

– Что это? – поинтересовался он у девушки, когда взрослые вышли из комнаты.

Тоня покраснела, но ответила простодушно и твердо:

– Это наш предок. Такие звери жили на Земле. Очень давно. Я их часто вижу во сне.

Тарас пристально посмотрел на девушку, перевел взгляд на картину, покачал головой.

– Вам не нравится? – робко спросила хозяйка.

– Вы не представляете, как вы близки к истине! Дело в том, что я тоже иногда вижу таких... гм, зверей. Во сне. – Уточнить, где он видит Инсектов на самом деле, Тарас не стал. – Но главное не в этом.

– А в чем?

– Эти звери существовали реально и назывались Инсектами. Точнее, знающие люди их так называли.

– Правда? – Глаза Тони стали большими, в них проступило недоверие. – Вы шутите?

Тарас невольно залюбовался девушкой. Ее нельзя было назвать красавицей, по сути она была еще подростком с угловатой фигуркой, тоненькая, длинноногая, с едва наметившейся грудью. Но женщина в ней уже начинала брать свое,

и этот зов чувствовался на расстоянии. А лицо Тони, милое, простое, с большими губами, чуть вздернутым носиком и с печального разреза глазами отчего-то притягивало взор и заставляло искать ее улыбку, преображавшую девушку настолько, насколько преображает природу солнце, выглянувшее из-за туч.

Тоня поняла значение его взгляда, вспыхнула, с преувеличенным вниманием поправила висящую на стене картину, покосилась на него. Тарас засмеялся. Девушка смутилась еще больше, но засмеялась в ответ, и им сразу стало легко и свободно, будто упала некая стена, разделявшая их до этого.

Заговорили о художниках. Тоня показала свои пейзажи, выполненные в манере русского реализма, затем удивительные «космические» работы – пейзажи других планет, звездные скопления необычных форм и летящих ангелов, греющих руки у звезд. У девушки несомненно был дар (кроме канала, связывающего ее с Хрониками Мироздания, судя по рисунку Инсекта), и Тарас заговорил об учебе.

– Да, я хочу поступать в художественное училище, – сказала Тоня, складывая рисунки в папку, – во Владикавказе есть, в Ставрополе, но одну меня не отпускают, а родственников там у нас нет.

– Тебе лучше в Москву, в институт Сурикова, – посоветовал Тарас. – Могу посодействовать.

– Правда? – Глаза Тони засияли и тут же погасли. – В Москву меня тем более не отпустят. Да и денег нет на уче-

бу.

– Я поговорю с твоим отцом, что-нибудь придумаем. Будет несправедливо, если твой дар окажется невостребованным.

– Папа говорит, что справедливость в нашей стране спит. А бабушка вообще не хочет выходить из дома, всего боится.

– Один умный человек сказал, что справедливость – это равновесие добра и зла. К сожалению, в нынешние времена это равновесие нарушено, и надо приложить немало усилий, чтобы его восстановить.

– Вы тоже прокурор, как папа?

– Нет, я всего лишь эксперт по экологии. Наш начальник называет нас экоголиками.

– Как? – удивилась девушка.

– Это он соединил два слова – экология и трудоголик. Можешь называть меня на «ты», если хочешь.

– Я думала, вы тоже... что ты тоже в системе правоохранительных органов работаешь. У тебя вид такой... суровый. Неужели где-то есть служба экологии?

– В Москве существует Комитет экологической безопасности, я работаю там уже два года.

– Трудно работать? Наверное, не всем нравится, когда вы к ним приезжаете?

– Не всем, – признался Тарас. – Бывает, что встречают нас как врагов, хотя сами действуют как враги, враги природы.

– Расскажите, – загорелась Тоня. – Вы, наверное, часто

ездите по командировкам?

– Довольно часто, раз в месяц. Недавно был в Рязанской губернии. – Тарас принялся рассказывать о своем посещении сигаретной фабрики в Кадоме и вдруг почувствовал дуновение холодного ветра. Спину охватил ледяной озноб.

Тарас замолчал, прислушиваясь к пространству дома, потом к пространству вокруг дома. Тоня посмотрела на него с какой-то странной озабоченностью, и он понял, что ей передалось его беспокойство. Хотя не исключено, что она тоже могла *слышать* ментальные токи угрозы.

– Тихо! Ваш дом не охраняется милицией?

– Нет, – шепотом отозвалась девушка, вздрагивая в нервном ознобе. – Тут недалеко блокпост...

– Ночью он бесполезен, как пистолет без патронов, никто из бойцов не полезет на рожон, если возникнет перестрелка. Пойдем-ка к твоим.

Они вышли из спальни Тони и наткнулись на спешащего навстречу Елисея Юрьевича.

– К нам гости!

– Я почуял.

– Надо уходить. Антон знает тропку со двора вдоль Сунжи к блокпосту... – Елисей Юрьевич не договорил.

Взвыла собака. И тотчас же по окнам дома сыпанул свинцовый град, круша стекла, насквозь прошивая ставни и мебель. Стреляли, судя по всему, из автоматов калибра семь шестьдесят пять и из девятимиллиметровых пистолетов-пу-

леметов, а потом к ним присоединился и ручной пулемет.

– Все на пол! – крикнул Елисей Юрьевич, бросаясь в зал, где сидели прокурор, его жена и мать.

Тарас дернул Тоню за руку, заставляя ее лечь на пол. Упал рядом, обнял, вжимая в половик.

Трансовое боевое состояние пришло с первых же выстрелов, заработала сторожевая и анализирующая системы интуиции, раскрывая гипервозможности организма. Поле сознания Тараса охватило объем комнаты, скачком расширилось, обнимая дом прокурора и его окрестности. В прозрачной тьме, обступившей Горшина, обозначились бордовые пятна со злыми пульсирующими огоньками внутри. Это высветились ауры тех, кто открыл стрельбу. Один из пульсирующих огоньков вытянулся факелом, и Тарас, холодея, понял, что это означает.

– Все вон! – рявкнул он изо всех сил. – У них гранатометы!

Сам он успел бы унести ноги из горницы, владея *темпом*, но рядом была Тоня, и он сделал единственное, что зависело от него в сложившейся ситуации: отбросил девушку к печке и прикрыл ее своим телом.

Граната взорвалась в центре гостиной спустя секунду.

Тарас автоматически перевел себя в состояние *пустоты*, позволяющее проделывать трюки вроде протыкания руки иглой или ножом без каких-либо последствий, но вовремя вспомнил, что он не один, и успел сменить *пустоту* на со-

стояние скалы.

Вихрь осколков ударил во все стороны, находя не успевших укрыться людей. Раздались крики и стоны.

Два осколка впились в спину Тараса, но пробить «телесные латы» не смогли, застряли в мышечных тканях, превратившихся в «каменные пласты». Боль в местах ударов вспыхнула довольно сильная, однако осколки не повредили позвоночник и обошли артерии, и Тарас не стал обращать на раны внимания. Двигаться они не мешали.

Подхватив оглушенную Тоню на руки, он выскочил из горницы на кухню, а оттуда в сени и во двор. Вторая граната лопнула в гостиной, когда он со своей ношей был уже под защитой сарая.

– Посиди здесь! – выдохнул он на ухо девушке. – Никуда не уходи! Я сейчас...

Он метнулся вдоль сарая к забору, перемахнул его в один прием и на лету сориентировался в пространстве ментала, чтобы определить местонахождение стрелков. По нему выстрелили – видимо, территория дома отслеживалась через инфраоптику, – но очередь прошла чуть в стороне, и Тарас мгновенно вычислил автоматчика, что позволило ему не потерять ни одного мгновения на контратаку.

Максимально ускорившись, так что туго свистнул ветер в ушах, он преодолел расстояние от забора до какой-то полуразрушенной будки, с крыши которой велся огонь, вспрыгнул наверх и одним ударом «рука-копье» пробил насквозь

человека в камуфляже и маске с автоматом «АК-74» в руках.

Стрелок охнул, роняя автомат, упал с крыши будки вниз.

Одновременно стихла стрельба и с других сторон. Доносился только рев раненой коровы и лай потревоженных собак в округе.

Тарас поискал ауры остальных стрелков, обнаружил тускнеющие, удаляющиеся пятна и понял, что боевики отступили.

Где-то в километре от дома прокурора взвыла сирена, слышался рокот моторов бронетранспортера. Это зашевелился потревоженный стрельбой блокпост.

Тарас метнулся назад, к сараю, Тоню там не нашел и ворвался в дом, не чувствуя боли в спине, где застряли осколки гранаты.

Все стекла в доме были выбиты, стены иссечены осколками, мебель изрешечена пулями и разбита вдребезги, уцелели только диван и два кресла. По комнатам витали кисло-горькие запахи взрывчатки и тлеющих тряпок.

На полу посреди горницы лежали прокурор и его жена. Оба получили множественные осколочные ранения и умерли еще во время боя. К тому же Антон Кириллович принял на себя несколько пуль, прикрывая жену, однако это ее не спасло.

Тоня уже находилась здесь, словно окаменев, стояла на коленях над телами родителей.

Елисей Юрьевич сидел рядом с другом, держась одной ру-

кой за грудь, а второй за шею. Поднял голову, когда в горницу ворвался Горшин.

– Что?! – глухо выдохнул Тарас.

– Я не смог закрыть обоих...

– Что с вами?

– Пара осколков в груди, пара в спине... ничего, справлюсь. Посмотри, что там с матерью Антона.

Тарас искал пожилую женщину и обнаружил ее лежащей на полу у печки. Однако печь защитила ее от пуль и осколков, и сознание Валентина Матвеевна потеряла скорее от шока после взрывов. Передав ей восстанавливающий сознание энергоимпульс – ладонь на лоб, ладонь на грудь, *вспышка*, – Тарас вернулся в горницу, остановился за спиной Тони, не решаясь отвлечь ее.

– Зажги свет, – попросил Елисей Юрьевич.

Тарас щелкнул выключателем, но все лампочки в доме были разбиты и свет не загорелся. Тогда он искал на кухне свечи, нашел два огарка и зажег. Снова подошел к Тоне.

Она сидела все в той же позе, прижав кулачки к груди, и смотрела на родителей черными *ушедшими* глазами. Тарас присел рядом на корточки, хотел было передать ей пси-волну успокоения, однако вовремя остановился, заметив мерцающий искрами серебристый столб над головой девушки. Она имела канал связи с *силой* и не нуждалась в прямой энергоподпитке.

Послышались стоны и охи, затем тихий плач. Это очну-

лась мать Антона Кирилловича. Женщина с трудом добралась до тел сына и невестки и упала на них с рыданиями, раскинув руки. Только теперь Тоня очнулась и заплакала, припав лицом к груди отца.

С улицы послышался грохот бэтээра, стих, затем долетели команды, звуки шагов бегущих людей. В дом ворвались бойцы спецназа в камуфляже, с фонарями в руках, остановились на пороге, увидев душераздирающую сцену. Вперед вышел офицер в берете, бросил два пальца ко лбу. Хмуро осведомился:

– Ранены, убиты?

– Убиты, – ответил Тарас.

– Нападавших видели? Сколько их было?

– Не знаю. Человек пять, наверное.

– Как вы здесь оказались? Документы есть?

– Возьмите, – проговорил Елисей Юрьевич, протягивая окровавленной рукой удостоверение.

Старлей глянул на красную книжечку, вернул, снова козырнул:

– Прошу прощения. Вы ранены?

– Позаботьтесь о них.

– Слушаюсь. – Старший группы повернул голову к двери. – Савельев, носилки сюда. Обыскали окрестности?

– Так точно. Никого, только труп неподалеку, возле старой трансформаторной будки.

Тарас встретил косой взгляд учителя и криво улыбнулся.

Ночь прошла в суете следственных мероприятий, допросах свидетелей нападения на дом прокурора, в хлопотах по транспортировке убитых в морг той же больницы, где находились и убитые террористами мать и жена Смирнова.

Тарас вылечил себя быстро: самолично выковырнул пальцами осколки из спины и провел сеанс аутентичного «сшивания» тканей. В оздоровительной практике «живы» этот прием работы с тонкими энергиями назывался «мертвой водой». Сам прием выглядел так.

Тарас вытянул руки вверх, раздвинул пальцы, вызвал в памяти образ солнца (днем этого делать не пришлось бы) и *всосал* пальцами поток энергии, направляя его в солнечное сплетение. Когда энергии набралось достаточно – ощущалась она, как мерцающая огнями раскаленная лава, – он направил ее по соответствующим меридианам к ранам на спине. Через несколько минут раны затянулись.

Как лечился Елисей Юрьевич, пытавшийся прикрыть собой прокурора и получивший в результате несколько пуль и осколков, Тарас не видел, но был уверен, что учитель использовал тот же прием «живы», либо какие-то другие, не менее действенные практики самовосстановления.

Мать Антона Кирилловича пришлось отвезти в больницу – гипертонический криз. Смерть сына и невестки привела ее в шок, и жизнь женщины висела на волоске. Тоня с момента смерти родителей не произнесла ни слова, и вывести ее из состояния фрустрации Тарасу не удалось. Он только снял

с нее шоковый морок, а потом просто сопровождал девушку везде, принимая ее переживания по каналу духовной связи. Это должно было помочь ей справиться с горем. В конце концов Тоня осталась в больнице с бабушкой, и Тарас с учителем вернулись в разгромленный дом прокурора, чтобы хоть как-то привести его в порядок.

В начале восьмого они отправили на грузовике трупы животных – двух коз, собаки и коровы, – затем кое-как забили досками дыры в полу гостиной, очистили комнаты от обломков мебели, осколков посуды и стекла, расставили уцелевшие стулья и кресла по местам и сварили себе кофе. Дом еще был оцеплен омонвцами, на улице дежурил БТР, и можно было не опасаться повторного нападения. Елисей Юрьевич разговаривал мало, междометиями, было видно, что он давно решает какую-то внутреннюю проблему, не делаясь информацией с учеником.

Следователь и работники прокуратуры, которую возглавлял Антон Кириллович, уехали еще в пять часов утра, пообещав разобраться с нападением и выявить заказчика. Но Тарас почему-то был уверен, что если это и произойдет, то не скоро. Уж слишком наглой была атака на прокурорский дом, хорошо рассчитанной и точной. Нападавшие знали, кто у прокурора в гостях, и не пожалели ни женщин, ни дочь Антона Кирилловича, ни гостей.

Впрочем, могло быть и так, что охотились боевики вовсе не за Хованским, несмотря на его жесткое отношение к бан-

дителям, а за его важными гостями, хотя при этом сразу вставал вопрос: откуда к террористам просочилась информация о прибытии москвичей. Знали об этом буквально два-три человека из местного отделения ФСБ.

Выпив чашку кофе, Тарас не удержался и задал этот вопрос учителю. Елисей Юрьевич, сменивший пробитую и окровавленную одежду, долго не отвечал. Пил кофе мелкими глотками. Думал. Потом вспомнил об ученике.

– Цель атаки была – мы. Точнее – я.

Тарас подождал продолжения.

– Почему вы? За что? Ведь они и так убили... ваших... или это месть за что-то? Может быть, кто-то из полевых командиров имеет зуб на вас?

Елисей Юрьевич качнул головой:

– Я не воевал. Дело в другом.

– В чем?

Долгое молчание. Елисей Юрьевич допил кофе, поставил чашку и поднял на Тараса измученные глаза, в которых всплыли долго сдерживаемые тоска и боль:

– Тебе этого лучше не знать.

– Почему?

– Твои реакции на такие вещи не всегда адекватны.

Тарас набычился.

– Зло должно быть наказано... а справедливость восстановлена! Человек, а вернее, нечеловек, убившая невинную женщину, жить не должна!

Елисей Юрьевич снова покачал головой:

– Этому я тебя не учил.

– Меня учила жизнь. Я два года служил в спецназе, воевал в Таджикистане с наркокурьерами. Эта мразь ничем не отличается от здешней мрази. Она должна быть ликвидирована!

– Если таковы твои убеждения, то Герард прав – ты не готов к восприятию ценностей Круга. Хорошенько запомни: месть *не дает* избавления!

– В данном случае это не месть, – упрямо сжал губы Тарас. – Это возмездие!

– Не будем спорить. Жизнь убедит тебя в конце концов... или не убедит. Выполни только одну мою просьбу. Я уже не смогу тебя чему-либо научить, ты уходишь, и я это вижу. Но все же попробуй тщательнее рассчитывать каждый свой шаг. Иначе путь потерь для тебя будет слишком жестоким.

Тарас отвернулся, сдерживая возражения и желание поспорить, сказал через силу:

– Хорошо, учитель.

Посидев так немного, он спросил:

– Что будем делать?

– Ничего, – ровным тоном проговорил Елисей Юрьевич, поднимаясь. – Поможем похоронить Антона с Диной, отправим домой... м-м... «груз-200» и улетим сами. Здесь нам больше делать нечего.

– Но ведь нас хотели убить!

Глаза Смирнова вспыхнули.

– Они *знали*, что нас убить нелегко, это была разведка боем. Меня хотели разгневать, заставить потерять голову, броситься в погоню, чтобы нанести внезапный удар. Пойти у них на поводу, значит – проиграть.

– У кого «у них»?

Елисей Юрьевич расслабился, прошелся ладонью по лицу, успокаиваясь, направился к двери. На пороге оглянулся.

– Я мешаю одному нашему другу. Кстати, ты тоже. Но если они еще надеются, что ты примкнешь к ним, то насчет меня у них сомнений нет.

– Никогда! Но... кого вы все-таки имеете в виду? Дмитрия?

– Дима Щербань – только пешка в их руках. Мощная, уверенная в себе, с большим потенциалом, с задатками оператора, но пешка. Я имел в виду директоров «Купола». И того, кто над ними.

Тарас помолчал, переваривая услышанное.

– Вы имеете в виду...

– Конкере, – ответил Елисей Юрьевич, выходя за порог. – Наместника Монарха Тьмы на Земле.

Тарас остался сидеть в гостиной, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли в кучу. Буря в его душе улеглась не скоро. Было ясно, что учитель *знал*, кто пытался его нейтрализовать, организовав убийство близких, а потом и семьи друзей, но не хотел заниматься расследованием и выявлять исполнителей. Ему надо было помочь.

«Нелюди жить не должны!» – повторил Тарас про себя, заканчивая свой внутренний диалог с самим собой. Путь потерь, о котором предупреждал учитель, для него еще ничего не значил.

Глава 13

В осаде чувств

Отправка «груза 200» – цинковых гробов с телами жены и матери Елисея Юрьевича – не заняла много времени.

В десять часов утра больничный катафалк под охраной БТР отвез убитых на военный аэродром в Ханкале, там гробы перегрузили в чрево «Ан-12», который должен был вылететь в Москву утром следующего дня, и москвичи оказались предоставленными сами себе.

Впрочем, не совсем так. Гибель прокурора и его жены от пуль террористов наложили на них если и не физические, то психологические обязанности, которые надо было выполнять. Поэтому учитель и ученик разделились. Елисей Юрьевич поехал в комендатуру, на встречу с коллегами и представителями правоохранительных органов, занявшихся расследованием инцидента, Тарас же направился в больницу, где все еще находились мать прокурора и ее внучка. Ему предоставили старенький джип «Чероки», корпус которого был усеян заплатами, а стекла кое-где заменены фанерой, и водитель-чеченец, молодой парень с едва пробившимися усами, с ветерком домчал московского гостя до больницы.

Валентина Матвеевна чувствовала себя лучше. Она еще не передвигалась самостоятельно, однако уже сидела в постели и могла разговаривать, хотя было видно, что смерть

сына лишила ее всего, в том числе главного – смысла жизни. Взгляд у женщины был потухший, есть она отказывалась и держалась только из-за внучки, лишь из ее рук принимая лекарства и воду. Ни на один вопрос она не ответила.

Примерно так же вела себя и Тоня, на вопросы Тараса о самочувствии ответив одним словом:

– Ничего...

Понимая, что ничем в настоящий момент он не сможет помочь осиротевшим женщинам, Тарас посидел немного в палате, где находились еще две больные женщины, пообещал Валентине Матвеевне и Тоне посетить их еще раз и с тяжелым сердцем покинул территорию больницы.

В коридоре он едва не столкнулся с невысоким худым подростком, и ему сразу не понравился косой вороватый взгляд парня. Заработала интуитивно-рефлексная сторожевая система. Тарас перешел на пси-видение и стал различать ореолы биополей встречающихся на пути людей. У подростка, шмыгнувшего мимо с видом вора, аура была грязно-желтого, с примесью бурых струй, цвета, что говорило о его злобном и трусливом характере. Тарас пожалел, что не остановил парнишку и не спросил, что он здесь делает.

Он вышел из больницы и увидел за джипом серую «десятку» с синим милицейским номером. В ней находилось трое, и ауры пассажиров чем-то напоминали ауру встретившегося в больнице подростка. Тарас подошел к джипу и сказал водителю:

– Подожди меня здесь, я сейчас вернусь.

Он медленно двинулся вдоль улицы, останавливаясь у попадавшихся киосков, зашел в продуктовый магазинчик и выглянул в окно, не высываясь.

Интуиция не ошиблась. Люди в «десятке» следили за ним. Машина медленно катилась по улице и остановилась недалеко от магазина. Из нее вышел мужчина средних лет, плечистый, с ежиком коротко стриженных светлых волос на круглой голове, не чеченец, но и не русский, судя по разрезу глаз. Он был точно в такой же кожаной куртке, что и убитый прокурор Хованский, в мятых серых брюках и кроссовках, и лежала на нем хорошо видимая печать *спецподразделения*.

Тарас нагнулся к продавщице, сделал *нужное* – виноватое, просящее, извиняющееся – лицо:

– Простите, мне нужно в туалет. Подскажите, где он у вас?

Внушение подействовало. Продавщица улыбнулась и кивнула на дверь в подсобку:

– По коридору направо.

Тарас выбрался в коридор, не замеченный мужчиной в куртке и кроссовках, а оттуда во двор магазина. Подождал, пока грузчики, возившиеся с разгрузкой «Соболя», скроются в подсобке, и перемахнул забор, отделяющий территорию магазина от соседних строений. Обошел магазин дворами и вышел к больнице.

– Поехали на Вавилова, – сказал он, залезая в машину.

Водитель с готовностью включил двигатель и помчался по

указанному адресу, на окраину Грозного, к дому прокурора, практически не соблюдая правил уличного движения.

Доехали, однако, без приключений. На блокпостах и пунктах ДПС джип знали и пропускали беспрепятственно. Похвалив водителя за классное вождение и доставив ему тем самым удовольствие, Тарас отпустил парня и направился к дому Антона Кирилловича. Он собирался «погулять» по астралу в поисках убийц прокурора и жены учителя, после чего подождать Елисея Юрьевича здесь, не рискуя «светиться» перед наводчиками террористов. Попытка слежки, которую он пресек в самом начале, говорила об интересе к персоне эксперта не только бандитов, но и правоохранительных органов. Хотя вполне могло быть, что они сотрудничали.

Охрану вокруг дома сняли, соседи прокурора разошлись, двоюродный брат Антона Кирилловича и родственники жены побоялись ночевать в доме, и он стоял темный, осиротевший, с выбитыми глазницами окон, похожий на скелет живого существа. Однако стоило только Тарасу расположиться в кресле в углу горницы с чашкой горячего чая в руке, как заявили гости.

Их было двое. Один – тот самый плечистый мужичок в кожане и кроссовках, с коротким ежиком волос, и второй – повыше, в плаще и кепке, с бледным одутловатым лицом, на котором выделялись умные цепкие глаза и острый нос. От гостей исходила волна бесцеремонной уверенности и *официальности*, что указывало на их принадлежность к власт-

ным структурам. Тарас мог бы незаметно покинуть дом еще до появления гостей, почувствовав сначала приближение *направленных* биополей, а потом услышав тарахтение двигателя «десятки», но не стал этого делать. Среди бела дня террористы не рискнули бы нападать на людей, способных дать им отпор, да и *пахли* они иначе.

– Проходите, – сделал радушный жест Тарас, не вставая с кресла. – Будьте как дома. Извините за раскардаш, у нас тут ЧП.

Остановившиеся на пороге мужчины переглянулись, потом гость в плаще прошел на середину горницы. Уголки его губ дернулись. То ли он хотел улыбнуться, то ли сплюнуть.

– Кто же вы на самом деле, господин Горшин? Так уходят от наблюдения, как это продемонстрировали вы, только профессионалы.

– Показать удостоверение? – вежливо предложил Тарас.

– Документы нетрудно подделать.

– Поэтому я не спрашиваю ваши. Наверное, вы из органов. Но не МВД, не так ли?

– Отдел внутренних расследований УФСБ, майор Самофалов.

– Очень приятно. А это, очевидно, сотрудник наружки? – Тарас перевел взгляд на мужчину в куртке.

Тот ответил спокойным взглядом сильного и уверенного в себе человека, подготовленного к экстремальным ситуациям. Противником этот чекист мог стать серьезным.

– У нас к вам два вопроса, господин Горшин, – продолжал гость в плаще, снимая кепку и приглаживая редкие волосики на макушке. – Не будете возражать, если я их задам?

– В принципе нет, хотя я уже все сказал следователю.

– А вот нам кажется, что не все.

Майор Самофалов поискал глазами стул, подтащил его к столу, изрешеченному осколками гранат, сел и развернул папку. Достал шариковую ручку.

– Вопрос первый: кто убил одного из нападавших?

Тарас встретил внимательный острый взгляд карих глаз майора и понял, что тот догадывается об его участии в бою. Пожал плечами.

– Впервые слышу, что один из боевиков был убит. Может быть, его свои зацепили? Почему вы спрашиваете об этом меня?

– Я спрашиваю *всех*. – Майор снова дернул уголком губ, не то намечая улыбку, не то сдерживаясь, чтобы не плюнуть. – Имею на это право. Дело в том, что террориста убили не пулей или ножом, а особым приемом рукопашного боя.

– Да что вы говорите?

– В общем-то, говорю то, что есть. Однако мы знаем, что вы, господин Горшин, владеете таким специфическим видом рукопашного боя, как «наваждение». Вот и подумалось: не вы ли вмешались?

Тарас почувствовал, как напряглись мышцы живота. О том, что он владеет «наваждением», знали всего три чело-

века в мире: учитель, пентарх Герард и Дмитрий Щербань. Служака-майор, даже возглавляющий отдел внутренних расследований УФСБ Чечни, *не мог* узнать об этом ни при каких обстоятельствах. Если только ему не сообщили об этом специально!

Мысли побежали торопливо и вихристо, складываясь в цепочки причинно-следственных объяснений. Стало ясно, что к нападению причастны местные силовики, предупрежденные кем-то из Москвы о прибытии Елисея Юрьевича и нанявшие боевиков для его ликвидации. Но это еще надо было доказать, а положение Тараса складывалось не в его пользу. Он не знал, где сейчас находится учитель и стоит ли сопротивляться, если гости вознамерятся его арестовать.

– Что вы такое говорите? – улыбнулся Тарас, начиная «качать маятник» эмоций собеседника, ведущий к торможению реакций. – Я никогда не слышал о... как вы сказали? Наваждение?

Гости переглянулись.

– Хорошо, пойдем дальше, – не стал акцентировать внимание на этом вопросе Самофалов. – Действительно, свидетели показали, что вы все время находились в доме и никуда не отлучались.

– Точно так, товарищ майор.

– Тогда в связи с этим вопрос второй: почему убили *только* прокурора и его жену, а вас даже не зацепило? Ведь вы тоже находились в доме вместе с убитыми?

Майор впился глазами в лицо Горшина, оставшееся невозмутимым.

– Нам просто повезло, – проговорил Тарас, продолжая давить на психику собеседника интонацией голоса и едва заметными покачиваниями рук.

Майор хмыкнул, расслабился, поскреб за ухом, достал сигареты:

– Курите?

– Спасибо, не курю.

– Правильно делаете. – Гость выпустил клуб дыма. – Как говорится: курить – здоровью вредить. Хотя иногда этот процесс полезен, особенно когда играешь в карты. Есть даже неписаное правило: кури больше – партнер дуреет. Я был недавно в Эстонии, так там приняли очень суровый закон в отношении курильщиков. Там штрафуют за курение даже в подъездах и на лестничных площадках.

– Очень интересно, – вежливо сказал Тарас, добавляя в тон голоса вкрадчивое сочувствие.

Майор поперхнулся, удивленно вскинул на него глаза, затушил сигарету и встал.

– К сожалению, гражданин Горшин, вам таки придется проехать со мной в управление.

– По поводу чего? – Тарас *надавил* на психику Самофалова сильнее, добавляя убедительности колебаниям рук.

Майор в нерешительности посмотрел на своего помощника, закрыл глаза, мечтательно расслабляясь, потом опомнил-

ся и сделал озабоченное лицо.

– Вы так и не ответили на мои вопросы. А жаль. Не пришлось бы ехать с нами, устраивать допрос по всей форме, с применением спецсредств.

– Но ведь я и так не поеду с вами, – кротко и доверительно сказал Тарас. – У вас нет никаких оснований, а главное – письменных распоряжений начальства для моего задержания. Не так ли?

Майор с сомнением почесал за ухом и, наверное, вообще *уплыл* бы в беспмятство, если бы не его молчаливый помощник в куртке. Он достал пистолет, навел на Тараса и негромко произнес:

– Пошли. Аппарат покажет, что ты знаешь.

Он, вероятно, имел в виду детектор лжи. Такие устройства, компактные и эффективные, основанные на фиксации физиологических реакций человека во время допроса, появились и на вооружении работников отечественных спецслужб.

Тарас заглянул в его прозрачные глаза и понял, что этого коротко стриженного аборигена *качанием* биополей не проймешь. Его пси-сфера была хорошо защищена высоким порогом отсутствия сомнений и мыслей вообще. По сути, он был хорошо тренированным биороботом, готовым выполнить любой вербальный приказ начальства или целенаправленную пси-команду.

Однако от эксперимента по переподчинению чекиста Та-

раса спасло появление учителя.

Он возник в проеме двери совершенно бесшумно, как призрак, и несколько мгновений исподлобья смотрел на сцену в гостиной. Затем прошел вперед и проговорил сухим, наждачным голосом:

– Что здесь происходит?

Майор Самофалов и его напарник оглянулись.

В тот же миг Тарас выпрыгнул из кресла, жестом фокусника выкрутил пистолет из руки мужчины в куртке и приставил ствол к его виску. Тот дернулся и замер, меняясь в лице.

– Это лишнее, – сказал Елисей Юрьевич, бросив взгляд на Горшина.

Тарас привычно разрядил пистолет, сунул обойму в карман чекиста, а пистолет ему в руку и сел на место с безмятежным взором. Ошеломленный такой демонстрацией превосходства, стриженный чекист в нерешительности посмотрел на своего командира, достал обойму, но заряжать пистолет не стал.

– Ну-с, что происходит, джентльмены? – повторил вопрос Елисей Юрьевич.

– Меня хотели забрать в управление для допроса, – ответил Тарас. – Товарищу майору очень хочется знать, почему мы остались живы.

Самофалов спохватился:

– Э-э, собственно говоря... мы уже кое-что выяснили... но было бы недурно, товарищ полковник, если бы вы... э-э,

были с нами более откровенны.

Елисей Юрьевич достал из кармана сложенный вчетверо плотный лист бумаги с золотым двуглавым орлом и эмблемой ФСБ, сунул под нос майору:

– Читайте.

Самофалов прищурился, разглядывая текст документа.

– Подателю сего, полковнику Федеральной службы безопасности Смирнову... э-э... разрешено...

Майор поднял глаза. Лицо его слегка порозовело.

– Ваш карт-бланш не имеет...

– Имеет! – коротко бросил Елисей Юрьевич, пряча бумагу. – А теперь извольте выйти вон!

Это было сказано таким тоном, что оба представителя власти вздрогнули, вытянулись и молча направились к выходу. Хлопнула входная дверь, смолкли шаги идущих, заработал двигатель машины. Гул удалился, стало тихо.

Тарас хотел спросить, почему учителя не задержали те, кто сидел в машине, но вовремя прикусил язык. Чекисты его, наверное, просто не увидели.

– Даже если бы я сказал им правду, – проговорил Тарас, – они бы не поверили. Но все их вопросы привели меня к мнению, что утечка информации произошла именно в местном отделении вашей конторы. Этот майор пришел по наводке.

– Знаю, – отрывисто бросил Елисей Юрьевич, направляясь к выходу. – Утечка информации произошла в Москве. Нас просто «заказали». Посиди, я схожу к соседям, будем

готовиться к похоронам.

Он вышел.

Тарас откинулся на спинку кресла, расслабляясь, и подумал, что учитель *знает*, кто убил его близких и семью прокурора, но *не хочет* заниматься поисками убийц. Не из трусости. Из каких-то этических соображений, которых сам Тарас не принимал. Жизнь постоянно доказывала, что ненаказанное зло родит еще большее зло, и этот закон действовал неукоснительно везде и всегда.

Похороны прокурора и его жены состоялись на новом кладбище столицы Чечни, расположенном на левом берегу Сунжи, за городом. Присутствовали коллеги Антона Кирилловича по работе, официальные лица из силовых ведомств – УВД, ФСБ, прокуратуры, армии, немногочисленные соседи Хованского и омовцы, охранявшие подступы к кладбищу во время короткой церемонии прощания с погибшими.

Из родственников прокурора на похороны прилетел из Владикавказа брат Антона Кирилловича Петр. Мать прокурора не смогла подняться и осталась в больнице. Ей снова стало хуже.

Короткую речь сказал мэр Грозного, выступили начальник УФСБ и зампрокурора.

Сухо треснул залп салюта.

Хмурые люди стали расходиться по машинам. Через минуту кладбище опустело.

Елисей Юрьевич проводил почерневшую от горя Тоню

до милицейского «уазика», сел сам, подвигаясь, освобождая место для Тараса. Но тот покачал головой, отступая, закрыл дверцу:

– Я останусь на несколько минут.

Елисей Юрьевич непонимающе посмотрел на него, сдвинул брови:

– Не дури. Это не место для прогулок.

– Не беспокойтесь, учитель, обещаю вести себя достойно.

Я скоро вернусь.

Полковник еще раз внимательно заглянул в глаза Тараса, пытаясь прочесть его мысли, наткнулся на блок, усмехнулся и кивнул водителю:

– Тронулись, лейтенант.

Машина милиции, сопровождаемая микроавтобусом с омоновцами, уехала. Тарас остался один в глухой тишине кладбища, окруженный свежими крестами и обелисками. Вспомнились похороны отца, погибшего в шахте от взрыва газа. Отец никогда не жалел времени для занятий с сыном и многое ему дал, хотя Тарас редко соглашался с его мнением по тому или иному вопросу. Тарасу он казался слишком мягким и добрым, не любил конфликтов и советовал сыну никогда не отвечать злом на зло. Тарас горячился, доказывая, что нельзя подставлять другую щеку, если тебя ударили по одной, что надо отвечать адекватно, так, чтобы никому nepовaдно было бить людей по щекам, а тем более калечить их или убивать. Но переубедить отца так и не смог. Хотя вра-

ги у него были. Точнее, завистники. Отец был силен, добр, хорошо зарабатывал, не обижался на не раз обманывавших его людей и этим разжигал их зависть и злобу. А когда его особенно доставали, отшучивался словами Оскара Уайльда:

– В друзья я выбираю себе людей красивых, в приятели – людей с хорошей репутацией, врагов завожу только умных.

Правда, вопреки этому заявлению врагов он не заводил никаких. Они появлялись сами, хотя в глаза отцу предпочитали говорить приятные слова, мечтая всадить ему нож в спину...

Тарас очнулся, поймав спиной тонкий лучик чужого взгляда. Дремлющая до поры до времени интуитивно-рефлексная сторожевая «собака» организма наострила уши и заворчала.

В принципе, именно этого Тарас и добивался, точно зная, что за похоронами наблюдали и осведомители террористов. Надо было заставить их высунуться, потерять бдительность, раскрыться, чтобы потом внезапно из мышки превратиться в кошку и ударить в нужный момент. Только так и можно было выяснить, кто убил жену учителя и его друга, с которым он был знаком уже не один десяток лет.

Однако расчет Тараса оправдался в более жестком варианте, чем он прикидывал. Не успел он оглядеться, ожидая увидеть гостей, как укол острой угрозы буквально прошил голову. На него не просто смотрели издали, на него смотрели через окуляр прицела, и палец снайпера уже начал движение.

Никогда ранее Тарас не приводил себя в сингл-состояние такими ударными темпами. Ему удалось это сделать всего за две секунды, и, уже убирая голову с линии прицела, он почувал – не услышал – тугой ментальный щелчок: пуля, вылетевшая из дула снайперской винтовки, погнала впереди себя энергетическую волну.

Она все-таки задела его – попала в плечо – и прошла насквозь, как через слой тумана. Несмотря на ее скорость, тело успело приобрести свойства анима – одной из сиддх, которая выражалась в способности мастера уменьшать массу и плотность тела.

Тарас упал между могил, ожидая второго выстрела. Но его не было. Затем, спустя несколько минут, послышались осторожные шаги, и на кладбище появились люди. Трое, все с заросшими лицами, бородатые, в куртках «инглиз» и моджахедских шароварах, на головах – спортивные вязаные шапочки, у одного – зеленая лента поверх шапочки. Он держал в руках винтовку с оптическим прицелом иностранного производства. Двое других были вооружены автоматами.

Тарас видел их не напрямую, «третьим глазом», но почти так же хорошо, как если бы смотрел обычным способом.

Его поза и кровавое пятно на виске – он создал «рану» усилием воли – должны были убедить убийц, что жертва мертва. Однако на всякий случай он послал всем троим пси-волну «трупного окоченения», и делать контрольный выстрел они не стали. Разговаривая на дикой смеси русского

и чеченского языков, все трое подошли к «мертвецу», один из них, с винтовкой, наклонился над телом, и Тарас взмыл в воздух, начиная скоротечный и жестокий бой.

Вся схватка с не ожидавшими сопротивления «духами» длилась несколько мгновений.

Тарас повернул дуло винтовки в сторону замерших от неожиданности бородачей с автоматами, не выкручивая ее из рук снайпера, и дважды нажал на спусковую скобу. Затем локтем врезал снайперу в горло, ребром ладони отбил нож и всадил его же в бедро противника. С воплем бородатый снайпер отшатнулся, хватаясь за бедро. Глаза его побелели от боли. Тарас направил на него ствол винтовки и четко выговорил, внушая моджахеду дикий страх:

– Не ответишь на вопросы – убью! Ну?!

Бородач, еще молодой, лет двадцати пяти, не больше, упал на колени, побледнел, не сводя расширенных глаз с «ожившего мертвеца».

– Кто тебя послал?!

Снайпер закусил губу, так что на бороду стекла струйка крови, сказал глухо, с акцентом:

– Командира послал...

– Кто?!

– Хамзат... Гелаев...

– Откуда он узнал, что мы приедем в Грозный?!

– Вас... заказали...

– Кто?!

Бородач побледнел еще больше, буквально помертвел, только глаза светились волчьей ненавистью.

– Говори!

– Не знаю... командира знает... приезжала федеральный начальник, говорил командира...

– И после этого вы убили женщин на рынке?!

Снайпер попытался отодвинуться, спасаясь от пылающего взгляда Горшина, затрясся.

– Я не убивал... это Мартан... нам приказали... не убивай!

– Женщин вы, однако, не пожалели! Где находится база Гелаева?!

Бородач облизнул губы, глядя на Тараса, как кролик на удава.

– В ущелье... близко горный хребет...

– Какой хребет? Тарский? Грозненский? Точнее!

– Грозный... близко... пять-четыре километр...

– Как туда пройти?!

– Есть подземный ходы... за Сунжа... но ты не пройдешь... – Глаза чеченского снайпера обрели осмысленное выражение, в них сквозь муть подавленной воли и пелену страха проступила некая решимость, будто он получил энергетическую подпитку. – Мы вас всех порежем! – продолжал боевик окрепшим голосом. – Горла перегрызем! Кишки выпустим и на шею намотаем!

– Верю, – усмехнулся Тарас. – Это единственное, что вы

умеете делать хорошо. Вот только не богоугодное это дело – кишки выпускать и женщин убивать. Спасибо за информацию. Иди к своему командиру и передай ему, что я скоро к нему приду. Надеюсь, трупы этих шакалов с автоматами вы уберете сами.

Тарас закинул винтовку за плечо дулом вниз, не ставя ее на предохранитель, и зашагал прочь.

– Ты мертвец! – прошипел оставшийся боевик, выдергивая нож из бедра, и бросился на Тараса.

Между ними было около шести метров, и это расстояние моджахед пролетел в долю секунды, будто его послала какая-то сверхъестественная сила. Однако Тарас все еще находился в потоке времени *темна*, не оглядываясь, он повернул дуло винтовки навстречу бородачу и нажал на курок.

Выстрел, сдавленный вопль, стук упавшего тела. Нож выпал из скрюченных пальцев снайпера, пальцы еще некоторое время поскребли землю и расслабились.

– Умри с миром, – пробормотал Тарас, чувствуя необычную усталость. Прислушался к себе.

Кладбище было расположено в геопатогенной зоне, отнимавшей силы избирательно, только у тех, кто здесь был чужим, и эта же зона давала силы тем, кто родился и вырос на этой земле.

С этим чувством чужеродности, утопив винтовку в Сунже, Тарас и добирался до дома прокурора, благополучно избежав стычек с местными жителями, бандитами и предста-

вителями правоохранительных органов. Однако решимость его довести расследование до конца не исчезла. В деле с нападением на московских гостей, начавшемся расстрелом женщин, появилось странное обстоятельство, выраженное снайпером из отряда полевого командира Хамзата Гелаева двумя словами: «Вас заказали». Очень хотелось выявить заказчика, явно принадлежавшего к какой-то из федеральных спецслужб. А корни заказа тянулись в Москву, к руководству «Купола», в этом Тарас был уверен почти на сто процентов. Учитель – как исключительно толковый советник директора ФСБ – действительно настолько мешал этой мощной криминальной организации, что она пошла на самый жестокий вариант вызова Елисея Юрьевича в Чечню, чтобы здесь его ликвидировать руками чеченских террористов.

«Что ж, если вы за ценой не стоите, – подвел итоги своим размышлениям Тарас, подходя к дому прокурора, – то и мы вправе ответить тем же манером. Прости, учитель, но я пойду дальше».

Глава 14

Хранитель

Он появился в доме так тихо и бестелесно, не потревожив его биополей, что Елисей Юрьевич заметил гостя, только войдя в горницу. Хранитель Матфей стоял в углу и рассматривал простенькую иконку, которую пощадили осколки гранат и пули боевиков. Оглянулся на остановившегося в молчании коллегу.

Хранители в иерархии Внутреннего Круга занимали промежуточное положение между адептами и ангелами. Их было мало, а ответственность, лежащая на них, высока, и Хранители редко вмешивались в ситуации на физическом плане. Образно говоря, они видели невидимое, слышали скрытое, преодолевали барьеры недостижимого, понимали подоплеку реальных жизненных процессов и создавали континуальные линии управления ситуациями задолго до их реализации.

Обычно Хранители не обсуждали события с представителями других иерархических слоев Круга, поэтому появление Матфея означало некое осложнение ситуации или же говорило о важности прогнозируемых событий.

– Здорово, – произнес Матфей нараспев, раскатисто, с бархатистыми интонациями, чуть поклонившись.

– Буде, – ответил Елисей Юрьевич, делая ответный поклон. – Что-нибудь случилось?

– Вопрос некорректен, – с мягкой улыбкой, осветившей его строгое лицо, сказал Хранитель. – В каждое мгновение что-то случается в мире. Что касается нашей *системы*, то прогноз неблагоприятен.

– Вы имеете в виду Равновесие?

– Равновесие нарушено давно, что выражено еще словами классика: нет в мире совершенства. Я имел в виду другое. Процесс девальвации совести убыстряется, идет блокирование связи с Богом на уровне энергетики, а это уже почти катастрофа. Монарх опережает ангелов Круга.

– Я это вижу.

– К сожалению, вы видите не все, иначе проследили бы причинные связи, заставившие вас приехать сюда.

Елисей Юрьевич покачал головой, указал на кресло:

– Прошу вас, присядьте. Чай, кофе?

– Спасибо, я ненадолго.

Они сели: Матфей в предложенное кресло, Елисей Юрьевич на диван.

– Я *проследил* причинные связи, – сказал он бесстрастно. – Просто не хватило глубины предвидения. Я не ожидал, что Конкере пойдет на уничтожение совершенно невинных людей ради моей нейтрализации. Кстати, вы знаете, кто он на данный момент?

– Естественно. Президент «Купола». До тех пор, пока жив носитель.

Елисей Юрьевич кивнул.

Хранитель имел в виду то, что Конкере – эмиссар, или, точнее, «проекция» Монарха Тьмы, его воплощение в земной реальности, мог внедряться в любого человека, не имеющего *совести*, и в настоящее время он «жил» внутри главного босса «Купола».

– Его надо... нейтрализовать.

– Конкере сменит носителя, ничего не изменится.

– Тогда он... непобедим?

– Он силен, но не всемогущ, – покачал головой Матфей. –

Конкере – лишь дух Монарха, квазиживая сущность, которую действительно можно нейтрализовать. Но и сам Монарх, в свою очередь, не всемогущ и не бессмертен, так как никогда не сможет выйти за пределы Божьей Воли. Поэтому он и вынужден опираться на смертных людей, потерявших Божью искру. Вот смотрите.

Перед Елисеем Юрьевичем в воздухе образовался светящийся объемный чертеж.

– Монарх жаждет вырваться из плена Закона, но это не в его власти, – продолжал Хранитель. – Ибо как Природа всегда имеет противоядие против любого своего яда, так и Творец имеет средство против деятельности любого своего сына, в том числе такого уродя, как Монарх.

Елисей Юрьевич смотрел на гостя, пытаясь понять его, и Матфей добавил:

– Это средство – человек.

Некоторое время длилась пауза. Хранитель молчал, убрал

свой «чертеж», Елисей Юрьевич думал. Потом сказал:

– Но человек по природе своей – разрушитель.

Матфей кивнул, соглашаясь и не соглашаясь одновременно.

– Разрушение не всегда можно назвать злом. Хотя в нарушении Равновесия виновен именно человек. Причем вполне конкретный. Потому что цивилизацию создавали не человеческие массы, а самоотверженный поиск и деятельность людей высшего типа. Индивидуалов. Одиночек. И это – истина.

– Истина доступна немногим.

– Те, кому она доступна, должны помнить, что существует система искажения реальности, пестуемая Монархом. Микроскоп, телескоп, роман, картина, спектакль – это все примеры искажения реальности. Важно сохранить главное – *знание* и целостность мировоззрения, исходящие от Творца и приводящие к Нему. Но я обеспокоен другим. Ваш ученик...

– Дмитрий?

– Нет, Горшин. Незавершенный.

– Дмитрий тоже не завершил цикл необходимой настройки на совесть.

– Поэтому мы и закрыли ему канал прямого доступа к Хроникам. Не пришлось бы то же самое делать с Горшиным.

– Почему он вас так беспокоит?

Хранитель выдержал паузу.

– Он слишком увлекается физическим воздействием на мир, забывая о бесконтактном пресечении потоков нег-ин-

формации, в том числе – боевых нападений.

– Бесконтактное пресечение боя – то же нападение...

– Но раньше нападающего, в результате такого дистанционного оперирования отпадает надобность в прямом физическом контакте.

– У него все впереди.

– Надеюсь. Постарайтесь вложить в него основное: воин должен быть отстранен от зла и ненависти прежде всего внутри себя. Если он этого не примет, мы получим еще одного носителя *тьмы* или, по крайней мере, равнодушного.

Елисей Юрьевич покачал головой.

– Уверен, равнодушным он никогда не станет. Тарас действительно индивидуалист, одиночка, однако его тяга к восстановлению справедливости основывается не на агрессивном восприятии мира и стремлении показать свою силу, а на защите чести и достоинства.

– И все же он слишком самостоятелен, это пугает координаторов.

– Герарда?

– Не только. Герард вообще считает, что Горшину рано знать Ключи метаязыка. Он не обладает надлежащей степенью самодисциплины.

– Герард ошибается.

– Возможно, – легко согласился Матфей. – Все мы не безгрешны. Как говорится – легко быть святым, не имея соблазнов. Но и ошибаться в подборе кадров мы не должны.

– Я понимаю. – Во взгляде Елисея Юрьевича на миг всплыла тоска, но он тут же загнал ее в глубину души. – Коль уж речь зашла о Горшине, у меня к вам просьба, патриарх.

– Слушаю, мастер.

– Попросите Герарда дать Горшину линию ДН. Хотя бы на определенный срок.

Хранитель задумался, сцепив пальцы рук на колене.

Речь шла об особой программе магической защиты, имеющей название «демпфирование неприятностей». Еще ее называли «программой пологого спуска». Чтобы не случилось более страшного в жизни защищаемого человека, программа реализовала веер «мелких бед» – от кражи денег, вещей до поломки машины, занозы в палец, падения с крыльца и ушибов.

– Хорошо, я пообщаюсь с Герардом, – сказал наконец Матфей. – Хотя это и против моих правил. К тому же я не уверен, что Герард согласится.

– Тогда пусть отдаст Тарасу мою личную линию ДН.

– Вы так им дорожите?

– Он мне как сын.

– Что ж, Горшин мне тоже симпатичен, и ему хочется помочь. Тем более что в одном из вариантов будущего он может привести в Круг меченого.

– Кого? – не понял Елисей Юрьевич.

– Так я называю будущего воина и мастера, чья сущность еще спит, но душа уже нащупывает Путь и встречается с во-

дителем.

– Неужели с инфархом? – удивился Елисей Юрьевич. – И кто же этот... меченый?

– Мой тезка Матвей Соболев. Однако сегодня речь не о нем. Горшин не должен стать рабом своих чувств, поэтому на вас лежит огромная ответственность за его нравственный выбор.

Елисей Юрьевич выдержал бесконечно мудрый и потому имеющий оттенок сожаления и грусти взгляд Хранителя, почувствовал неприятный холодок в сердце и понял, что собеседник *знает все*, что произойдет с ним и с Тарасом Горшиным.

Взгляд Матфея изменился.

– Да, знаю, – сказал он тихо, прочитав мысль Смирнова. – Но это знание вам не поможет. Я не имею права контролировать каждый вариант будущего, а тем более – каждый ваш шаг. Вы допустили две ошибки, ведущие к очень негативным последствиям: первая – приехали сюда без согласия иерархов, вторая – взяли с собой ученика.

Елисей Юрьевич потемнел:

– Я не мог не приехать! Убили моих...

Хранитель поднял ладони, успокаивая собеседника, сказал с глубоким сочувствием и скорбью:

– Я вас не осуждаю, мастер. Возможно, и я поступил бы так же на вашем месте. И все же объективно – это ошибка.

Елисей Юрьевич сжал зубы, сдержал резкое слово, унял

обиду, глухо проговорил, пряча лицо в ладонях:

– Согласен... Что вы посоветуете?

– Отвлеките Горшина, дайте ему знание девятого Ключа, но ни в коем случае не давайте знание «октавы смерти».

Елисей Юрьевич кивнул. Речь шла о боевых звукопакетах, применение которых вело к смерти любого человека. Октава звучала так: морок – мора – мера – сумера – сумери – умерь – умри!

– Пусть обратит внимание на внутреннее созерцание, а не на внешнее давление, – продолжал Хранитель. – Время брани еще не пришло. И будьте осторожны. Конкере запустил программу ликвидации.

Елисей Юрьевич пристально посмотрел на гостя.

– Вы знаете... ее конечный результат? Я... обречен?

– Пятьдесят на пятьдесят, – ответил Хранитель честно. – Существует всего два варианта вашего *личного* будущего. В одном вы...

– Я понял.

– Ваша линия ДН на пределе. Усилить ее можно, только переложив часть кармы на кого-то из близких вам людей.

– На Горшина? – догадался Елисей Юрьевич. – Вы предлагаете мне подставить его вместо себя?

– Я обсуждаю вариант, – мягко сказал Матфей. – Зная, что вы на это не пойдете.

– Никогда! – твердо пообещал Елисей Юрьевич. – Пусть забирает остатки моей ДН, мне она уже не нужна.

– Тогда у меня последнее. Вы должны знать, что за вашим учеником также началась охота. Враг догадывается о походах Горшина по родовой памяти в прошлое и, естественно, желает воспользоваться этим каналом получения информации для овладения метабоём и метаязыком. Второе гораздо опасней. Если Конкере доберется до этого знания, наша система получит ощутимый удар.

– Я этого не допущу.

– В таком случае у меня больше нет вопросов. Удачи вам, мастер.

И Хранитель исчез. Пространство не было для него помехой для достижения любого места на Земле. Да, наверное, и во Вселенной. Хотя это было всего лишь предположение, вселяющее надежду на реализацию собственных планов. Впервые в жизни Елисей Юрьевич пожалел, что не достиг таких высот самореализации, которые позволяли бы ему так же легко уходить от проблем жестокого земного бытия.

Глава 15

Прошлое зовет

Мобильный телефон после схватки с киллерами на кладбище не желал включаться, и Тарас вынужден был искать Елисея Юрьевича в известных ему местах: в больнице, где шла подготовка тел матери и жены учителя к транспортировке, и в местном управлении ФСБ. Однако ни там ни там Елисея Юрьевича не оказалось, и, поймав частного, Тарас опять поехал к дому прокурора, надеясь в спокойной обстановке обдумать дальнейший план действий. До вечера он намеревался выяснить точное местонахождение базы Гелаева и ночью завершить задуманную акцию по уничтожению боевиков и выяснению местных и московских заказчиков убийства близких учителя. О том, что он только что уничтожил трех боевиков Гелаева, душа не сожалела.

Елисей Юрьевич отсутствовал и здесь, но на столе в гостиной лежала записка: «Тарас, Тоня в больнице с бабушкой, жди меня к четырем, никуда не отлучайся». Тараса это вполне устраивало, до четырех еще оставалось достаточно времени на реализацию собственных задумок, и он, вскипятив воду и заварив чай, устроился в гостиной, в окна которой уже были кое-где вставлены стекла и фанера – очевидно, позаботились соседи, среди которых еще оставались русские либо работники прокуратуры. Зачесался нос, и Тарас мимо-

летно вспомнил примету, что если чешется нос – непременно услышишь известие о покойнике или же о новорожденном. Примета, в общем-то, оправдывалась, покойников вокруг хватало. По их числу эту командировку Тараса можно было считать рекордной.

Горячий чай перевел организм в другой тепловой режим. Захотелось окунуться в бездны прошлого, найти Гипертексты с расшифровкой Ключей метаязыка и узнать правила древнейшей системы боя. Тарас настроился на объемное видение-чувствование пространства, огляделся в поле *внимания* поисках холодных «сквозняков опасности». Все было спокойно. За домом никто не наблюдал, злые намерения в радиусе километра отсутствовали, и единственным очагом напряженного бдения был блокпост неподалеку.

Тогда Тарас устроился поудобней и начал настройку сознания для похода в глубь самого себя, в генную память рода. Надо было «услышать землю» корнями волос – через все тело, и «ощутить небо» ступнями – сквозь голову, тело и ноги. Растворение сознания в потоке времени пришло с тихим звоном струны, и Тарас почувствовал, как спираль энергии закручивается со лба на затылок, нагревая его до золотистого свечения, переходит на позвоночник, образует вихрь вокруг тела и начинает стекать в углубляющуюся воронку под ногами. В какой-то момент он ощутил, что находится одновременно в трех разных временах и пространствах, причем в мире, где осталось его тело, живет далеко не главная часть

«общего» многомерного организма.

Спуск «на дно» памяти длился мгновение – и вечность! С гулом и плеском Тарас выпал в сознание предка и начал осматриваться, пытаясь определить, в каком времени и в чьем теле он оказался на этот раз.

Инсект и не Первочеловек, как надеялся «путешественник по внутренним временам». Предшественники людей жили совсем в другом мире⁶, и принципы их отношений между собой и с природой были для Тараса темны и загадочны. Созданная ими культура едва ли базировалась на тех же законах и морали, что и человеческая.

К тому же они имели силу, способную творить события вселенского масштаба, в то время как люди в массе своей не имели и миллионной доли этой прекрасной и страшной силы. Поэтому оценить смысл совершенствования и цели существования Инсектов Тарас едва ли смог бы. С другой стороны, люди переняли у своих предков-нелюдей уникальный дар творческого созидания, и это уравнивало их со всеми предками и разумными существами космоса и позволяло наслаждаться не результатом, а самим процессом творчества и ощущением причастности к Роду.

Процесс вживания в личность предка длился недолго, хотя Тарас оценивал его длительность больше эмоционально, нежели реально. Свет, окутывающий его со всех сторон, рас-

⁶ К примеру, миллионы лет назад Земля имела меньший диаметр и иной состав атмосферы.

ступился. Теперь он мог не только чувствовать мир предка своей сферой восприятия, но и видеть его глазами.

Он (то есть предок) стоял на корме какого-то большого корабля и, задумчиво сложив на груди две пары рук, смотрел на след, оставляемый кораблем за кормой. Судя по отсутствию берегов и вообще какой-либо суши на горизонте, корабль пересекал море или океан, направляясь к неведомой цели точно на север.

Корабль был велик – от кормы до носа его длина составляла, по оценке Тараса, не менее двух сотен метров – и необычен. Вместо мачт он имел три конусовидных башни с ромбической насечкой, на вершинах которых вращались огромные пятилопастные винты. Они-то и создавали тягу, позволяя кораблю вспарывать океан со скоростью не менее пятидесяти узлов.

Кроме башен, на палубе виднелись две обтекаемые пристройки неизвестного назначения, похожие на поплавки с рядами люков, а также грибообразные выросты, напоминающие кнехты для закрепления канатов, только в пять-шесть раз больше.

Корма корабля выступала над палубой примерно на шесть метров, полого опускаясь к первой башне, и, вероятнее всего, в ней располагались кубрик экипажа и каюты для пассажиров. Хотя ни матросов, ни вообще каких-либо живых существ видно не было. Предок Тараса, в неподвижности созерцавший поверхность океана, находился в одиночестве.

Одет он был в блестящий, стеганный ромбами плащ, в мохнатые сапоги до колен и в доху из шкуры медведя или родственного ему зверя, накинутую сверху на плащ. Вооружение предка составляли торчащие за поясом меч в ножнах и штук пять кинжалов, а также арбалет за плечами. Судя по излучаемым предком полям, он терпеливо ждал конца пути и занимался в основном медитацией, нейтрализующей сильные эмоции вроде гнева, ненависти или радости. Вывести его из этого состояния могла бы, наверное, только внезапная встреча с врагом или катастрофа корабля.

Тарас, нуждавшийся в информации другого рода, с разочарованием подумал, что неправильно выбрал момент остановки спуска в прошлое, собрался было возвращаться «наверх», в свое время, и в этот момент на горизонте показался колеблющийся силуэт какого-то объекта. Больше всего этот объект напоминал шар одуванчика на тонкой серой ножке, покачивающийся под порывами ветра.

Предок встrepенулcя, снял с пояса аппарат, напоминающий трехтубусный бинокль, приладил окуляры к глазам верхней парой рук. Нижняя пара в это время сняла с плеча арбалет и вставила короткую черную стрелу без оперения, но с насечкой.

Поле зрения Тараса покрылось светящейся сеточкой, что резко ухудшило видимость. С другой стороны, это было в порядке вещей. Тарас уже не один раз становился свидетелем того, как применение предками биноклей (или прибо-

ров, их заменяющих) сказывалось на его зрении. Очевидно, сознание не успевало подстроиться к видеокартинке, образующейся в мозгу предка при взаимодействии с техническими устройствами того времени.

Корабль продолжал ходко резать форштевнем гладь океана, которую уже начали морщить барашки волн. Вскоре волны стали перехлестывать через борта, хотя ветра по-прежнему не было и небо оставалось чистым, безоблачным, густо-синим, напоминающим глубокий омут. Лишь солнце, клонившееся к горизонту, подернулось оранжевой дымкой.

Однако шторм – в мертвом молчании океана – вскоре начал стихать, толчея волн улеглась, наступил странный штиль, океан успокоился и превратился в гладкое синее стекло с прожилками водорослей и прозрачных потоков в его толще.

«Одуванчик» приблизился, продолжая раскачиваться, как это делают земные растения в ветреную погоду. Стали заметнее детали на его стволе – странные наросты, похожие на ажурные грибы или каповые вздутия на стволах земных деревьев. Пушинки, образующие белесый шар «одуванчика», тоже увеличились, но так и остались пушинками, белыми парашютиками с более темными зернышками.

На корме появились еще двое соотечественников предка Тараса, одетые точно так же. Они рассматривали некоторое время «одуванчик» в бинокли, затем обошли с десяток «кнехтов» на палубе корабля и скрылись внутри одной

из сигаровидных гондол. Спустя минуту гондола вырастила два полупрозрачных побега, которые развернулись веерами и превратились в своеобразные паруса или скорее стрекозиные крылья. Затем с металлическим лязгом гондола отделилась от палубы и косо устремила вверх, набирая высоту. Вскоре она превратилась в летящее семечко клена и скрылась на фоне «кроны одуванчика».

Холодея, Тарас наконец оценил размеры этого искусственного сооружения. Высота его достигала не менее десяти километров, а диаметр «пушистого шарика» – около километра.

Кто же строил этот «одуванчик»? – подумал Тарас с невольным уважением.

И услышал неожиданный ответ подсознания:

«Бинан-аниа-вомбата».

Тарас даже оглянулся – в пределах чувственной сферы, чтобы определить, кто с ним заговорил, никого не увидел и сообразил, что получил не вербальный ответ, а психофизический, энергоинформационный, прямо на слуховой нерв, так как тело продолжало оставаться не только носителем его сознания, но и памяти рода. По сути, он разговаривал сам с собой, не всегда понимая «перевод».

«Повтори еще раз, но на русском языке», – попросил Тарас предка.

«„Одуванчик“ – это Говоритель Слова Власти, – прилетел шелестящий ответ сознания предка, адаптированный под

мысленное восприятие Тараса-потомка. – Его строили из собственных тел лепидоптеры, разумные бабочки».

Только теперь Тарас понял, что наросты на «стебле одуванчика», издали похожие на чешуи или колонии грибов, на самом деле представляют собой «скелеты», точнее, хитиновые остовы бабочек.

Корабль замедлил ход.

На палубе откуда-то появились еще несколько «людей», принялись откидывать колпаки с «кнехтов». Предок Тараса в этой процедуре не участвовал, изредка поглядывая на вырастающий над водой гигантский Говоритель Слова Власти.

Внезапно раздался длинный скрип – как ножом по стеклу, и спутники Тараса попрыгали на корме. Предок Тараса тоже спустился в люк по пояс, положил нижнюю пару рук на поднявшийся перед ним выпуклый щит с десятком членистых рычагов.

Появился летящий зигзагами аппарат в форме гондолы с веерообразными парусами-крыльями. За ним мчалась какая-то необычной формы машина – четыре блестящих прозрачных крыла, два гофрированных бочонка, лапы, длинное рыло с полушариями, отблескивающими, как драгоценные камни, змеевидный хвост. Тарас с содроганием сообразил, что это и есть представитель класса разумных бабочек – лепидоптер.

С черного рыла преследователя сорвалась молния, настигла аппарат «людей». Вспышка ослепительного сине-фи-

олетового света разнесла гондолу на куски, посыпавшиеся на палубу корабля. Отделившиеся от гондолы крылья, плавно кружась, упали в закипевшую воду.

Предок Тараса дернул за рычаги на выпуклом «пульте», и Тарас понял назначение «кнехтов», с которых сняли колпаки. Два из них выплюнули струи дыма, в течение секунды сформировавшие подобие ракет, эти «ракеты» понеслись к лепидоптеру и, несмотря на его скоростные маневры, настигли и превратили в дымные клочья, быстро растаявшие в воздухе.

Однако на этом инцидент не закончился.

От стебля «одуванчика» отделились еще две бабочки, устремились к кораблю, обстреливая его фиолетовыми и ярко-голубыми молниями. Пришлось и против них применять «зенитно-ракетный комплекс», метаящий дымные псевдоракеты. Лишь после уничтожения защитников «одуванчика» предок Тараса снова поднялся на палубу корабля и сложил руки на груди, глядя на приближающийся Говоритель Слова Власти, словно давая знать, что он сделал свое дело.

Что имелось в виду под этим названием, Тарас в точности не знал, но догадывался, что это некий реализатор метаязыка, созданный Инсектами еще до Изменения. В настоящий момент он, очевидно, бездействовал, однако охранялся целевыми Инсектами и мог представлять некую ценность для тех, кто послал к нему экспедицию.

Вскоре стебель «одуванчика» превратился в гигантскую

ажурную колонну толщиной в двести метров. Трудно было представить, что она смонтирована из «скелетов» лепидоптеров, скрепленных меж собой неведомым способом, но результат был налицо, и прочность сооружения поражала воображение, так как простоял «одуванчик» в океане по меньшей мере сотни тысяч, если не миллионы лет.

На палубу корабля высыпали четырехрукие члены экипажа и пассажиры – члены экспедиции. Корабль замедлил ход, обошел ствол «одуванчика» кругом и подплыл к одному боку, где виднелось большое рваное отверстие. Послышались металлически-свистящие голоса, спутники Тараса начали спускать на воду треугольные баркасы из кожистого материала, в котором Тарас признал хитиновые надкрылья и панцири колеоптеров – разумных жуков. Перволюди давно пользовались этим прочным и легким материалом, обнаружив колоссальные кладбища Инсектов, погибших во времена Изменения.

К стволу ушли четыре баркаса с четырьмя гребцами в каждом. Тарас ожидал, что и его предок пойдет на разведку, но ошибся. Пращур рода Горшиных остался на судне, выдвинув из люка на корме знакомый «пульт» с десятком рычагов разной конфигурации и цвета. Из «кнехта» под кормой вытянулась вверх гибкая мачта с зеркалом на конце, напоминающая удилище. Предок развернул его в сторону «одуванчика», подергал за рукоятки, и зеркало испустило пучок света, который уперся в основание колонны «одуванчика».

Удилище оказалось прожектором, точнее, источником когерентного света наподобие лазера.

Пучок света переместился с одного сочленения панцирей лепидоптеров на другое, но тела древних бабочек продолжали светиться, превращаясь в прозрачно-изумрудные друзья драгоценных камней, и Тарас вдруг поймал чужую мысль, развернувшуюся в смысловое поле, понятное его сознанию.

Скелеты лепидоптеров складывались не просто в прочное сооружение, но соединялись в Гипертексты, тексты метаязыка, представляющие собой «заклинания», особые руны, способные изменять реальность! При правильном их использовании, разумеется. Сооружение Инсектов реализовывало *сферу воздействия* на мир, составляя одно целое, объединяя мысль, слово и писание, в то время как в человеке метаязык оказался разделенным на три сферы. Человеческий язык по сути был кодом передачи информации, а не самой информацией. Только соединение языка, мысли и *текста* давало возможность потомкам Инсектов получить инструмент воздействия на реальность посредством *слова*. Хотя человек едва ли мог произносить Слова Власти, представляющие собой многомерные энергоинформационные пакеты, закрепляющие из возможных вероятностных состояний материи только те, которые были нужны обладателю Слова.

И еще Тарас окончательно понял, почему Аморфы, первые разумные коллективные системы Земли, провели Изменение, в результате которого размеры Инсектов уменьши-

лись: разумные насекомые замахнулись на глобальный контроль над земной реальностью, грозя уничтожением всему Мирозданию. Их надо было остановить.

Светящаяся вязь тел-знаков текста продолжала разворачиваться спиралью вслед за движением «прожектора». Предок Тараса, очевидно, свободно читал этот «текст», и Тарасу даже показалось, что он тоже понимает смысл отдельных его фрагментов. Однако сознание вдруг начало плыть, мерцать и меркнуть, организм требовал отдыха, и путешественник по пространствам внутренней памяти с сожалением понял, что пора возвращаться в «свое время».

Подъем из бездн памяти напоминал процесс выныривания из-под воды.

Он с плеском выскочил на поверхность сознания, в свет и тепло, хватая ртом воздух, как оглушенная рыба. Ощутил млеющую затекшую руку, увидел кружащиеся и падающие стены горницы и закрыл глаза, начиная процедуру настройки организма на оптимальный режим функционирования. Поднял к глазам руку с часами. С момента спуска «на дно памяти» прошло всего три четверти часа, хотя по ощущениям он отсутствовал не менее трех-четырех часов. Время трансового состояния воспринималось сознанием иначе, нежели время обычного событийного потока.

Тарас посидел немного, привыкая к тесноте собственного тела, затем начал набор энергии в соответствии с практикой ритмического дыхания.

В течение пяти минут он сосредоточивал мысли на развитии энергетических способностей и расслаблял мышцы тела одну за другой, пока они не перестали ощущаться. За восемь секунд сделал полный глубокий вдох, задержал воздух в легких на восемь секунд и выдохнул так же медленно. Повторил цикл десять раз, меняя ноздри на вдох и выдох. Подождал две минуты и еще раз прошел всю процедуру, пока не дошел до двадцати секунд на каждое упражнение. Через двадцать минут он почувствовал «движение духа» в теле и стряхнул избыток энергии с пальцев рук струйками розоватого свечения. Теперь он был готов повторить поход в прошлое, чтобы еще раз взглянуть на Гипертексты предков. Однако это можно было сделать и позже, а пока ситуация требовала конкретного решения и для выяснения координат базы Гелаева необходим был выход в астрал для встречи с Ведогоном, духом-хранителем рода Горшиных.

Оглядевшись вокруг с помощью «третьего глаза» и не обнаружив злых потоков внимания к дому прокурора, Тарас снова устроился в кресле поудобней и усилием воли, с короткой раскачкой сознания, ввел себя в трансовое состояние ментального поиска.

Темнота перед глазами вскипела, превратилась в крыло света, и перед ним открылось видение: ровное пушистое море белого тумана, изредка выстреливающее туманные фонтаны, и пустое фиолетовое небо над ним, в такт фонтанам испускающее бледные лучики света.

Ради любопытства Тарас подставил свою бесплотную руку под один лучик и едва не вскрикнул от неожиданности, испытав боль и наслаждение одновременно. Не удержался, чтобы не подставить руку еще раз, и услышал тихий осуждающий голос:

«Безрассудно тревожить *необъятное* ради пустого любопытства».

Тарас «отдернул руку», виновато пояснил:

«Я впервые переживаю такие ощущения. Что это за лучи?»

«Суперпозиции полей смысла, кодоны, обладающие эффектом захвата человеческих душ. Лучше держаться от них подальше».

«Что значит – захват душ?»

«Человека тоже можно представить как сложную суперпозицию материальных микрообъектов, полей, сил и энергоинформационных потоков, обладающую „зерном жизни“ – душой, которая, в свою очередь, тоже является суперпозицией тонких полей. Кодоны работают как ловушки, настроенные на соблазн получения удовольствий. Души, устремленные по этому пути, скатываются в инферно, откуда нет возврата, а человек становится проводником *тьмы*».

«Понял, спасибо, учту. Мне нужна информация».

«Ты слишком часто стал прибегать к нашей помощи для решения конкретных земных задач. Насколько это важно?»

«Прошу прощения, но это действительно важно. Мне

нужны координаты схрона полевого командира Гелаева или хотя бы точки выхода к ней. Географическая зона определения – окраина города Грозного...»

«Мы уже знаем, о чем идет речь, – перебил Тараса наставник рода, почему-то всегда говорящий о себе во множественном числе. – Еще одно замечание: ты слишком открыт во время выхода в информационное поле, научись экранировать мысли или маскироваться под природные образования, иначе тебя перехватят темные иерархи и перепрограммируют».

«Что значит – маскироваться под природные объекты?»

«Вопрос уже подразумевает ответ, думай».

«Благодарю за советы. – Тарас вдруг почувствовал дуновение чьей-то холодной злой силы, заторопился. – Дайте мне карту полей...»

«Тебя засекли, уходи! Вход в систему подземелий, ведущую к схрону ненавидящих и недумающих, находится в трех километрах от дома, в котором ты находишься в данный момент, на правом берегу реки Сунжи, в развалинах тракторного завода. Прощай».

Голос духа-наставника втянулся в океан тумана струйкой света. Океан вдруг заволновался, покрылся рябью, из его глубины вынырнула голова змеи с пылающими алым светом глазами и вперила взгляд в замершего человека.

Тарас содрогнулся, начиная отступление.

Конечно, ни туманного океана с фонтанами, ни змеи на

самом деле не существовало, такими эти энергоинформационные образования астрала отражало в зрительных образах сознание Тараса, но от этого змея не становилась менее опасной, а падение в океан грозило потерей личности, и надо было убираться из этого проявленного его волей мира как можно быстрее.

Змея вытянулась над туманом на сотни километров, сверкая гладким и одновременно кисейно-неплотным туловищем, ринулась за уносящимся в небо Тарасом, превращаясь в смерч ужаса, но он уже нашел в тумане надежное убежище – свое тело – и нырнул в него на огромной скорости, спасаясь от чужого волевого «выстрела».

Удар возвращения был так силен, что он какое-то время ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Очнулся от чьего-то прикосновения, вздрогнул, открывая слезящиеся глаза.

Напротив стоял учитель и смотрел на него, склонив голову к плечу.

Тарас резко приподнялся, сел в кресле поудобней.

– Вы?..

– Риск – благородное дело, – осуждающе покачал головой Елисей Юрьевич, – но сюда мог прийти и кто-нибудь другой. Ты был там? – Он показал глазами на потолок.

– В астрале, – смущенно признался Тарас.

– Зачем?

Тарас отвел взгляд, помял лицо ладонями, чувствуя себя

разбитым и усталым. Кинул взгляд на часы и не поверил глазам: он «отсутствовал» около полутора часов.

Елисей Юрьевич понял его мимику, нахмурился:

– Долго?

– Полтора часа... никогда бы не подумал... я был там всего пару минут...

– Я не спрашиваю, что ты там искал, но уверен, искал напрасно. И так рисковать Посвященному непозволительно. Для походов по астралу необходим проводник и защитник.

– У меня есть проводник.

Тарас направился на кухню, плеснул в лицо холодной водой, вытерся и вернулся. Елисей Юрьевич в задумчивости смотрел на иконку в углу комнаты. Оглянулся, пытливо глянув на ученика.

– Ты мне ничего не говорил о проводнике.

– Боялся показаться смешным.

– Что это за сущность?

– Дух рода... наставник... я называю его Ведогоном.

– Понятно, – с облегчением кивнул Елисей Юрьевич. – Это действительно проводник. Духи этого вида редко выходят на прямые контакты. Ты чем-то их заинтересовал.

– Почему – их? Он назвался Ведогоном, хотя всегда о себе говорит «мы».

– Это коллективная сущность, вбирающая память каждого предка. Если будешь прислушиваться к их советам, далеко пойдешь.

Тарас отвел взгляд.

– Постараюсь. Мы уходим?

– К сожалению, придется задержаться. По не зависящим от нас обстоятельствам самолет улетает завтра утром. Соответственно, и мы летим завтра утром. Надеюсь, у тебя нет планов на вечер?

Тарас хотел было сказать правду, но не успел. В кармане Елисея Юрьевича засигналил мобильник.

– Да, – сказал он, вытащив трубку, помолчал, выслушивая абонента. – Хорошо, встретимся в девять у Юрка-два.

Посмотрел на Тараса.

– Мне придется отлучиться по делам на пару часов. Можешь присоединиться.

– Лучше я подожду вас здесь, – сдержанно сказал Тарас, пряча радость в душе, что не придется объяснять учителю причину своего ночного отсутствия.

– Хорошо, – кивнул Елисей Юрьевич. – По ресторанам и кафе нам лучше не ходить, поэтому поужинаем здесь, я чего-нибудь принесу вкусенького.

Он вышел.

Заурчал мотор машины.

Тарас подождал, пока она отъедет, и вздохнул полной грудью. Можно было начинать операцию, намеченную еще утром.

Глава 16

Нелюди жить не должны

Из дома он вышел в начале девятого, когда городом и его окрестностями завладели сумерки. Вечер двенадцатого апреля, в День космонавтики, выдался в Чечне хмурым, но теплым и без дождя. На Грозный медленно напозла с юга череда серо-синих облаков, обещающая или дождь, или град. Тарас мог бы и поколдовать, попросить у природы хорошей погоды, однако, во-первых, дождливая погода была ему удобней, во-вторых, любое вмешательство в окружающую среду приводит к ее ответной реакции, зачастую не только нейтрализующей действия оператора, но и ухудшающей состояние физических систем в месте применения *силы*. Поэтому ничего «улучшать» Тарас не стал, хотя действительно умел это делать, учитель давно практиковал с ним приемы воздействия на природу и съема энергии с больших растительных структур.

Экипировка на этот раз не вполне удовлетворяла Тараса, взявшего с собой в Чечню лишь спортивный костюм и кроссовки. Набор «ниндзя» остался дома, вместе со старым костюмом для ночных десантных операций, а из оружия у него были только несколько метательных пластин и нож. Впрочем, огнестрельным оружием он решил не пользоваться во-все, убийцы женщин и стариков не имели права на *легкую*

смерть.

Просканировав окрестности прокурорского дома с помощью «личного биолокатора» – «третьего глаза», Тарас выбрался на огород, а оттуда спустился никем не замеченный к реке. Если за домом и наблюдали, вряд ли они видели этот маневр, называемый адептами ниндзя-подготовки *онг-юо*, или «растворением в воздухе». Костюм на Тарасе был фиолетовым, без белых полос и деталей, и помогал ему сливаться с местностью, тем более вечером.

Три километра вдоль реки он преодолел за полчаса, затем переправился на другой берег Сунжи по ржавой газовой трубе и замер, настраиваясь на боевое состояние. Начал он с расширения поля зрения, добиваясь сосредоточения на периферии взгляда и постепенно увеличивая сектор обзора во все стороны. Затем добился усиления четкости рассматриваемых предметов в полной темноте и стал видеть почти как днем.

Развалины тракторного завода предстали прямо перед ним как на ладони темной зубчатой громадой, напоминающей древний замок. Продолжая наблюдать за развалинами, Тарас распределил объемы внимания на триста шестьдесят градусов и тенью скользнул через пустырь, приблизившись к северной оконечности завода.

Замер, прислушиваясь к тишине вокруг. С минуту все было тихо, потом дуновение ветерка принесло тихие человеческие голоса и позвякивание: мимо одного из разрушен-

ных корпусов завода по асфальтовой дорожке шагали двое, цепляясь ботинками за камни, и беседовали. Тарас снял кроссовки, обошел наполовину рухнувшую стену, приблизившись к разговаривающим.

Это были боевики-чеченцы, одетые в одинаковые кожаные куртки, бесформенные штаны и вязаные шапочки. У обоих на плечах дулом вниз висели автоматы, и оба вели себя совершенно спокойно, не ожидая никаких неприятных сюрпризов, будто федеральная власть для них не существовала. Впрочем, они федеральную власть никогда и не признавали, подчиняясь своей бандитской власти, будучи ее нравственными рабами. На людей боевики были похожи только внешне.

Они прошли мимо притаившегося Тараса, обдав его смесью запахов перегара, лука, пота и мочи. Остановились у сгоревшего бронетранспортера, закурили. Потом снова двинулись в обход территории, представляя собой охрану входа в подземелье. А так как они могли проходить подобным образом всю ночь, надо было как-то заставить их открыть замаскированный лаз.

Тарас бросил камешек в стену здания.

Боевики схватились за автоматы, вглядываясь в силуэты развалин. Один из них достал какой-то предмет, похожий на котелок, приставил к глазам. Тарас понял, что это прибор ночного видения, чертыхнулся про себя, спрятался за груды камней. О том, что у охранников могут быть инфракрасные

ские устройства, он не подумал.

Однако ему повезло.

В полусотне шагов от замерших боевиков послышались металлический лязг и стук осыпающихся камней. В треугольнике между углом здания, сторевшей цистерной и остовом трактора отъехала в сторону бетонная плита, открывая зев люка, и оттуда на землю вылезли один за другим три человека. Двое были чеченцами, третий – в пятнистом комбинезоне, с погонами полковника, короткостриженный, круглолицый, явно принадлежал к иному типу людей. Говорил он по-русски чисто, без акцента, вставляя в свою речь прибаутки и матерные выражения, и вел себя как хозяин.

– Придется два километра топтать пёхом, – сказал один из чеченцев, с папахой на голове, демонстрируя неплохое знание русских идиом. – Машина ждет вас у моста.

– Ничего, для бешеной собаки семь верст не крюк, – хохотнул в ответ незнакомец в камуфляже. – Надеюсь, я не зря бил ноги по вашим буеракам. Не забудьте, самолет вылетает в девять утра.

– Сделаем, не сомневайся, – буркнул с акцентом чеченец в папаче.

– Только не так, как на кладбище. Мне сказали, ваших людей положил один человек, а их было трое. Снайпера херовы!

– Мы его достанем, – пообещал чеченец в папаче. – Не здесь, так в Москве.

Тарас понял, что речь идет о нем.

– До Москвы самолет долететь не должен, – категорическим тоном бросил полковник. – Вам хорошо заплатили.

Чеченец в папахе отвернулся, позвал:

– Хайрам.

– Здесь я, – подбежал к разговаривающим один из сторожей.

– Проводи гостя.

– Слушаюсь, командир.

– Прощай, Муса, прощай, Хамзат, – сказал полковник, не подавая, однако, руки. – С оружием у вас все в порядке, а вот вино плохое. Скажу своим, пусть подкинут пару ящичков молдавского. Да и водочки тоже.

– Нас грузины вином снабжают, – заговорил второй чеченец. – Вы нам лучше непеленгуемые рации добудьте.

– Будут.

Полковник вскинул вверх сжатый кулак и двинулся вслед за проводником, спотыкаясь и чертыхаясь. Чеченец в папахе огладил бороду, что-то сказал по-чеченски спутнику и полез в люк. За ним спустился второй чеченец. Люк закрылся, бетонная плита встала на место, все стихло. Оставшийся в одиночестве охранник потоптался немного у трактора, закурил и направился в обход охраняемого двора. Судя по всему, это занятие ему обрыдло, тайна схрона федералам была неизвестна (если не считать тех, кто *все* знал), и можно было не ждать нападения.

Тарас прикинул, сколько времени потребуется проводнику, чтобы доставить полковника к машине и вернуться обратно, – выходило не менее сорока минут, и начал действовать.

Закуривший охранник не сразу понял, что за препятствие сформировалось на его пути. Затем какая-то сила вырвала у него автомат, саданула по голове и уложила лицом в щебень, так что он не успел ни выхватить нож, ни крикнуть.

– Тихо! – прошипел в ухо чей-то суровый голос. – Ответишь на вопросы – будешь жить! Понял?!

Ужас душевной волной ударил в голову. Захотелось жить. Клятвы мстить гяурам – неверным – и не бояться смерти во имя Аллаха вдруг стали несущественными. Главным сейчас было выжить во что бы то ни стало, даже ценой предательства.

– Я скажу... все скажу... – забормотал охранник глухо, елозя губами по гравию.

Тарас чуть ослабил хватку.

– Я знаю, где вход в систему подземелий, как его открыть?

– Там охрана...

– Отвечай на конкретный вопрос!

– Надо стукнуть три раза...

– Сколько? – Тарас сильнее сдвинул мышцы шеи, так что охранник засипел от боли.

– Три... раза... и один...

– По плите?

- Там бетонный столб...
- Сколько человек охраняет вход?
- Два... у них пулемет... гранаты...
- Куда ведет подземный ход?

Пленник дернулся, борясь с самим собой: он боялся командира, боялся наказания, но ужас, внушенный Тарасом, оказался сильнее.

- Там база... в пещера... в горах... заложники...
- Сколько заложников?
- Шесть штука... два солдат... русские... судья и еще...

Тарас кивнул сам себе. По официальным данным, в руках террористов до сих пор находилось около девяти сот заложников. Всего же с начала первой чеченской кампании на территории Чечни пропали без вести две с лишним тысячи человек.

- Сколько боевиков в банде?
- Много... не считал... тридцать-сорок...
- Они все в одной пещере или в разных?
- Там три пещера... командир и его женщины отдельно...

потом на складе... и остальные...

- Чем вооружена охрана?
- Автомат... гранатомет... снайперский винтовка... огнемет такой маленький есть...

– Ранцевый. Да, снабжает вас за граница отменно. Да и наши предатели не отстают. Все сказал? Ничего не забыл? Я ведь вернусь!

– Все... не убивай... – заторопился охранник. – По тоннелю висят такой железный прутья... заденешь...

– Понятно, взрывные устройства. Вот за это спасибо. Живи... пока.

Тарас нажал парализующую точку на шее чеченца, и тот обмяк.

Вокруг стояла тишина, лишь издали доносилось грохочущее ворчание – приближалась гроза. Птицы на территории разрушенного завода не водились, и каждый шорох был слышен далеко. Тарас надел кроссовки, чтобы не посбивать ноги о камни, сейчас уже можно было не заботиться о бесшумности передвижения, и подобрался к бетонной плите, под которой начинался лаз в подземный ход, соединявший завод с базой Гелаева в предгорьях Брагунского хребта.

Бетонный столбик располагался рядом с плитой и, очевидно, служил своеобразной линией связи с охраной входа. Тарас стукнул камнем три раза по столбику, потом еще раз.

Загудело. Плита начала отодвигаться. Скорее всего, ее убирали вручную с помощью лебедки. Обнажилось круглое отверстие люка, из которого прынула волна гнусных запахов. В глубине открывшегося лаза блеснул фонарь. Тарас молча прыгнул в отверстие, группируясь в полете и высчитывая положение охранников. В данный момент он действовал по принципу саккацу⁷, и охранники были для него только пре-

⁷ Саккацу – свобода убивать (яп.), один из ментальных принципов в мироощущении ниндзя.

пятствием на пути к цели, а не людьми.

Сбитый с ног охранник с фонарем охнул, фонарь выпал из его руки и погас. Удар ножом, вскрик. Второй охранник сдернул с плеча автомат, но выстрелить не успел. Нож вспорол куртку на груди и вошел точно в сердце. Чеченец умер мгновенно.

Тарас замер, пригнувшись к воню, прислушиваясь к глухой тишине подземелья и оглядываясь. Отсутствие света не мешало ему видеть так же хорошо, как и днем, разве что в ином цветовом диапазоне.

По-видимому, подземный ход начинался с канализационного коллектора завода. Охрана располагалась в небольшом помещении с бетонными стенами, в котором стоял столик, деревянный топчан с брошенным на него тюфяком и механизм сдвигания плиты – четыре зубчатых колеса на ржавой металлической станине, цепь и рукоять. Наверх вела лестница с металлическими ступенями, а в стенах чернели круглые отверстия, представлявшие собой выходы канализационных труб метрового диаметра. Воняло здесь, как в свинарнике, и Тарас мимолетно подумал, что боевиков не только сопровождает дрянь и вонь, но и вся их жизнь – дерьмо!

Он присмотрелся и безошибочно определил начало подземного хода, хранившего ментальные и энергетические следы часто проходивших здесь людей, хотя труба на первый взгляд и не отличалась от других. На всякий случай подхватив фонарь, он устремился вперед, согнувшись в три поги-

бели, чтобы не цеплять макушкой бетонный верх трубы. Подумалось, что в его работе передвижение по канализационным трубам становится обычной практикой.

Канализационная система тракторного завода в отличие от него самого сохранилась отлично. Передвигался Тарас, не включая фонаря, но «третий глаз» позволял ему ориентироваться в полной темноте и оценить систему подземелий, в которой свободно мог разместиться целый армейский полк. Почему федералы не взорвали ходы, было загадкой. Возможно, не знали о существовании канализации, а возможно, закрывали на это глаза, встречаясь здесь с лидерами бандформирований, как только что ушедший отсюда полковник.

Труба вела сначала на север, потом повернула к востоку и закончилась через полкилометра, упершись в круглый бетонный коллектор диаметром в два десятка метров. Здесь тоже находился пост охраны хода, оборудованный, как и первый. Только топчанов было два, на них в данный момент спали боевики-охранники, а на столе стоял полевой военный телефон образца пятидесятых годов. Тут же, среди вскрытых банок с тушенкой и рыбными консервами, лежала многодиапазонная английская рация новейшего образца с цифровой системой настройки. Да и оружие у боевиков оказалось не отечественным – новейшие винтовки калибра четыре и семь десятых миллиметра «Хеклер и Кох» германского производства. Винтовки имели полностью закрытую ствольную коробку и оптический прицел, встроенный в ручку для

переноски, и были покрыты специальным составом, поглощающим тепловое излучение. С виду они напоминали бластеры из голливудских фантастических фильмов.

Тарас, за десятые доли секунды оценивший обстановку, прыгнул к топчанам и нанес два удара ребром ладони – по затылку первого охранника и по кадыку второго. Огляделся более тщательно, подержал в руках винтовку, покачал головой. У него и раньше не было сомнений по поводу того, что террористов в Чечне снабжает вся Европа, да и Америка тоже, теперь же он убедился в этом наглядно.

Пролом в стене коллектора вел в прямоугольный тоннель, проложенный достаточно давно, судя по состоянию креплений и запахам, возможно, еще в первую чеченскую войну. Он был довольно широким, до полутора метров, и примерно такой же высоты, так что и по нему можно было передвигаться только согнувшись. Стены его были обиты досками, а потолок укреплен бетонными плитами и балками, в щели между которыми изредка высовывались металлические штыри. Стоило задеть один такой штырь, как срабатывало взрывное устройство, заживо замуравывая смельчака, превращая тоннель в глубокую могилу.

Чутье могло подвести, пришлось включить фонарь, и скорость передвижения упала.

В какой-то момент доски под ногами и на стенах, а также потолок стали мокрыми. Тарас понял, что тоннель проходит под дном Сунжи. Затем впереди показался слабый отсвет,

и он выключил фонарь. Со времени спуска в канализационный люк прошло уже двадцать две минуты, и по расчетам выходило, что он преодолел под землей около трех километров. Если верить охраннику, выход на поверхность был уже близок.

Откуда-то слышались тихие голоса и музыка.

Тарас перешел на скользящий мягкий шаг, называемый мастерами русбоя «кошачьей лапой». Мастера ниндзюцу называли этот способ ходьбы – *хиккими*.

Светлый проем тоннеля приблизился. Голоса стали слышны отчетливее: говорили по-чеченски, изредка перебивая разговор взрывами визгливого хохота. Иногда доносились и другие звуки: гудение, позвякивание, отголоски музыки, глухой шум и стоны, а также едва слышные крики, от которых по коже бежали мурашки. Без сомнений, это кричал кто-то из заложников.

Тарас дошел до прямоугольной двери, выглянул из-за косяка.

Подземный ход заканчивался в пещере на высоте метра от ее бугристого каменного пола. Пещера была низкой, не очень большой и освещалась лампой дневного света, висящей на противоположной стене. Источником гудения оказался компактный электрогенератор, каких Тарас еще не видел. Работал он на любом топливе, вплоть до мусора, а изготовлен был, судя по дизайну, где-то на Востоке, в Корее или в Японии.

У дальней стены пещеры лежали длинные зеленые ящики с гранатометами и переносными зенитно-ракетными комплексами. Рядом высились горы ящиков с продовольствием и желтые контейнеры международной гуманитарной помощи с одеждой, медикаментами и консервами.

В пещере, провонявшей запахами солярки, табачного дыма, мочи, экскрементов и пота, располагалось два десятка деревянных нар и стенка с оружием, увешанная невиданным количеством винтовок, автоматов, гранатометов и пулеметов иностранного производства. Хотя среди них присутствовало и отечественное стрелковое оружие – от автоматов Калашникова и Никонова десантных образцов до снайперских винтовок «СВД» и «БСК».

Однако боевиков здесь находилось гораздо меньше, чем можно было судить по количеству оружия, всего с десятков. Очевидно, основная масса отряда Гелаева ушла на задание либо была уничтожена в результате умело проведенных федералами спецопераций. Большинство спали на нарах, трое сидели у включенного – и великолепно работающего! – цветного телевизора и смотрели какой-то порнофильм, смысл которого сводился к хорошо известному *движению*. Такими фильмами потчевали обычно после двенадцати часов ночи российских владельцев канала ТВ-плюс.

В пещере было душно, и бородачи сидели полуголыми, блестящие от пота, с бутылками и жестянками пива в руках. Тарас знал, что Коран запрещает зрелища эротического пла-

на и распитие спиртных напитков, но эти «адепты» «истинного» исламского учения, похоже, давно перешли грань послушания законам шариата и представляли собой даже не отчаявшихся фанатиков исламского фундаментализма (среди них были и арабы, и русские, и украинцы), но живых мертвецов с прогнившими душами.

Один из бородачей, с бритым черепом и перебитым носом, захохотал, отбросил жестянку с пивом и побрел к нарам. Рухнул на ложе, накрытое смятым ватным одеялом, затих. Двое продолжали смотреть телевизор, перебрасываясь репликами. Они так и не успели среагировать на подувшийся сквознячок и мелькнувшую у стены пещеры тень.

Тарас не стал рисковать, метая сюрикэны, хотя промахнуться не боялся, но боевики могли закричать, а воевать со всем отрядом в планы Горшина не входило. Поэтому он перебежал открытое пространство на цыпочках, нанес первому два мгновенных удара – в шею с двух сторон ребрами ладоней, а ко второму применил экстремальный вариант ваки-гатамэ⁸, от которого бородач задохнулся и потерял сознание, не издав ни звука.

Телевизор (новейший «Шиваки» с метровой диагональю) продолжал выдавать охи, ахи и стоны «актеров», боевики мирно спали, ни один из них не проснулся. Можно было двигаться дальше.

⁸ *Ваки-гатамэ* – выкручивание и сжатие тела противника сбоку, приводящее к удушью за счет сжатия надпочечников.

Вход в соседнюю пещеру был занавешен кошмой. Тарас отодвинул краешек и выглянул, сосредоточиваясь на смене диапазонов видения.

В этой пещере, узкой и длинной, со сводчатым потолком, с которого свисали острые каменные шпилы, держали заложников. Всего их было шесть человек, молодых и постарше, но одинаково худых и обросших, скорчившихся на камнях со связанными ногами и руками. Одеты все были в невообразимые лохмотья, потерявшие цвет, и половина из них не имела обуви.

Освещалась пещера слабеньким автомобильным фонарем, бросавшим отсветы на потолок. Охранников здесь было двое. Один спал на топчане, укрывшись с головой одеялом, второй сидел на кошме с поджатыми ногами и грезил с открытыми глазами, раскачиваясь из стороны в сторону и глядя на фонарь. В пальцах у него дымилась длинная серая сигарета с наркотиком. Судя по черной гриве волос и короткой черной щетине, он был арабом. Его напарник пошевелился, сбросил одеяло, и стало видно, что он, скорее всего, славянин.

Араб умер первым, со свернутой шеей, перейдя из мира грез в мир Нави без особых усилий со своей стороны. Второй охранник охнул от удара, и Тарасу пришлось некоторое время удерживать его голову, прижатую к матрасу, пока он не затих.

Ни один из пленников, измученных в неволе голодом и

пытками, не проснулся.

Тарас беззвучно скользнул к дальнему концу пещеры, где виднелась треугольная деревянная дверь без ручки, ведущая в последнюю пещеру, где должен был находиться командир отряда со своими телохранителями и женщинами, о которых говорил охранник на территории завода. Открыть дверь с этой стороны было невозможно, разве что пальнув в нее из гранатомета, и Тарас приник к ней ухом, напрягая слух.

Он услышал тихие голоса, скрип, стоны, затем смех. Снова голоса, шаги. Чей-то повелительный голос. Шаги приблизились к двери, лязгнул засов.

Тарас вжался в каменную нишу слева от двери, дверь открылась. В пещеру, согнувшись, протиснулись два бородача и бросили на пол полуголового подростка. Повернувшись к двери, они увидели свою смерть в образе сгустившейся темноты, упавшей обоим на головы.

Мужики оказались здоровыми, крепкими, поэтому бить их пришлось в полную силу, «навывлет», в горло и в висок, чтобы они не успели крикнуть.

Шум от падения тел получился изрядный, однако это уже не волновало Тараса. Он взял *темп* и ворвался в пещеру, примерно зная, сколько в ней находится боевиков.

Пещера оказалась самой большой, просторной, почти квадратной, с высоким потолком, под которым висела самая настоящая хрустальная люстра. Стены ее были увешаны коврами, ковры также лежали на полу, а в естественной нише,

образовавшей нечто вроде алькова, стояла кровать с роскошным бельем и трюмо, возле которого стоял, почесываясь, голый бородач, разглядывая себя в зеркале. Это был тот самый чеченец в папахе, который провожал полковника в армейской полевой форме на территории тракторного завода.

Кроме него в пещере находилось еще двое мужчин в пятнистых комбинезонах: бородастый горбоносый чеченец, молодой и здоровый, и жгучий брюнет с усиками, высокий, накачанный, сильный. Они сидели за столом возле двери и играли в нарды.

Еще один стол и четыре стула стояли в дальнем углу пещеры, уставленные бутылками, тарелками, банками и котелками. Здесь хозяева жилища трапезничали.

В другом углу пещеры стояли приборная стойка ВЧ-аппаратуры и спутниковой связи, а также телевизор и пирамида с оружием.

Игравшие в нарды телохранители командира отряда оглянулись на дверь. Чеченец, имевший острое звериное чутье опасности, выхватил пистолет, и Тарас с десяти шагов метнул в него нож, попав точно в переносицу. Прыгнул к брюнету, метнув две оставшиеся звездочки сюррикэнов, не дав ему времени на размышления и попытку воспользоваться оружием. Брюнет, получивший одну звезду в плечо, а вторую в ухо, успел-таки выстрелить (хорошая подготовочка у парня, профессиональная, надо думать, его учили стрелять, не обращая внимания на боль), попал Тарасу в бедро – касательно

– и улетел во тьму беспамятства от страшного удара в подбородок, сломавшего ему челюсть.

Только теперь хозяин «спальни» обратил внимание на шум и оглянулся. Его можно было понять: даже в самом дурном сне ему не могло присниться появление *чужого* спецназовца в самом сердце бандитского схрона!

– Ты кто? – тупо спросил он по-русски.

– Граф в пальто, – глухо ответил Тарас, прислушиваясь к тишине подземелья.

Командир боевиков опомнился, метнулся было к пирамиде с оружием и охнул, наткнувшись на выпад оказавшегося перед ним Тараса. Затем он увидел светящиеся тигриные глаза гостя, в которых стыла холодная брезгливая ненависть, и почувствовал ознобливый, парализующий душу и тело ужас. Упал на колени, вытягивая вперед руки:

– Пощади! Не убивай!..

– Ты женщин не пощадил, – ровным и оттого более страшным голосом ответил Тарас, впиваясь взглядом в расширяющиеся зрачки главаря банды, добавил *мороча* в потоке *силы*. – Все зависит от твоих ответов. Скажешь все, будешь жить.

– Да-да-да, я скажу, скажу, спрашивай, – залепетал бородач, закатывая глаза. От него запахло мочой. Полевой командир Гелаев, наводящий ужас на мирных жителей Чечни, обмочился от страха.

Тарас поморщился.

– Кто заказал убийство женщин на рынке, жены и матери полковника Смирнова?

Бородач вздрогнул, начал трезветь, исподлобья глянул на Горшина, но встретил его *приказывающий* взгляд и снова расслабился.

– Полковник Жмутенко...

– Место службы?

– Штаб в Моздоке... он помощник начштаба по снабжению... хорошо заплатил...

– Давно вы с ним сотрудничаете?

– Семь месяцев скоро...

– Кто приказал ему? Кто главный заказчик?

– Не знаю... какой-то шишка из Москвы... нам платят, мы выполняем.

– На кладбище были твои люди?

Гелаев снова содрогнулся.

– Моя...

– Значит, ориентировку на уничтожение Смирнова вам дали уже после нашего приезда?

– Мы работаем только после получения...

– Оплаты.

– Да...

– Почему не выдали заложников?

– Они нам еще нужны... для работы...

– И для развлечений.

Бородач отшатнулся, так как Тарас добавил в голос убий-

ственные интонации и гортанный окрас метаязыка.

– У вас должен быть запасной выход! Где? Говори!

– Здес, за кровать...

Тарас ткнул пальцем в шею Гелаева, шагнул было к его огромной кровати, не глядя на упавшего, и вдруг понял, что не сможет уйти один. На раздумья затратил несколько драгоценных секунд. Потом вернулся в пещеру с заложниками, по пути добив зашевелившегося охранника, и по очереди разбудил пленников, освободил их от пут.

По-видимому, они не совсем поняли, что от них требуется, так как безропотно направились в пещеру повелителя, не глядя на своего освободителя. И лишь увидев неподвижные тела охранников и самого Гелаева, поверили, что это не сон. Двое из них упали на колени, так велико было потрясение, остальные сгрудились у двери, испуганно разглядывая убранство жилища их главного мучителя, и Тарасу пришлось подтолкнуть их к кровати, прижав палец к губам. Они молча повиновались. Лишь самый молодой из них, тот, которого выбросили из спальни командира телохранители, вдруг метнулся к оружию и выхватил автомат. С трудом Тарасу удалось убедить его не поднимать шум. Тогда парень выпустил из рук автомат, бросился к столу, вытащил торчащий из банки с консервами нож и вонзил Гелаеву в грудь. Остановить его Тарас не успел да и не захотел.

Выход из пещеры был замаскирован ковром. За ним начинался короткий тоннель, пробитый в толще горных пород

кирками и ломами. Он вел к небольшой естественной пещерке, которая имела узкий выход на склон горы. Здесь тоже дежурили охранники в количестве двух человек, вооруженные пулеметом и автоматами. Однако нападения с тыла они не ожидали и сопротивления почти не оказали.

Шел второй час ночи, когда Тарас вывел пленников из подземных казематов базы боевиков.

Еще через два часа он оставил вконец ослабевших людей недалеко от блокпоста и растворился в ночи, пожелав им удачи, понимая, что эта акция скоро превратится в легенду.

Елисей Юрьевич встретил его у дома прокурора и, не спрашивая, где он пропал полночи, провел в дом. Некоторое время они смотрели друг на друга, хорошо видя в темноте. Потом Тарас проговорил угрюмо, внезапно ощутив физическую и душевную усталость:

– Нелюди жить не должны!

Учитель не ответил.

– Его фамилия Жмутенко, – добавил Тарас. – Полковник из штаба армии в Моздоке.

– Я знаю, – тихо ответил Елисей Юрьевич. – Для того чтобы это узнать, не надо было рисковать жизнью.

– Вы... знали?!

– Мойся и отдыхай. – Елисей Юрьевич направился к спальне за печкой.

– Вы знали... и ничего не...

Учитель остановился, искоса глянул на ученика.

– Есть другие методы воздействия на ситуацию. Все, что надо, делается. Не вздумай искать того мерзавца, им займутся компетентные органы.

Тарас не нашелся, что ответить. На душе сделалось мурно и тоскливо, захотелось смыть с себя пот, грязь и кровь. Он вышел в сени и долго мылил, скреб и скоблил тело, обливался водой, снова намыливался, но так и не смог очиститься полностью. Душа продолжала ныть и корчиться, не желая успокаиваться и принимать убедительные доводы, которые находил Тарас. На вопрос, заданный самому себе: до каких пределов жестокости может доходить восстановление справедливости? – он ответа не нашел.

Глава 17

Разминирование

В начале девятого они заехали в больницу, где лежала Валентина Матвеевна. Тоня, кутавшаяся в черный платок, тоже находилась здесь, дежурила у ее постели. Выглядела она вялой и заторможенной, хотя пыталась бодриться, под глазами легли тени, нос заострился, искусанные губы потемнели, и Тарас, ощутив острый приступ сочувствия, попытался передать девушке положительный энергоимпульс.

Валентина Матвеевна встретила гостей с каким-то необычным оживлением. Глаза ее, полные боли и тоски, лихорадочно блестели, запавшие щеки покрылись красными пятнами, казалось, она сейчас встанет и начнет хлопотать по хозяйству.

Елисей Юрьевич поставил на тумбочку возле кровати женщины пакет с фруктами, посидел немного, обыденным тоном рассказав ей какие-то семейные новости. Тарас попытался разговорить Тоню, но ему это не удалось. Девушка его не слышала, обитая где-то в других измерениях. Горе ее было сильнее, и выйти самостоятельно из этого состояния она не могла.

– Вас будут навещать друзья, – сказал Елисей Юрьевич, вставая. – Да и родичи не оставят, Петя скоро приедет, баба Катя, Руслан, Маня.

– Возьмите ее с собой! – вдруг попросила Валентина Матвеевна, привстав с подушек и указав глазами на Тоню. – Здесь она пропадет. Умоляю!

Елисей Юрьевич и Тарас переглянулись в некотором замешательстве, одновременно посмотрели на девушку, удивленную таким оборотом дела.

– Что ты такое говоришь, бабушка? Как я могу тебя бросить?!

– Ничего со мной не сделается, милая, – отмахнулась Валентина Матвеевна, откинулась на подушки, не сводя глаз с Елисея Юрьевича. – Полежу тут денек-другой и встану. Петя переедет, жить будем вместе, да и Катя навещать собирается раз в неделю. А ты езжай с ними в Москву, тебе учиться надо. Так возьмете, Елисей? Девочка-то хорошая, неизбалованная, чистая, ей тут плохо будет.

Елисей Юрьевич встретил взгляд Горшина, прищурился:

– Твое мнение?

– Я – за, – быстро ответил Тарас, спохватился и добавил уже более рассудительно: – Здесь у нее действительно мало перспектив. А наши житейские проблемы разрешимы.

Смирнов повернулся к Тоне:

– Поедешь с нами?

Глаза девушки стали большими, растерянными, в них наряду с недоверием и грустью сверкнула радость. Но она тут же повернулась к Валентине Матвеевне, схватила ее за руку:

– Бабуля, но как же ты одна? Я же не могу тебя бросить!

Женщина улыбнулась, так, что по ее лицу побежали добрые лучики морщин:

– Не беспокойся, милая. Не останусь я одна. Езжай со спокойным сердцем, мне тут легче будет, если я буду знать, что ты в добрых руках. Соскучишься – приедешь. Да и я, может, выберусь в столицу, почитай, двадцать лет там не была.

Тоня растерянно оглянулась на ждущих мужчин:

– Но мне надо переодеться, забрать вещи...

Елисей Юрьевич глянул на Тараса:

– Одна нога здесь, одна там. Бери «Волгу», помоги собраться. Оттуда сразу на аэродром. И не задерживайтесь.

– Постараемся, – кивнул Тарас. – Может быть, сначала отвезти вас на аэродром?

– Я справлюсь, сейчас подъедет спецгруппа.

Тарас взял Тоню под локоть:

– Пойдем, Тоня. Все будет хорошо.

Девушка отступила от кровати, потом с плачем кинулась на грудь Валентине Матвеевне, по лицу которой тоже покапались слезы. Она стала гладить внучку по волосам, по плечам, приговаривая:

– Успокойся, милая, все будет хорошо, жизнь продолжится, надо думать о будущем. Судьба у тебя такая. Да и не расстаемся мы навеки, встретимся скоро, иди с ними, иди...

Тоня подняла голову, несколько раз поцеловала бабушку в щеки, сжала кулачки:

– Я обязательно приеду, жди! Устроюсь там и приеду за

тобой.

– Конечно, Тошенька, я так и рассчитываю. Ну иди.

Валентина Матвеевна обняла внучку, поцеловала, стараясь выглядеть если и не здоровой, то уверенной, но Тарас поймал ее слепой взгляд, полный муки, любви и тоски, и понял, что это прощание *навсегда*. Женщина точно *знала*, что они больше никогда не увидятся.

– Идем, – мягко сказал он, сглатывая горький ком в горле.

Тоня безропотно подала ему узкую прохладную ладонь, и они вышли из палаты, сопровождаемые взглядами Валентины Матвеевны и Елисея Юрьевича.

– Он ей нравится, – кивнула женщина на закрывшуюся дверь, перекрестив ее.

– Она ему тоже, – улыбнулся Смирнов.

– Дай Бог им счастья!

– Присоединяюсь к пожеланию.

– Вы уж там присмотрите за девочкой, добрая она и светлая, таких сейчас мало.

– Не волнуйтесь, Матвеевна, сделаю все, что в моих силах.

Елисей Юрьевич поцеловал женщину в щеку, погладил ее по руке, передавая позитивный канал энергии, который должен был поддерживать ее некоторое время, и вышел. Он тоже *знал*, что мать погибшего друга долго не проживет.

В доме Антона Кирилловича их ждал сюрприз.

Едва Тоня вошла в горницу, как ее сразу схватили за руки и зажали рот. Однако она укусила того, кто ее держал,

и закричала. Ей снова зажали рот, но Тарас уже понял, что их ждала засада, и начал действовать в соответствии с ситуацией, не теряя времени на колебания и обдумывание плана действий.

Толкнув дверь, он нырнул на пол, перекатился колесом через порог и нанес два удара сразу по двум направлениям – тому, кто держал Тоню, и тому, кто зажимал ей рот. Затем вскочил разгибом вперед, выхватил у третьего парня пистолет и... едва успел отвернуть ствол в потолок.

Раздался выстрел.

Зазвенело стекло.

В гостиной прокурора стало тихо.

Всего в ней находилось четверо мужчин: трое – молодые парни в штатском, четвертый – капитан милиции в форме. Он был вооружен пистолетом-пулеметом и отреагировал на атаку Тараса с запозданием, иначе все закончилось бы печально. Капитан, судя по его мрачному и решительному виду, мог спокойно расстрелять хозяйку дома и ее сопровождающего.

– *Не надо!* – металлическим голосом сказал Тарас, направляя на него дуло отобранного у сотрудника милиции пистолета. При этом он сделал определенное движение свободной рукой и добавил в голос интонацию властной требовательности: – Кто вы?

Глаза капитана подернулись пеленой меланхолии. На один миг. Затем он опомнился и достал малиновую книжечку с

тисненной золотом надписью: МВД.

– Капитан Минтемиев, отделение угрозыска. Верните сотруднику оружие.

Тарас протянул пистолет владельцу.

– В следующий раз советую быть повежливее с дамой. Это ее дом, а не тренировочный полигон.

– В следующий раз я из тебя решето сделаю!

Тарас перешел в *темн*, снова отобрал пистолет у парня, разрядил и уже медленно протянул ему оружие рукоятью вперед.

– Надеюсь, у тебя есть право на ношение этого зверя?

Ошеломленный молодой человек судорожно цапнул пистолет, и вид у него был такой уморительный, что это несколько разрядило обстановку. Его напарники переглянулись, а капитан Минтемиев качнул головой с невольным уважением.

– С чем пожаловали, джентльмены? – спросил Тарас, загоразивая спиной испуганную Тоню. – У нас мало времени.

– Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, господин эксперт.

Минтемиев сделал знак пальцами, и трое его помощников окружили Тараса и Тоню. С Горшиным капитана никто не знакомил, и тем не менее он точно знал, с кем имеет дело.

– Вопрос первый, – продолжал Минтемиев, доставая блокнот. – Где вы были вчера утром, после похорон?

– Здесь, – спокойно ответил Тарас, понимая, что капитан

если и не знает, где он был и что делал, то догадывается. – А что?

– Вопросы здесь задаем мы. После похорон прокурора... э-э... Хованского на кладбище нашли три трупа. Вы не знаете, кто их там оставил?

– Ни малейшего понятия. А что, погибли уважаемые люди? – встревожился Тарас.

– Разве это имеет значение? – неприятным голосом осведомился капитан. – Люди есть люди.

– Вы ошибаетесь, люди бывают разные, – возразил Тарас. – Есть люди, а есть *нелюди*, боевики, террористы, убийцы. Может быть, вы считаете людьми и тех, кто убил ее отца и мать? – Он кивнул на Тоню.

Минтемиев тоже посмотрел на Тоню, нахмурился.

– Со всеми надо поступать по закону.

– То-то у вас здесь соблюдаются законы, – усмехнулся Тарас. – Днем – общечеловеческие, ночью – бандитские, волчьи. Хотя, впрочем, и днем без вины гибнут женщины и старики. Не скажете, по какому закону?

– Мы работаем.

– Отлично работаете! Вместо того чтобы ловить преступников, нападаете на мирных граждан, устраиваете в их домах засады, затыкаете рты.

– Ты говори, да не заговаривайся, умник! – не выдержал парень, у которого Тарас отобрал пистолет.

Тоня за спиной Горшина зябко вздрогнула. Время уходи-

ло, пора было принимать решение, какой способ действий избрать: попытаться договориться с местной властью или прорваться с боем.

– Если у вас больше нет вопросов, – проговорил Тарас более мягко, но убедительно и со скрытой угрозой, – то давайте разойдемся по-хорошему. Задерживать нас вы не имеете права, а если попытаетесь, это будет иметь далеко идущие последствия. Я всего лишь работник Комитета экологической безопасности, как говорится, невелика птица, а вот мой спутник – полковник *конторы*. Через пару минут он будет здесь, и тогда вам придется объяснять свое поведение в другом месте. Вам это надо? Кстати, вопросы, подобные вашим, мне уже задавали сотрудники более серьезного ведомства.

Минтемиев задумчиво почесал бровь, прошелся по горнице, касаясь пальцами дыр в стене, где застряли осколки гранат, и повернул к выходу:

– Пошли, ребята.

Тарас посторонился, наткнулся на плечистого спутника капитана и кинул на него такой *темный* взгляд, что тот вздрогнул и отшатнулся.

На пороге Минтемиев оглянулся:

– Конечно же, вы не знаете, кто ночью вывел группу заложников к блокпосту.

– Естественно, – пожал плечами Тарас. – Когда это случилось?

– Сегодня ночью. Какой-то супермен уничтожил охра-

ну базы известного полевого командира Хамзата Гелаева и освободил шесть человек.

– Действительно, это мог сделать только супермен, – остался иронично-спокойным Тарас.

– Заложники говорят, что это был высокий молодой человек в спортивном костюме. У вас случайно нет с собой спортивного костюма?

Тарас встретил острый взгляд капитана, ответил плотным пси-экраном, отбрасывая его «психофизический щуп». Так быстро весть о разгроме банды Гелаева *не могла* дойти до правоохранительных органов! Капитан Минтемиев либо работал на боевиков, либо обладал особыми возможностями, то есть имел канал связи с астралом. Или с чеченским «тарантулом тьмы».

– У меня был спортивный костюм, – ровным голосом сообщил Тарас. – Но у меня его украли.

– Стало быть, тот костюм, который мы тут нашли, в этом доме, со следами глины и грязи, не ваш?

– Не мой, – подтвердил Тарас, испытывая чувство досады; ему следовало догадаться уничтожить костюм.

– Ну да, прокурор Хованский, говорят, был когда-то спортсменом. Естественно, это его костюм.

– Да, у папы был костюм, – заговорила вдруг Тоня. – Он в нем на огороде работал.

Минтемиев задержал на ней взгляд, шагнул за порог, уводя своих сотрудников. Из сеней донесся его насмешли-

во-угрюмый голос:

– Будьте осторожны, гражданин Горшин, не потеряйте еще что-нибудь. Брюки, к примеру.

Тарас усмехнулся, проводил гостей «третьим глазом», ощущая ослабевающее давление на мозг. Он так и не понял, кем был капитан милиции Минтемиев, другом или врагом, и чем был вызван его визит. Одно казалось несомненным: капитан обладал серьезным пси-потенциалом и был очень информированным человеком.

– Это правда? – спросила притихшая Тоня.

– Что? – очнулся Тарас.

– Что кто-то убил на кладбище трех бандитов?

– Это плохо?

– Не знаю. Наверное, нет. Хотя папа предпочитал действовать по закону. А это правда, что кто-то освободил заложников?

– Правда, – кивнул Тарас.

Тоня несколько мгновений смотрела на него вопросительно и недоверчиво, потом вдруг быстро поцеловала и, смутившись, скрылась в спальне. Тарас озабоченно потрогал пальцем место под глазом, куда пришелся поцелуй, и подумал, что неплохо было бы ответить тем же. Как бы невзначай, чтобы не обидеть. Но в другом месте и в другое время.

Он вспомнил о словах капитана и вышел во двор, чтобы найти свой спортивный костюм, выброшенный в мусорную кучу за сараем.

Костюм лежал там, где он его оставил, никто его не трогал. Да и отыскать его любому постороннему человеку было бы сложно. Капитан соврал. Он не находил костюма, он *знал*, что «суперменом», освободившим заложников, был Тарас Горшин.

Кто же ты, капитан? Продавший душу дьяволу человек или воин Круга, волей судьбы заброшенный на многострадальную землю Чечни?

Тарас поднял глаза к небу, но ответа на свой вопрос не услышал.

Тоня выскочила через пять минут, переодетая в джинсовый костюмчик, превративший ее в мальчишку, с холщовой сумкой в руке.

– Я готова.

Он заметил следы слез на ее щеках, молча вытер их ладонью. Она всхлипнула, смущенно отвернулась.

– Поплакала немножко...

– Я понимаю, все правильно. Прощайся с домом, и поехали. Я подожду в машине.

– Я уже попрощалась. – Девушка с грустью обвела глазами двор, сад, пристройки, на глаза ее снова навернулись слезы, голос задрожал: – Так больно!..

Он молча прижал ее к себе, поглаживая по спине, подождал, пока стихнут рыдания, и повел к машине. Через минуту «Волга» уносила их прочь от дома, где погибли родители Тони, прочь от прошлого, в неизведанное будущее.

Елисей Юрьевич всерьез отнесся к сообщению Тараса о том, что боевики знают время вылета самолета. Он сразу уединился с командиром «Ан-12», потом ушел куда-то, и вылет задержали на два часа. Как потом выяснилось, по воздушному коридору над Чечней прошли «вертушки», обстреливая каждое подозрительное шевеление внизу, и им удалось накрыть в горах небольшой отряд боевиков, имевший на вооружении «стингеры». Вероятно, это были люди Гелаева, получившие задание сбить военный транспортный самолет.

Тем не менее полет «Аннушки» прошел не без инцидентов.

Взлетала она в начале двенадцатого, но не успела пересечь воздушное пространство Чечни, как ее догнала пара «Су-30», и рация принесла сухой голос ведущего пары:

– Борт «333», немедленно развернитесь на двадцать градусов и садитесь на аэродром в Южно-Сухокумске.

– Где это? – повернул голову к штурману первый пилот.

– Ставрополье, сто километров к востоку.

– Я «триста тридцать третий», – включил рацию командир «Ан-12». – Следую своим курсом. На борту «груз двести».

В чем дело?

– Мне приказано посадить вас в Южно-Сухокумске. Причин не знаю. Выполняю приказ. Если не подчинитесь, буду вынужден открыть огонь.

– Я пилот первого класса майор Дерипаска, с кем говорю?

– Лейтенант Серегин, шестой авиаотряд.

– Свяжись с базой во Владикавказе, сынок, с генералом Хаевым, твое командование не имеет права задерживать мою «птичку».

– У меня приказ.

– Ну, если приказ, тогда давай стреляй. Только как ты потом оправдаешь гибель двадцати человек? Или тебе наплевать?

Короткое молчание.

Командир посмотрел на появившегося в кабине Елисея Юрьевича, кивнул на прозрачный колпак кабины, за которым виднелись хищные силуэты пристроившихся «сушек». Елисей Юрьевич кивнул, закрывая глаза ладонью, сосредоточился на «ощупывании» биополей.

– Подтвердите, что на борту «груз двести», – прилетел голос пилота головного «Су-30».

– Подтверждаю, хотя это не главное, – хмыкнул командир корабля. – На борту живые люди, молодые парни, старики и дети, подумай о них, лейтенант. Свяжись с базой.

Еще минута молчания.

Самолеты поднялись над облаками, в иллюминаторы ударило солнце.

– Следуйте своим курсом, – раздался наконец голос пилота истребителя. – Удачи вам, майор.

Оба «Су-30» отвалили в стороны и исчезли в облаках.

– Спасибо, сынок, – сказал командир «Аннушки» с облег-

чением, сбрасывая наушники, повернулся к Елисею Юрьевичу: – Это ингушский авиаотряд, я знаю его командира. Что им было надо?

– Трудно сказать, – ответил Елисей Юрьевич. – Может, хотели проверить документы.

Пилоты в кабине заулыбались, оценивая шутку.

– Сволочной край! – вздохнул седой командир. – Дикие люди, дикие нравы! Если бы не погоны, хрен бы я согласился сюда летать.

– Это точно, – кивнул второй пилот.

– Доживу до пенсии, с дрожью вспоминать буду многие полеты.

– Позовите, если снова что-то случится, – сказал Елисей Юрьевич, возвращаясь к своим спутникам. На вопросительный взгляд Горшина он ответил коротким: – Все в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.